В данной монографии панорамно рассматривается внешняя политика Рима на Ближнем Востоке и роль Кавказа в ее пространстве в период с I в. до н.э. – III в. н.э. Авторы в научно-популярном стиле попытались ответить на широкий спектр вопросов: Каковы были истоки и причины римской экспансии на Ближнем Востоке? В чем заключалось основное содержание восточной политики Рима? Какая сила сдержала дальнейшее продвижение Рима в Азию? Почему римлянам не удалось повторить грандиозный поход Александра Македонского на Восток? Какое место занимал Кавказ в рамках восточной политики Рима? Чем отличалась роль Южного (Закавказья) и Северного Кавказа в ее рамках? Каковы были основные формы римского присутствия и реализации имперских интересов на Кавказе? Что собой представляли основы военного искусства главных участников имперских игр на Ближнем Востоке? Каким был результат этого длительного военного противостояния?

Остахов А.А. Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке

Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.)

Остахов А. А , Ильюшин Ю.В.

Остахов А.А., Ильюшин Ю.В.

КАВКАЗ В ЭПИЦЕНТРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РИМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (I В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.)

Пятигорск, 2012

УДК 94(5)+94(479)
ББК 63.3(5)+63.3(24)
О76

Авторы:
к.и.н., ст. преподаватель А.А. Остахов

преподаватель Ю.В. Ильюшин

Дизайн обложки:
Ю.В. Ильюшин

О76 Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). – Пятигорск: издательство «Пятигорский государственный гуманитарно-технологический университет», 2012 – 228 с.

Рецензенты:
д.и.н., профессор Ю.Ю. Клычников (ПГЛУ)

к.и.н., доцент С.С. Лазарян (ПГЛУ)

В данной монографии панорамно рассматривается внешняя политика Рима на Ближнем Востоке и роль Кавказа в ее пространстве в период с I в. до н.э. – III в. н.э. Авторы в научно-популярном стиле попытались ответить на широкий спектр вопросов: Каковы были истоки и причины римской экспансии на Ближнем Востоке? В чем заключалось основное содержание восточной политики Рима? Какая сила сдержала дальнейшее продвижение Рима в Азию? Почему римлянам не удалось повторить грандиозный поход Александра Македонского на Восток? Какое место занимал Кавказ в рамках восточной политики Рима? Чем отличалась роль Южного (Закавказья) и Северного Кавказа в ее рамках? Каковы были основные формы римского присутствия и реализации имперских интересов на Кавказе? Что собой представляли основы военного искусства главных участников имперских игр на Ближнем Востоке? Каким был результат этого длительного военного противостояния?

ISBN 978-5-922050-91-9

© ФГБОУ ВПО ПГГТУ, 2012
© Остахов А.А., Ильюшин Ю.В., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……..4

Глава 1. Истоки и начало продвижения Рима на Ближний Восток……8

1.1. Стартовое начало восточной политики Рима (II – I вв. до н.э.)……...8

1.2. Кавказские походы Помпея и вовлечение Южного Кавказа в сферу римской экспансии……21

1.3. Средиземноморское пиратство как мощный стимул римской экспансии на Восток……30

Глава 2. Кавказский лимес в рамках наращивания внешней политики Рима на Ближнем Востоке…….43

2.1. Эскалация восточной политики Рима (I в. до н.э. – III в. н.э.)……...43

2.2. Кавказский лимес как следствие римской экспансии на Ближнем Востоке……...64

2.3. Римские легионы на страже Кавказского лимеса……...83

2.4. Народы Северного Кавказа в имперских играх на Ближнем Востоке..95

Глава 3. Военная сторона восточной политики Рима……107

3.1. Военное искусство римлян……..107

3.2. Военное искусство парфян, персов, сарматов и алан……...137

3.3. Катафрактарная революция в античном военном искусстве……...160

Заключение…….182

Список источников и литературы…….....193

Карты……...203

Приложение……216

Введение

Многие регионы Земного шара представляют собой большой интерес, но с исторической точки зрения особого внимания заслуживают немногие: Ближний Восток, Кавказ и Крым. Ближний Восток является колыбелью древнейших человеческих цивилизаций: Египта, Вавилона, Шумера, Ассирии, Персии, Иудеи, Финикии и др. Именно в этом регионе зародились великие религии иудаизм, зороастризм, христианство и ислам, при этом последние две стали мировыми. На базе культурного наследия этого региона сформировался фундамент Азиатской (Восточной) цивилизации.

Со временем Греция породила основы новой Западной (Европейской) цивилизации. Но Греция, несмотря на величие своего культурного потенциала, героизм греко-персидских войн, дерзость Восточного похода Александра Македонского и грандиозность попытки эллинизации Азии, не смогла придать ценностям Западной цивилизации международный масштаб. Вскоре за это дело взялся Рим, который сначала сконструировал социально-политический скелет Европейской цивилизации, а затем, с помощью своих несокрушимых легионов, вывел ее ценности на мировой уровень. Римские легионеры на остриях своих гладиусов принесли их во все уголки Средиземноморья, которое постепенно превратилось во внутреннее Римское море. Методично продвигаясь на Восток, они дошли до Ближнего Востока. Рим долго шел в этот регион, для чего пришлось выдержать несколько тяжелых войн и изрешетить военными походами всю Малую Азию, Закавказье, Палестину и Египет. Но в итоге ему удалось только закрепиться на его окраинах, которые приходилось удерживать с великим трудом.

Рим так и не смог продвинуться дальше границы стран Золотого полумесяца. Он не смог повторить грандиозный поход Александра Македонского и проникнуть в глубины Азии. Забуксовав и увязнув в

ближневосточном регионе, Римская держава не смогла принести ценности Западной (Греко-Римской) цивилизации на Восток и взрастить их на азиатском поле. Естественно возникает вопрос: почему римлянам не удалось этого сделать? Почему они не смогли повторить подвиг Александра Македонского? Эти вопросы до сих пор остаются открытыми, поэтому и легли в основу данной монографии.

Стоит отметить еще другой момент, повышающий научную ценность данной работы. История Римской державы изобилует войнами, среди которых особое место занимают Пунические и римско-германские. Именно они наиболее ярко продемонстрировали мощь, величие и блеск римского оружия. Эти войны поставили Рим на грань гибели, но он смог не только выжить, но и победить своих врагов, став великой державой. Поэтому они до сих пор являются объектом пристального внимания историков. Но этот ряд римской военной славы не полон. Здесь не хватает третьего элемента – Восточных войн (римско-парфянских, римско-сасанидских и римско-сарматских). По накалу и уровню сложности они ничем не уступали Пуническим и римско-германским войнам, а по своим последствиям даже превосходили их, ибо Восточные войны проявили не только сильные, но и слабые стороны римской военной машины. Это спровоцировало в Риме военную реформацию, кардинально изменившую облик римской армии и предвосхитившую рыцарское воинство Средневековья. Восточные войны, вместе с Пуническими и римско-германскими, составляют святое триединство воинской славы Рима. На страницах данной монографии сделана попытка доказать это положение.

Говоря об актуальности темы данной монографии, стоит отметить два момента – Кавказ и межцивилизационный контакт. В общей канве событий восточной политики Рима важное место занял Кавказ. Бурный водоворот военно-политической борьбы сверхдержав на Ближнем Востоке затянул в свое лоно Кавказ, превратив его из географической окраины

Ближнего Востока, в геополитический эпицентр противоборства. Ближний Восток тесно связан с Закавказьем, которое в свою очередь тесно связано с Северным Кавказом, несмотря на то, что их разделяет Большой Кавказский хребет. Любое событие, разгоревшееся на Ближнем Востоке, особенно в Сирии, Турции, Иране и Ираке, обязательно заденет страны Закавказье, которые в свою очередь неминуемо втянут в эту кухню народы Северного Кавказа. Кстати, на сегодняшний день обстановка на Ближнем Востоке, особенно в Сирии, далеко нестабильная и вполне может иметь последствия на Кавказе, как это уже было во времена событий, рассматриваемых в данной работе.

Помимо этого, в современном мире основным процессом является глобализация, которая постоянно усиливает контакт Европейской и Азиатской цивилизаций. Ускоренные темпы глобализации приводят к тому, что этот контакт часто перерастает в острый межцивилизационный конфликт. В этой ситуации все более актуализируется интерес к проблеме контакта и конфликта цивилизаций, что автоматически повышает актуальность темы данной монографии, ибо следствием восточной экспансии Рима с одной стороны стал конфликт Западной (Греко-Римской) и Восточной (Азиатской) цивилизаций, а с другой – их контакт и взаимообогащение. В данной работе рассматривается формы проявления межцивилизационного контакта в военной сфере.

Объектом исследования в данной монографии является восточное направление внешней политики Рима.

Предметом исследования служит внешняя политика Рима на Ближнем Востоке.

В связи с этим основной целью данной работы является формирование панорамной картины внешней политики Римской державы на Ближнем Востоке и выяснение роли Кавказа в ее пространстве.

Отсюда вытекают следующие узловые задачи:

- осветить истоки и причины римской экспансии на Восток;
- охарактеризовать главную линию (стержень) внешней политики Рима на Ближнем Востоке;
- выявить основную силу, сдержавшую продвижение Рима в глубины Азии;
- описать основное содержание восточной политики Рима;
- охарактеризовать место и роль кавказского региона в русле восточной политики Рима;
- описать роль Южного (Закавказья) и Северного Кавказа в восточной политике Рима;
- охарактеризовать основные формы римского присутствия и реализации имперских интересов на Кавказе;
- выявить геополитическую значимость Кавказа для Ближнего Востока;
- описать военное искусство основных участников имперских игр на Ближнем Востоке;
- охарактеризовать результаты длительного военного контакта участников внешнеполитического процесса на Ближнем Востоке.

Хронологический период тематики данной монографии укладывается в границы с I в. до н.э. по III в. н.э. Однако для более полноценного освещения некоторых вопросов авторы иногда выходят за эти рамки.

Монография состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений исторических карт и иллюстраций. Над составлением введения и заключения, а также параграфов 2.1, 2.2, 2.4, 3.1, 3.2, 3.3 работал Остахов Анзор Александрович, тогда как над составлением параграфов 1.1, 1.2, 1.3, 2.3 работал Ильюшин Юрий Валерьевич. Приложение исторических карт и иллюстраций составлялось коллективно двумя авторами.

Глава 1. Истоки и начало продвижения Рима на Ближний Восток

1.1. Стартовое начало восточной политики Рима (II – I вв. до н.э.)

Восточный вектор внешнеполитической экспансии Рима обрисовался сразу же после окончания Пунических войн, при этом эскалации данного процесса способствовало органичное сочетание внутренних и внешних факторов. После поражения Карфагена, Рим стал самым могущественным государством в Западном Средиземноморье. Западный вектор экспансии по большому счету себя исчерпал: далее были только Галлия, Германия и Британия – области населенные воинственными варварскими народами, находящимися еще на родоплеменном уровне развития, в связи с чем, войны с ними не сулили никаких геополитических или финансово-экономических прибылей для Рима. Внутренняя индукция экспансии Рима, автоматически направляла его имперские интересы и амбиции в сторону Ближнего Востока.

С другой стороны этому активно способствовали внешние факторы: по совпадению в этот же период имперская экспансия Македонского и Селевкидского царств, доминировавших в Восточном Средиземноморье, приобрела западный вектор, т.е. была направлена в сторону Западного Средиземноморья, где господствовал Рим. Такой ход событий автоматически приводил к столкновению имперских амбиций римской державы и эллинистических царств. Другими словами, сама инерция исторического процесса, как внутренняя, так и внешняя, подталкивала Рим к началу активной внешней политики на Востоке.

Предыстория восточной римской политики начинается с Македонских и Сирийских войн. Причиной Македонских войн (215 – 205, 200 – 197, 171 – 168 гг. до н.э.) стало столкновение интересов Македонии и Рима за гегемонию в Греции и в западной Анатолии (западная часть Малой Азии). В первой Македонской войне (215-205 гг. до н.э.) македонский царь Филипп V, являвшийся союзником Карфагена, сразу после победы

Ганнибала при Тразименском озере попытался захватить Иллирию и расширить свои владения в Малой Азии. Рим должен был ответить на это, но т.к. его главные силы были скованы Ганнибалом в Италии, на Балканы был отправлен немногочисленный римский корпус. В период 214 – 212 гг. до н.э. Филипп предпринял четыре похода в Иллирию, но римские войска под командованием Марка Валерия Левина отразили его нападения и сохранили свои позиции в Иллирии. Вскоре Риму удалось сколотить военную коалицию против Македонского царства, в которую вошли Этолийский союз, Элида, Спарта, Мессения и Пергам. Опираясь на эту силу, римляне без особых военных действий сумели вынудить Филипп пойти на мирное соглашение в 205 г. до н.э. Так окончилась первая Македонская война, в результате которой Рим смог расширить свое политическое влияние в Греции.

После окончания второй Пунической войны (218-201 гг. до н.э.) Рим активизировал свою внешнюю политику на Балканах. Поводом к этому послужило обвинение Македонии в налаживании контактов с Карфагеном и нападение на союзников Рима (Родос, Пергам, Кария), что было расценено как нарушение условий договора 205 г. Так началась вторая Македонская война (200 – 197 гг. до н.э.). Главными союзниками римлян стали Родос и Пергамское царство. Положение Македонии было крайне затруднительным: финансовые ресурсы были истощены, внутри страны росла оппозиция против царя, а война с римлянами была непопулярна в народе. Исходя из этого, Филипп V хотел заключить мир с Римом, но последний, не желая упускать благоприятный момент для укрепления своего присутствия в Греции, отверг его предложения. В 197 г. произошла битва при Киноскефалах, в которой римские легионы под командованием Тита Фламиния нанесли сокрушительное поражение македонцам. В этом сражении прекрасно проявили себя преимущества манипулярного строя римского легиона перед македонской фалангой. После освобождения

Греции от влияния Македонии, в 196 г. до н.э. на Истмийских играх близ Коринфа Фламиний публично объявил Грецию «свободной», но фактически она оказалась под римским протекторатом.

Но на этом конфликт не исчерпал себя. После смерти Филиппа V к власти пришел его сын Персей, который хотел взять реванш и стал активно готовиться к войне с Римом. Подавив внутреннюю оппозицию македонской знати, он укрепил экономику страны, что позволило ему создать 40.000-ю армию и установить связи со странами, враждебными Риму, в числе которых был и Карфаген. Римский сенат обвинил Персея в нарушении мирных договоров и объявил начало третьей Македонской войны (171-168 гг. до н.э.). В 171 г. до н.э. в Греции высадилась римская армия, насчитывавшая более 40.000 воинов, а в Эгейское море вошел римский флот из 40 палубных судов с 10.000-ым десантом. Военные действия шли с переменным успехом, не принося ни одной из сторон окончательной победы. Перелом наступил в 168 г. до н.э., когда командование римскими войсками в Фессалии взял в свои руки консул Луций Эмилий Павел. В генеральном сражении у Пидны (22 июня 168 г. до н.э) он разгромил македонскую армию, несмотря на ее численное превосходство и удобное для фаланги поле боя. Царь Персей бежал, но вскоре попал в плен. Римляне оккупировали Македонию и разграбили ее территорию. Далее римский сенат упразднил царскую власть и разделил страну на 4 округа, лишенных политических и экономических связей между собой. После подавления антиримского восстания Андриска в 148 г. до н.э., Македония, Иллирия и Эпир были преобразованы в единую римскую провинцию Македонию. В итоге македонских войн, Рим установил свою гегемонию в Греции.

Вторым этапом римского продвижения на Ближний Восток стала Сирийская война (192 – 188 до н.э.) с Селевкидским (Сирийским) царством, которое при Антиохе III Великом превратилось в сильнейшее

государство Восточного Средиземноморья. Когда Антиох пришел к власти, его завоевательная политика была направлена на Восток. Сначала, в 220 г., он подчинил своему царству Атропатену (совр. Южный Азербайджан). Но в 216-214 гг. царь вынужден был совершить поход в Малую Азию, где, подавив мятеж наместника Ахея, захватил лидийский город Сарды. Далее, Антиох предпринял грандиозный Восточный поход (212 – 205), в ходе которого он покорил Армению, Парфию и Греко-Бактрию, проявив незаурядный полководческий талант и личную храбрость. Идя по стопам Александра Македонского, он пересек Гиндукуш и установил контроль над Арахосией, путем заключения выгодного мирного договора с индийским царем Софагасеном. По завершении этого похода, Антиох в 204 г. совершил экспедицию в Аравию. Благодаря Восточному походу Селевкидское царство превратилось в могущественную державу Восточного Средиземноморья,

Имперские амбиции Антиоха еще более возросли и их надо было удовлетворить. Восточное направление селевкидской внешней политики исчерпало себя, поэтому вынужден был перенаправить ее вектор на Запад. В это же время к нему на государственную службу явился изгнанный из Карфагена великий полководец Ганнибал, который также приложил немало усилий, чтобы столкнуть селевкидского царя с римлянами. В 200-198 гг., опираясь на союз с Македонией, Антиох отвоевал у Египта Южную Сирию и Финикию. Затем, чтобы восстановить государство Селевкидов в полном объеме, он попытался прочно утвердиться в западной части Малой Азии и Фракии. Но в этом регионе присутствовали интересы Рима, что привело к открытой войне двух держав. В 192 г. Антиох высадился в Греции, но следующем году был разгромлен при Фермопилах и изгнан обратно в Азию. В 190 г. он потерпел сокрушительное поражение от римлян в битве при Магнезии и вынужден был заключить Апамейский мирный договор (188 г.), по условиям

которого царь отказывался от Малой Азии, обязан был уплатить Риму крупную контрибуцию и выдать Ганнибала. Последний вынужден был бежать сначала в Армению, а затем в Пергам, где и нашел свою смерть. Поражение в войне с Римом привело к развалу Селевкидского царства, от которого отделились Мидия, Атропатена, Парфия и Греко-Бактрия.

С этого момента начался постепенный процесс умирания данной державы, хотя преемники Антиоха III пытались его предотвратить. Так, Антиох IV Эпифан дважды (171, 168) вторгался в Египет, но под давлением Рима вынужден был отступить обратно в Палестину. В конце жизни он двинулся на Восток, собираясь вновь овладеть восточными сатрапиями, но успел захватить лишь Армению. После смерти Антиоха IV распад селевкидского государства начался с новой силой. С востока усилился натиск парфян, которые отвоевали у Селевкидов Парфиену, Гирканию и Мидию. Персида, Армения и Иудея самостоятельно вышли из царства, став независимыми государствами. На фоне всего этого внутри Селевкидского государства разгоралась междоусобная борьба за престол. За последние 100 лет его существования на троне сменилось 19 царей, никто из которых не умер естественной смертью. В 129 г. Селевкиды потерпели страшное поражение в битве с парфянами, после которого они окончательно потеряли все свои владения к востоку от Евфрата. К концу II в. до н.э. в их руках оставались лишь Финикия, Сирия и Киликия. В 83 г. армянский царь Тигран II захватил Сирию и сделал Антиохию одной из своих столиц. В конце Митридатовых войн Рим поставил точку в жизни Селевкидского царства, навсегда прекратившего свое существование.

Во время Сирийской войны (192 – 188) Рим ставил ограниченные цели: сохранение своего влияния в Малой Азии и ослабление имперских позиций Селевкидского царства в Восточном Средиземноморье. Имперские амбиции Рима по-настоящему проявились во время Митридатовых войн (89-84, 83-81, 74-63 гг. до н.э.), в ходе которых он

завоевал Малую Азию и открыто ознаменовал свое открытое присутствие на Ближнем Востоке. Поэтому Митридатовы войны следует считать настоящим началом римской восточной политики. В процессе этих войн автоматически в сферу римских интересов попал Кавказ. Отсюда можно смело утверждать, что история присутствия римлян на Кавказе начинается с Митридатовых войн.

Понтийское царство занимало территории северной части Малой Азии (южный берег Эвксинского Понта (Чёрного моря)). Наибольшего могущества и размеров оно достигло при царе Митридате VI Евпаторе (132 – 63 до н.э.), подчинившего своей власти Пафлагонию, Вифинию, Каппадокию, Боспорское царство, Малую Армению, Колхиду, Ольвию, а также воинственных и непокорных скифов. В итоге, Черное море превратилось во внутреннее озеро Понтийского царства (карта 1).

В обоих растущих государствах шел естественный рост имперских амбиций, которые столкнулись на территории Греции и привели к началу длинной серии Митридатовых войн, оставивших яркий след в античной истории. В начале Первой Митридатовой войны (89 – 85 до н.э.) Митридат VI Евпатор, используя антиримские настроения, установил свой контроль над всей Малой Азией, разгромив армии вифинийского царя Никомеда и римского наместника Азии Луция Кассия. Одно из поражений римским силам Митридат VI нанес на горе Скоробе близ границы Вифинии и Пафлагонии. Римлянам пришлось отступить во Фригию, где их силы рассеялись: римский наместник бежал в Апамею, а римский полководец Маний Аквилий попал в плен и был казнен.

Пользуясь успехом, Митридат перенес свою резиденцию в город Пергам. Завоевание римских провинций Вифинии и Каппадокии сопровождалось жестоким истреблением местного римского населения. Так, например, в ходе так называемой Эфесской вечерни было вырезано около 80.000 человек. Руководство Понтийской военной экспедицией в

Элладе осуществлял Архелай, опиравшийся на военно-морские силы. Первой его победой стал захват о. Делоса. В Афинах вспыхнуло антиримское восстание, возглавляемое Аристионом. Бездействие римских властей было вызвано Союзнической войной.

Спустя год в 87 до н.э. 30.000-ая римская армия под командованием Люция Корнелия Суллы высадилась в Эпире и через Беотию двинулась к Афинам. После зимней осады город был взят в 86 до н.э. Аристион был захвачен в плен и казнен, тогда как Архелай отступил на север. Далее последовало сражение при Херонее (86 до н.э.), где римляне нанесли понтийцам сокрушительное поражение. Следующее тяжелое поражение войска Митридата потерпели во время сражения при Орхомене.

Люций Корнелий Сулла
(138 – 78 до н.э.)

Лукулл
(117 – 56 до н.э.)

В результате войны понтийцы были вынуждены оставить все захваченные ими территории в Греции и Малой Азии, а также выплатить большие репарации. Но основные владения Понтийского царства были сохранены. Римский проконсул Лициний Мурена, как легат Суллы, находился в Азии в качестве командира двух легионов. Вскоре (83 – 81 до н.э.) Мурена по своей личной инициативе вторгся в Понтийское царство,

мотивируя свои действия военными сборами Митридата для нападения на римскую Малую Азию. После нескольких стычек Митридат заставил Мурену уйти из Понта, нанеся ему незначительный ущерб. Мир был восстановлен по приказу Суллы.

Однако Митридат Евпатор, хорошо понимая неизбежность новой войны с Римом, начал энергично к ней готовиться. Осознавая, что собственных сил явно недостаточно для борьбы с Римом он стал искать союзников. Митридат, будучи блестящим дипломатом и свободно владея 22 языками, сумел организовать мощную антиримскую коалицию, в которую вступили армянский царь Тигран II, иберийский (испанский) правитель Серторий, киликийские пираты, скифы, сарматы, фракийцы и германцы. Численность объединенных сил, согласно римскому историку Аппиану, составляла 140.000 пехоты, 16.000 кавалерии и 400 военных кораблей. Кроме того, царь Митридат поддерживал восстание рабов в Риме под предводительством Спартака, пытаясь ослабить своего врага изнутри.

Митридат VI Евпатор
(132 – 63 до н.э.)

Тигран II Великий
(95 – 55 до н.э.)

Римляне выставили против Митридата армию консула Лукулла, состоявшую из 5 легионов общей численностью 30.000 пехотинцев и 1.600 всадников. Лукулл был наместником провинций Азия и Киликия. Второй консул Котта с военно-морским флотом и небольшим сухопутным отрядом был направлен в Вифинию. Последняя вошла в состав Римской державы после смерти царя Никомеда IV Филопатора (75 до н.э.), не оставившего законных наследников. Присоединение к Риму Вифинии послужило непосредственной причиной новой войны: Вифиния граничила с Понтийским царством, поэтому ее присоединение к Риму автоматически порождало военную угрозу для владений Митридата. К тому же он сам имел претензии на владения царя Никомеда.

В 74 г. до н.э. 120.000-ая понтийская армия при поддержке местного населения вторглась в Вифинию и захватила ее. Весной того же года понтийские войска одновременно вторглись в Каппадокию, Галатию и нанесли Котте поражение при Халкедоне, уничтожив его флот. Лукулл, направлявшийся в Понтийское царство, вынужден был повернуть обратно и двигаться на помощь Котте, что вынудило Митридата снять осаду Халкедона.

Главные силы Митридата подступили к крупному греческому городу Кизику и, начав его осаду, встретили ожесточенное сопротивление. Вскоре появился Лукулл и полностью окружил осаждавших город понтийцев. В ходе кровопролитных столкновений Митридат понес огромные потери, вынудившие его весной 73 г. до н.э. эвакуировать морским путем остатки своих войск. Летом 73 г. до н.э. Лукулл уничтожил вышедшую в Эгейское море понтийскую эскадру Марка Мария, которой было поручено высадиться в Италии и развязать гражданскую войну. Параллельно легаты Лукулла очистили от неприятеля Вифинию.

Осенью 73 г. до н.э. Лукулл вступил на территорию Понтийского царства, где в следующем году под Кабирой окончательно разгромил

понтийскую армию. В конце 72 г. до н.э. Митридат, лишившись армии, вынужден был укрыться у своего союзника армянского царя Тиграна II. Но еще в течение двух лет Лукуллу пришлось осаждать упорно сопротивлявшиеся понтийские города Синоп, Гераклею, Амис и др.

Окончательно подавив сопротивление в Понте, Лукулл в 70 г. до н.э. потребовал от Тиграна II выдачи Митридата, спровоцировав этим войну с Великой Арменией (карта 2). Взяв инициативу в свои руки, имея всего лишь два легиона ветеранов, Лукулл весной 69 г. до н.э. совершил марш-бросок к сердцу неприятеля: он перешел Евфрат у Мелитены, прошел через армянскую провинцию Софену, форсировал Тигр у Амида и достиг армянской столицы Тигранакерта. Столичный гарнизон во главе с Манкайа успешно отбивал атаки Лукулла, поход которого был настолько стремительным, что Тигран II узнал о нём с большим опозданием. В это время Тигран был в Арташате, а главные силы армян в Сирии. Едва пришла весть о начале войны, как враги уже подступили к стенам армянской столицы. По сообщению Аппиана, в распоряжении Лукулла было 22.000 легионеров и 50.000 союзных войск. Когда Тигран узнал о вторжении Лукулла в Армению, он выслал вперёд 3.000-ый кавалерийский отряд под руководством Меружана, приказав ему задержать продвижение римлян. Оставив сильный гарнизон в Тигранакерте, царь отправился собирать войско по всей Армении. В итоге ему удалось собрать 70-80.000 воинов. Генеральное сражение с римлянами произошло 6 октября 69 г. до н.э. около Тигранакерта. Сначала битва шла на равных, но все изменилось, когда Лукулл ввел в бой спрятанные в укрытиях отряды. Тигран отдал своим войскам приказ об отступлении. Затем ночью, завербованные Лукуллом армянские стражи, открыли ворота столицы Великой Армении и римляне захватили Тигранакерт.

Пока Тигран собирал новые войска, Лукулл передвинул свои легионы в тёплые края для зимовки. Весной 68 г. до н.э. римляне начали

преследование неприятеля. Тогда Тигран прибегнул к другой тактике: он заманил римлян вглубь страны, постепенно истощая их небольшими стычками. В 22 сентября 68 г. до н.э. состоялась новая битва у р. Арацани, в которой римские войска потерпели тяжелое поражение. Далее армяне оттеснили римские легионы в Месопотамию и дали Митридату возможность вернуться в Понт.

В этом же году началось крупное наступление римлян в Армении. Лукулл двинулся к старой армянской столице Арташату, но партизанская война армянской кавалерии сильно замедляла движение. На подступах к городу наступление зимы и бунт солдат вынудил его повернуть обратно в Месопотамию, где штурмом был взят Низибис. Тем временем в 67 г. до н.э. Митридат вторгся в Понт и, разбив римские войска в сражении при Зиеле, восстановил свою власть. Это вынудило Лукулла покинуть Низибис с Тигранакертом и вернуться в Галатию. В итоге все его победы оказались бесплодными, завоевания утраченными, а два ветеранских легиона расформированы из-за окончания срока службы.

Экспедиция римлян против киликийских пиратов завершилась разгромом флота претора Марка Антония в 71 г. до н.э. критянами при Кидонии. Лишь в 68/67 г. до н.э. проконсул Квинт Метелл с 3 легионами смог завоевать Крит. С таким же войском консул Марций Рекс в начале 67 г. до н.э. высадился в Киликии, являвшейся главной базой средиземноморских пиратов.

В 67 г. до н.э. римляне провели крупномасштабную экспедицию во главе с Гнеем Помпеем против пиратов. Помпею были предоставлены чрезвычайные полномочия и средства. Очистив Средиземное море от пиратов, Помпей в 66 г. до н.э. получил командование в войне против Митридата и Тиграна II. Собрав сильное войско и заключив союз с парфянами, он весной 66 г. до н.э. вторгся в Понтийское царство и в

сражении на реке Лик нанес Митридату окончательное поражение. На месте победы Помпей основал город Никополь – город победы.

В 67 г. до н.э. сын армянского царя и внук Митридата царевич Тигран поднял мятеж против отца, расстроивший понтийско-армянский военный союз. Парфянская армия вместе с принцем Тиграном вторглась в Армению (66 г. до н.э.) и осадила Арташат, но взять его не смогла, что вынудило ее вернуться обратно. Царь Тигран II был не в состоянии одновременно вести войну против Парфии и Рима, поэтому решил пожертвовать Митридатом. Узнав, что армянский царь назначил за его голову награду в 100 талантов, Митридат направился в Колхиду (совр. Западная Грузия) и остановился на зимовку в Диоскурии (совр. Сухуми). Римляне окружили Митридата с трех сторон (с юга, востока и запада), но ему все-таки удалось вырваться по северному пути.

Достигнув Боспорского царства в 65 г. до н.э., он сверг своего непокорного сына-правителя Махара и вынудил его покончить с жизнью. Далее понтийский царь стал активно готовиться к продолжению войны. Собрав 36.000-е войско, он планировал совершить грандиозный Западный поход: пройти через причерноморские и придунайские степи, увлекая за собой воинственных сарматов и даков, и вторгнуться в Италию через Альпы, повторив в несколько подкорректированной форме дерзкий поход Ганнибала. Однако под тяжестью высоких налогов и повинностей, а также римской морской блокады, боспорские города и войска в 63 г. до н.э. подняли восстание, во главе которого стоял любимый сын Митридата Фарнак. Не желая испытывать унижения от восставших и опасаясь быть выданным Риму, Митридат покончил жизнь самоубийством: по одной версии он бросился на меч, а по другой – приказал своему рабу заколоть себя кинжалом.

Помпей, еще во время бегства Митридата в Колхиду, прекратил его преследование и направился в Армению для заключения мирного договора

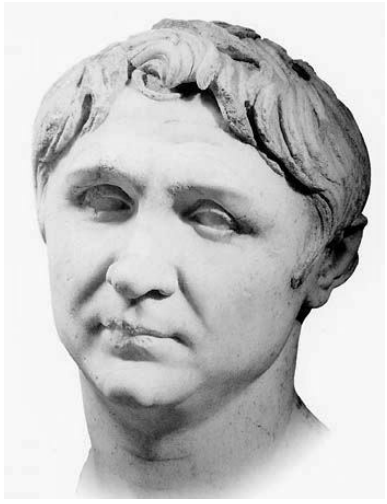
с Тиграном II. Затем он двинулся на Кавказ и, разбив албанцев и иберов, покорил все Закавказье (65 / 64 г. до н.э.). В 64 г. до н.э. Помпей вернулся в Понт и провел крупное дипломатическое собрание в Амисе, где юридически было оформлено римское присутствие в Малой Азии и Закавказье: во владение Рима отходила вся Западная Малая Азия, превращенная в провинцию Понт, а восточная передавалась галатскому царю Дейотару, который был римским вассалом. По завершении заседания, он отправился на покорение Сирии и Иудеи. Завоевав Сирию, Гней Помпей объявил ее римской провинцией и тем самым окончил 250-летнюю историю Селевкидской державы.

В заключение, истоки восточной политики Рима были обусловлены стечением внутренних и внешних факторов. Подготовительным этапом к ее началу были Македонские и Сирийские войны: первые позволили Риму подчинить своему влиянию Грецию, на базе которой был создан стратегический плацдарм для продвижения в Малую Азию, а вторые – освободить политическое пространство Ближнего Востока от империи-конкурента – Селевкидской державы, являвшейся сильнейшим государством Восточного Средиземноморья. Но свято место пусто не бывает: политический вакуум Ближнего Востока стали быстро заполнять новые восточные державы – Понтийская, Великая Армения и Парфянская. При этом экспансия Понтийского царства, нагнетаемая Митридатом VI Евпатором, столкнулась с римскими великодержавными интересами в Греции и привела к Митридатовым войнам. Последние выступили в качестве стартового начала восточной политики Рима, т.к. именно они привели к непосредственному продвижению римлян на Ближний Восток и четко продемонстрировали их имперские амбиции в данном регионе. Митридатовы войны вылились в крупномасштабный конфликт, в который были втянуты практически все государства и народы Ближнего Востока. Наращивание военных действий привели римлян в Закавказье, где местные

государства от Черного до Каспийского моря – Колхида, Иберия, Армения и Кавказская Албания, – были превращены в вассалов Рима, став безопасной внешней окраиной его зоны влияния. Именно в это время римляне в лице Гнея Помпея предприняли попытку подчинения своей власти практически всего северо-восточного Средиземноморья и Закавказья. Начало римской восточной политики, как и ее последующее многовековое продолжение, было масштабным, тяжелым и напряженным. Здесь проявилась одна из основных черт как внешнего, так и внутреннего политического процесса на Ближнем Востоке: все страны этого региона органично и тесно взаимосвязаны друг с другом в географических, политических, экономических, этнических и культурных плоскостях, поэтому если в одной стране начнется какой-либо процесс, он обязательно притянет к себе, как магнит, внимание соседних государств и небольшая политическая проблема обязательно разрастется как снежный ком. То же самое касается и Закавказья, которое постоянно затягивают в свое лоно большие политические игры на Ближнем Востоке, превращая его из географической окраины в центр ожесточенной политической борьбы. Поэтому в разрешении любого дела на Ближнем Востоке огромную роль играет дипломатия и коалиционная политика.

1.2. Кавказские походы Помпея и вовлечение Южного Кавказа в сферу римской экспансии.

В ходе преследования Митридата Помпеем произошли события, которые необходимо рассмотреть более подробно, ибо они непосредственно связаны с установлением римского влияния на Кавказе и его втягиванием в римско-понтийское противостояние. Достаточно глубокое исследование данного вопроса провел М. Дреер.



Гней Помпей Великий
(106 – 48 до н.э.)

Помпей не стал преследовать Митридата в Колхиде, а двинулся в Армению (карта 3). Отсюда возникает вопрос, на который у историков до сих пор нет однозначного ответа: почему Помпей не стал преследовать понтийского царя, а двинулся в Армению? Помпей точно знал маршрут отступления Митридата от присланных к нему Тиграном Великим плененных понтийских послов. После официального отказа армянского царя приютить Митридата, последний не смог бы найти ни одного союзника в Закавказье, чтобы предпринять ответные контрмеры. Так, например, Иберия, ранее занимавшая нейтральную позицию, теперь враждебно отнеслась к нему и не пустила в свои пределы. Помпей, если бы захотел, мог спокойно его преследовать, наступая ему на пятки, но т.к. Митридат уже не представлял большой опасности, римский полководец не стал этого делать.

Однако данное обстоятельство не дает полностью исчерпывающего ответа. Изначальной и основной целью похода Помпея был захват Митридата, являвшегося главным нервом римско-понтийского противостояния, которое никогда бы не закончилось, пока он был жив. Скорее всего, Помпей преследовал более высокие государственные цели –

укрепление имперских позиций Рима в Закавказье путем административно-территориального переустройства всего региона в римских интересах. Решение данной задачи было намного важнее устранения Митридата. Она ярко свидетельствует о римской экспансии на Ближнем Востоке. Именно для ее достижения Помпей направился в Армению, чтобы окончательно урегулировать неясные римско-армянские отношения и заложить основы римского влияния в крае. В Арташате к нему прибыл принц Тигран, надеявшийся после низложения отца получить от римлян армянскую корону. Тогда Тигран II лично прибыл в римский лагерь и заключил с Помпеем мир ценой уступки всех своих завоеваний и уплаты 6.000 талантов.

Несомненно, здесь присутствовали и военно-стратегические интересы. Во-первых, накануне похода римлян в Колхиду, необходимо было обеспечить безопасность тыла. Во-вторых, приближалась зима, крайне неудобная пора для ведения военных действий. В-третьих, римская армия была истощена и ей нужная была передышка для восстановления сил, что можно было сделать в Армении. После удачных переговоров Помпея с Тиграном, последний обеспечил римское войско всем необходимым из своей казны.

Затем зимой 64 / 65 г. до н.э. Гней Помпей начинает военные действия против Кавказской Албании и Иберии. С одной стороны это было обусловлено желанием установления римского господства в этих царствах, что автоматически подчинило все Закавказье влиянию Рима и расширило его границы вплоть до Каспийского моря, а Помпею принесло бы славу покорителя дальних народов. С другой стороны, подчинение Албании и Иберии обезопасило бы правый фланг римлян и заперло бы Митридата в мешке. Пути отступления были бы отрезаны: на востоке – армия Помпея, на западе – римский флот занявший все Черное море, на юге – Армения, уже лояльная Риму. Оставался только северный путь через

труднопроходимый и неизведанный ландшафт Северо-Западного Кавказа, населенного воинственными племенами. Поэтому римляне думали, что Митридат не отважится на этот маршрут.

Прекрасно понимая, какими трудностями и рисками обернется поход в неизвестные высокогорья Кавказской Албании и как трудно будет вынудить царя Оройса принять сражение, Помпей хотел спровоцировать албанского царя нанести первый удар. Это позволило бы выманить его из своих гор и уничтожить его на безопасной для римлян местности, избежав лишних потерь. Перед наступлением зимы римляне вторглись на албанскую территорию и открыто на виду у неприятеля стали возводить три зимних лагеря южнее реки Кира недалеко от армянской границы. Албанский царь Оройс, желая упредить римское развертывание и дальнейшее вторжение, решил как можно скорее нанести по римлянам превентивный удар. Последний был нанесен с такой поспешностью, что албаны не дождались подхода своих союзников-кочевников. В итоге албанское войско было разгромлено, т.к. римляне ожидали их нападения и были готовы к его отражению. Блестящий план Помпея удался: главные силы противника был выманены на удобные для римлян позиции и уничтожены.

Сразу же после этого, весной 65 г. армия Помпея направилась в Иберию (карта 3, 4). Эта страна была независимой от мидийцев, персов и македонян. Даже Митридат VI не пытался подчинить ее своему влиянию, в отличие от Колхиды, которая с ее морским побережьем представляла большую ценность для него. Иберский царь Арток прекрасно понимал, что понтийский царь полностью проиграл кампанию и теперь в Закавказье появилась новая сила – Рим, с которой целесообразнее наладить мирные отношения, чем воевать. Для этого он направил к Помпею послов для переговоров о заключении союза. Но Помпей отверг их предложения, ибо имел серьезные планы на Иберию: во-первых, путь в Колхиду, где сидел

Митридат, пролегал через Иберию, поэтому во избежание появления внезапных угроз с тыла ее необходимо было завоевать; во-вторых, неизвестна была реакция колхов на вторжение римлян, поэтому надо было обеспечить себе надежный плацдарм на случай отступления из Колхиды; в-третьих, Иберия находилась в центре Закавказья и контроль над ней, обеспечивал контроль над всем Южным Кавказом. Когда римские войска вторглись в ее пределы, Арток не оказал им достойного сопротивления и постоянно отступал далеко вглубь страны. Римляне преследовали его по пятам и у реки Палора вступили с ним в генеральное сражение, в ходе которого полностью разгромили его армию. Арток вынужден был заключить мирное соглашение, под гарантию которого он выдал своих детей в заложники. Но Помпей основательно прошелся маршем по всей Иберии и подавил все оставшиеся очаги сопротивления, чтобы обрести твердую гарантию спокойствия в этом ценном с геополитической точки зрения крае.

После покорения Иберии войска Помпея вторглись в Колхиду и принялись преследовать Митридата вдоль Фасиса, т.е. выполнять основную военную задачу (карта 3, 4). Стоит отметить, что Колхида играла немаловажную роль в Понтийском царстве. Когда Митридат VI Евпатор подчинил этот край, то поставил над ним наместника, который выбирался им лично из собственного окружения. Одним из таких наместников-избранников был отдаленный родственник Страбона. Понтийский царь использовал эту страну для формирования кадрового состава своего флота, поэтому массово набирал местных жителей на военно-морскую службу. После поражения в двух войнах с Римом, Митридат лишился всех своих владений, которые были поделены римлянами между лояльными им правителями. Но Колхида все же осталась в составе Понтийского царства, поэтому, когда Митридат отступил на ее территорию здесь правил его ставленник. Но власть наместника в глубинных районах страны была

слабой, по причине сильного влияния местной аристократии и недавнего народного восстания, из-за недовольства рекрутскими наборами в понтийский флот. После побед Помпея, власть Митридата в Колхиде ослабла, т.к. размещенные на ее территории войска были отозваны на поля сражений, где были разгромлены. Благодаря этому, местные колхидские князьки почувствовали себя самостоятельными правителями и не спешили поддерживать понтийского царя, осознавая бесперспективность этого дела. В итоге Колхида распалась на отдельные владения, правители которых заняли нейтральную позицию. Они позволили бежавшему из Армении Митридату беспрепятственно пересечь их территории и добраться до Диоскуриады, где под защитой местного военного гарнизона царь мог чувствовать себя в безопасности и спокойно переждать зиму. Через год они точно так же свободно пропустили войска Помпея, пришедшего из Иберии, не оказав им никакого сопротивления.

Дойдя до устья р. Фасис, Помпей встретил свой флот, который он оставил на Черном море под командованием Сервилия. Гней Помпей, рассчитывал на то, что отрезанный с моря Митридат побоится двигаться через Северный Кавказ по суше и его можно будет захватить в Диоскуриаде. Но Митридат давно уже бежал из Колхиды. Дерзкий переход понтийского царя через Северный Кавказ заслуживает отдельного внимания, т.к. в очередной раз демонстрирует силу и решительность его характера.

Как уже было сказано в предыдущем параграфе, располагавшийся в Диоскуриаде Митридат был окружен римлянами с трех сторон. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации понтийский царь решил добраться до Боспорского царства, совершив дерзкий поход через Северо-Западный Кавказ, населенный племенами зихов, ахеев и гениохов, которые славились своей воинственностью и морскими разбоями. Интересное описание данного похода оставил Страбон: « …у гениохов было четыре

царя, когда Митридат Евпатор во время бегства … на Боспор проходил через их страну. Она оказалась для него удобопроходимой, тогда как от путешествия через страну зихов он отказался вследствие ее суровости и трудности пути, и с трудом пробирался вдоль морского берега, очень часто переходя на море, пока не достиг земли ахеян; с их помощью он окончил путь…». Другими словами, гениохи и их соседи зихи предоставили Митридату свои мореходные лодки-камары, а ахейцы помогли ему завершить поход. В столицу Боспора Пантикапей (совр. Керчь), блокированную с Черного моря римским флотом, беглый понтийский царь, скорее всего, попал следующим путем: он свернул от морского побережья на север примерно в районе нынешней Архипо-Осиповки, перешел здешние невысокие предгорья Кавказского хребта, и по реке Гипанис (совр. Кубань) спустился к Меотиде (совр. Азовское море). С помощью такого сложного маневра он перехитрил римлян и прибыл на Боспор с остатками своей армии. Интересно отметить, что в Северском районе Краснодарского края, в системе хребта Дерби имеется вершина Митридат (710 м.), рядом с которой, по утверждению местных историков-краеведов, мог пролегать путь следования понтийского царя от морского побережья к реке Кубань.

Помпей не стал преследовать его на Северном Кавказе в силу ряда причин. Во-первых, сухопутный путь через Северный Кавказ был неизвестен и проходил через земли воинственных народностей, пользовавшихся кровавой славой. Во-вторых, морское плавание вдоль этого побережья было еще более опасным из-за отсутствия гаваней и пиратских наклонностей местных народов. В-третьих, не было никакой гарантии, что сам Митридат сможет преодолеть столь опасный путь и добраться до Боспорского царства. В-четвертых, даже если бы Митридат и добрался до Боспора, где правил его проримски настроенный сын, он уже не смог бы стать опасным для Рима врагом. Скорее всего, основной

причиной отказа Помпея от преследования поверженного понтийского царя, было то, что римский полководец больше не видел в нем опасного противника, который уже не стоит таких усилий.

После этого Помпей покидает Колхиду и направляется на юг в Понт. При этом Помпей не побоялся оставить Колхиду, недавно находившуюся под властью Митридата, на самопопечение. Он был твердо уверен, что после его ухода, эта страна больше не составит для Рима никакой угрозы в силу ряда обстоятельств. Во-первых, на ее территории уже не было понтийских войск, большая часть которых погибла в сражениях в Малой Азии, а остатки бежали вместе с Митридатом из Диоскуриады. Во-вторых, после поражения Митридата Колхида не являлась единым государством, способным выставить боеспособную армию. В-третьих, Помпей пришел в Колхиду как победитель предшествующего властителя страны, а потому местные правители восприняли его как преемника.

Однако в этот момент началось в Кавказской Албании началось антиримское восстание, вынудившее Помпея несколько изменить свой маршрут. Восставшие албаны произвели серию набегов на Армению, но вскоре подошел Помпей и разгромил объединенное войско царя Оройса. Огнем и мечом римляне прошлись по всей Албании, предав ее страшному опустошению. Далее Помпей заключил с албанским царем мирный договор, по которому Кавказская Албания и народы, обитавшие вплоть до Каспийского моря, признавали римское господство. Войско Помпея не пыталось достигнуть каспийского побережья, т.к. в этом не было никакой необходимости.

В результате походов в Армению, Албанию, Иберию и Колхиду Гней Помпей, путем демонстрации военной мощи Рима, заставил все народы Закавказья от Черного до Каспийского моря признать римское могущество и верховную власть. Таким образом, с одной стороны, были ликвидированы опасности, исходившие от воинственных народов этого

региона, а с другой стороны, создан своеобразный защитный вал против Северного Кавказа, на случай если Митридату удастся направить его колоссальный воинский потенциал против Рима.

Покончив с восставшей Албанией, Помпей вернулся обратно в Понт и, созвав многочисленных местных князей и царей в Амис, провел дипломатическое заседание, которое юридически оформило его достижения в Закавказье. Созванные правители сначала были награждены в соответствии с их заслугами перед Римом, а затем были четко определены границы политических полномочий и обязанностей. Западная часть Понтийского царства вместе с Вифинией превратилась в римскую провинцию Понт, а восточная под названием Малоармянского царства передана римскому вассалу – галатскому царю Дейотару. На территории областей Восточной Анатолии, которые стали римскими вассалами, были заложены основы потестарных отношений. Всему этому была придана долгосрочная законная основа, помпезно разрекламированная в соседних областях.

На этом же заседании присутствовали правители Кавказской Албании, Иберии и Колхиды. Царь Оройс и царь Арток были официально утверждены на своих престолах от имени Рима, а царем Колхиды был назначен некий Аристарх. Помпей не вмешивался во внутреннюю структуру кавказских стран, за исключением Колхиды, где он назначил единого царя и восстановил централизованное государственное управление, ибо было намного проще иметь дело с единым государством, а не с разрозненными отдельными владениями. Колхида управлялась централизованно как при владычестве Митридата, так и под римским господством. Но Митридат интегрировал эту страну в свою державу и назначал туда наместника из своего окружения, а Помпей ограничился возведением на трон единого местного царя, лояльного Риму. Царям Иберии и Албании, лично опробовавшим римскую военную мощь, он

сохранил их статус, ибо быть ненадежными после выше описанных событий для них было бы крайне опасно.

В итоге Колхида, Иберия и Кавказская Албания, ставшие внешней окраиной римской сферы влияния, были превращены Помпеем в вассалов Рима. Тем самым, из этих кавказских стран он образовал сплошной пояс от Черного до Каспийского моря, с помощью которого он в первую очередь хотел привести сами эти страны к спокойствию и исключить исходящую от них опасность для римских провинций и сфер влияния, а также приостановить угрозу вторжения воинственных народов Северного Кавказа на Ближний Восток и защитить торговые коммуникации из Индии к Черному морю.

1.3. Средиземноморское пиратство как мощный стимул римской экспансии на Восток

Одним из факторов в немалой степени стимулировавших усиление римской экспансии на Ближнем Востоке было средиземноморское пиратство, которая в ходе Митридатовых войн стала настоящим бичом римлян. Ее нейтрализация превратилась не просто в решение вопроса национальной безопасности, а в жизненную необходимость для римского государства. Глубокое исследование данного вопроса провел А.А. Хлевов.

Средиземноморское пиратство появилось с момента появления искусства мореплавания и порой целые народы превращали морской разбой в одну из основ своей экономики и даже культуры. До Пунических войн эта проблема носила ограниченный характер, т.к. морские державы боролись с пиратством, не давая ему принять широкие масштабы. Во II в. до н.э., после разрушения Карфагена и Коринфа римлянами, эта сдерживающая сила исчезла и на Средиземноморье возник опасный дисбаланс сил. Рим, будучи сухопутной державой, не придал этой

проблеме серьезного значения, поэтому к концу II в. до н.э. пиратство сильно разрослось и стало настоящим бедствием для всех регионов этого средиземноморского бассейна. Сначала Рим не ощущал этой проблемы, но с его продвижением на Ближний Восток она коснулась и его интересов.

Постепенно включая побережье Восточного Средиземноморья в орбиту своего влияния, римляне опутали данный ареал разветвленной сетью торговых путей, которые стали объектом пиратских нападений (карта 5). Во время Митридатовых войн, когда необходимо было массово снабжать действующую армию по морю, римляне почувствовали значимость этой проблемы на собственной шкуре.

Это прекрасно понимал и Митридат VI Евпатор, поэтому он вывел пиратство на более масштабный уровень и превратил его в эффективное средство ведения войны против Рима. Для этого подчинил своей власти Киликию – целую пиратскую страну, родину самых многочисленных, храбрых и безжалостных пиратов античного мира. Еще до Митридата это «пиратское государство» было заметной силой в регионе, а римские завоевания, согнавшие сюда многочисленных мореходов со многих стран, только усилили его мощь. Далее понтийский царь провел широкую программу расселения киликийских пиратов по всей Малой Азии, для чего он выстраивал целые пиратские города в Киликии, Келесирии, Палестине и Понтийских землях в Черном море. Затем Митридат заполонил Средиземноморье многочисленным пиратским воинством, создав невыносимую для римлян обстановку. Описание этого момента содержится Аппиана: «Митридат … наполнил все море от Киликии до Геракловых столпов морскими разбойниками, которые сделали все пути между городами недоступными для сношений и непроезжими и вызвали повсеместно тяжелый голод». Сознательно и целенаправленно дестабилизировав обстановку в регионе, понтийский царь заставил римлян и их союзников нести большие убытки.

Выполнение таких масштабных задач государственного уровня изменили тактику морского разбоя. Раньше пираты применяли небольшие быстроходные корабли, малочисленные «волчьи стаи» которых нападали на одиночные торговые суда. Теперь же пираты стали строить крупные корабли, аналогичные кораблям ведущих морских держав (биремы и триремы) и способные вести полноценный морской бой. На смену тактике «волчьих стай» приходит новая тактика открытых нападений на крупные торговые караваны и сухопутные владения прибрежных стран. Из обычного разбоя пиратство превращается в массовый и налаженный бизнес на государственной основе.

После Первой Митридатовой войны пиратство получило новый мощный импульс и перешло на более высокий уровень. Потерпев поражение, Митридат, по условиям мирного договора с римлянами, вынужден был сильно сократить свой морской флот. Множество профессиональных моряков, отлично разбиравшихся в тактике морского боя, стали безработными и вынуждены были осесть в Киликии, где их таланты пришлись прямо ко двору. Пополнив число пиратов, они резко нарастили их потенциал. В море стали выходить целые пиратские флотилии, которые вели настоящие войны. Пираты захватывали целые города, а крепости брали штурмом или правильной осадой с помощью подкопов, таранов и метательных орудий.

Массовой и весьма прибыльной практикой стал захват заложников. Излюбленной добычей киликийцев были знатные и богатые люди, которых было в изобилии в любом приморском городе: их похищали и требовали огромный выкуп. Это приносило большой доход, обеспечивший пиратам роскошь и процветание. Интересные строки по этому поводу написал Плутарх: «…флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально

для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римского владычества».

Но пираты не остановились на этом и пошли еще дальше. Они стали активно грабить храмовые святилища, что было сильно порицаемым в античном мире святотатством. Многие святилища (кларосское, дидимское, самофракийское и др.), ни разу не подвергавшиеся разорению, были захвачены и опустошены пиратами.

Киликийские пираты настолько стали могущественными, что уже не считали себя обычными разбойниками, а ставили себя в один ряд с царями и тиранами Средиземноморья. Все выше перечисленные доходы позволили усилить киликийскую государственность. Госуправление эффективно поддерживало внутренний порядок в стране и осуществляло строгий контроль за состоянием флота. В Киликию были свезены захваченные в разных городах ремесленники, которые составляли инженерный потенциал пиратского государства. Судостроительные верфи были обеспечены всем необходимым: в страну отовсюду везли строевой лес, медь, железо и прочее сырье. В итоге Киликия стала полностью самообеспечивать свой флот кораблями, оружием и припасами. Немалое внимание было уделено укреплению обороноспособности и военной мощи страны, которая и без того являлась гористой и труднодоступной местностью. Столицей был расположенный на границе Киликии и Памфилии город Корацезиум. Пираты окружили его цепью горных крепостей и укрепленных пунктов. На границах Киликии, а также на соседних землях и островах, пираты построили массу пристаней, лагерей,

гарнизонных стоянок и крепостей. Пиратские форпосты и гарнизоны находились почти повсюду: в Сирии, Памфилии, на Кипре, на Понте.

Лишившийся флота Митридат сделал киликийских пиратов своей правой рукой. Он расширил театр их действий и направил их в Западное Средиземноморье. К середине 70-х гг. до н.э. десятки тысяч пиратов господствовали на всех морях вплоть до Геркулесовых столпов (совр. Гибралтар), заполонив практически все Средиземное море. Пираты настолько усилились, что, даже будучи вдали от своих родных гаваней, могли действовать открыто и без боязни, вступая в морские сражения с римским флотом. Так, например, у берегов Сицилии киликийцы разгромили вышедшую против них в море сицилийскую эскадру римского флота. Затем пираты десантировались недалеко от Сиракуз и выстроили хорошо укрепленный лагерь, превратившийся в базу грабительских рейдов вглубь острова. В итоге Сицилия, с большим трудом завоеванная римлянами в кровопролитных боях с Пирром, Гамилькаром и Ганнибалом, превратилась в оплот морских разбойников – это был настоящий плевок в лицо Рима. Несколько раз подвергались пиратским набегам Липарские острова, что заставило их выплачивать им регулярную дань во избежание дальнейших грабежей.

В Риме возникла более чем критическая ситуация, которую лучше всего отражает цитата А.А. Хлевова: «Под угрозой оказались коммуникации в самом сердце Римской республики. Рим давно уже стал мировым городом, был вовлечен в дальние торговые отношения и серьезно зависел от них. Сложности морской торговли отражались на Вечном городе перебоями в поставках не только восточных предметов роскоши, но и целого ряда ремесленных товаров, которые уже в массовом порядке ввозились из Греции или Азии. Теперь эта опасность качественно изменялась. Под угрозу ставились коммуникации внутренние, от которых зависела сама жизнь государства. Рим давно уже стал заложником

поставок хлеба из Африки, с Сардинии и Сицилии. Заморские провинции, в свою очередь, оказывались отрезанными от Рима. Внезапно и как-то совсем незаметно для римлян ситуация практически вышла из под их контроля. Всего за несколько лет в морях объявился новый жестокий и беспощадный враг – в определенном смысле даже более опасный, чем Карфаген. Опасный не потому, что он был сильнее пунийцев, а потому, что сам Рим стал гораздо более уязвим, как всякая достаточно высоко организованная цивилизация».

Вскоре пиратские набеги кроме экономических, возымели и серьезные политические последствия для Рима: систематические перебои с поставками зерна в город сильно накалили обстановку и население города ставило ребром вопрос о решении пиратской проблемы. Голод грозил дестабилизировать обстановку в столице и разжечь, недавно с трудом потушенную, гражданскую войну, что могло привести к падению римского государства. За несколько лет пираты стали главной головной болью римских правящих кругов.

Поэтому римляне серьезно взялись за решение данной проблемы. Сложность ее заключалась в том, что флоты и базы пиратов были рассеянны по морям и побережьям, благодаря чему пираты являлись настолько ускользающей натурой, что охотиться за ними было крайне сложно. Данный момент был отмечен Аппианом: «…им, как морякам, легко было благодаря своему снаряжению ускользать; выступали они не из родной земли, известной всем, и не имели ничего собственного и личного, но только то, что в данный момент попадало под руку. Поэтому война с ними не была обычной, не имела ничего закономерного, ничего твердого или ясного; этим она вызывала чувство беспомощности и страха». Численность пиратских флотилий к этому времени превысила 600 кораблей.

Римские флотоводцы сначала терпели одни провалы, которые только усиливали дерзость пиратов. Последние стали проникать в Тирренское море и совершать набеги на портовые гавани самого Рима, чего не мог себе позволить ни один завоеватель со времен Ганнибала. Одна из римских эскадр, готовившаяся к выходу в море, была сожжена пиратами прямо в гавани Остии, которая была в двух шагах от Рима. Попытки проконсула Мурены настигнуть и уничтожить пиратов ни к чему не привели, т.к. киликийцы постоянно уклонялись от римского преследования и крупных сражений и в неожиданный момент атаковали, нанося римскому флоту ощутимый урон.

В 78 г. до н.э. жесточайшую борьбу с пиратами начал проконсул Публий Сервилий Ватий. Он решил перенести войну в их логово, нанеся удар по Киликии. Римский флот направился в Восточное Средиземноморье и в течение трех лет упорно старался уничтожить оплот пиратов. Сервилий в нескольких морских сражениях разгромил пиратские флотилии, неоднократно десантировался на побережье и захватывал многочисленные порты, крепости и города на пиратских землях в Исаврии, Киликии, Памфилии и Ликии. В итоге было уничтожено несколько десятков кораблей и истреблено несколько тысяч пиратов, за что Сервилий получил триумф в Риме и почетное прозвище «Исаврийский».

Однако Сервилий, при всех его успехах, не ликвидировал пиратское гнездо, а только слегка подпалил его, чем разворошил пчелиный улей. После недолгого перерыва активность пиратов вновь резко возросла. Восстановив силы, они снова заполонили все Западное Средиземноморье, проникли в Тирренское и Адриатическое моря и провели ряд вторжений в некоторые области Италии (Брундизий и Этрурия). Во время одного из десантов они захватили в плен нескольких женщин из знатных патрицианских фамилий, в числе которых была дочь триумфатора Марка Антония, которую отец потом выкупал из плена. Вскоре, произошло еще

более громкое похищение: пираты пленили двух римских преторов – Секстилия и Беллина. Сам факт похищения высокопоставленных должностных лиц вместе с их знаками отличия (в тогах, вместе со свитой ликторов) явился откровенным оскорблением и унижением достоинства всего Рима в их лице. Ситуация в столице вновь стала накаляться.

Новую серию борьбы с пиратами в 75 г. до н.э. возглавил Марк Антоний, отец будущего триумвира и соратника Юлия Цезаря Марка Антония-младшего. Для этого сенат предоставил ему чрезвычайные полномочия, но он не сумел их грамотно применить. Пятилетняя борьба Марка Антония с пиратами закончилась безрезультатно, а сам он потерпел поражение в морском сражении от критского флота и вынужден был заключить с Критом унизительный мирный договор.

Тем временем, ситуация с пиратами дошла до критической точки. Под контролем киликийцев находилось около 400 приморских городов, а их флот насчитывал более 1.000 кораблей. Эта проблему усугублялась серьезными внутренними проблемами в Риме. Произошло знаменитое восстание Спартака (74 – 71 гг. до н.э.), всколыхнувшее всю Италию. Римское государство оказалось на грани гибели: Митридатовы войны на Востоке, засилье пиратов в Средиземноморье, ожесточенная внутриполитическая борьба среди знати в самом Риме, разбушевавшиеся по всей Италии гладиаторы.

Одновременно разрешить все эти проблемы стратегического масштаба было невозможно, надо было расставлять приоритеты.

В итоге, приоритет был отдан борьбе с пиратами, что было обусловлено накаленной обстановкой в самом Риме: пролетарии, раздраженные хроническими перебоями в снабжении хлебом, находились на грани социального взрыва.

В 67 г. до н.э. борьбу с пиратами возглавил Гней Помпей. По закону Габиния он был наделен экстраординарными полномочиями: верховное

командование всеми сухопутными и морскими силами Рима, неограниченная власть над всем побережьем Средиземноморского бассейна и 6.000 талантов серебра. В итоге под руководством Помпея оказалось 120.000 пехотинцев, 5.000 всадников и 500 кораблей. Также в его подчинении было 25 легатов, многие из которых в недалеком будущем станут консулами и другими высокими должностными лицами, среди которых окажутся видные писатели, историки и отцы многочисленных ярких деятелей позднего Рима. Другими словами, Помпей собрал просто «звездную» команду.

Гней Помпей хорошо изучил предшествующий опыт борьбы с пиратами и сделал должные выводы. Он кардинально изменил стратегию борьбы: т.к. практика показала, что сосредоточение всех сил против любой из крупных баз пиратов ведет к неминуемому ускользанию их основной массы, за основу был взят повсеместный и одновременный натиск на врага. Помпей разделил всю акваторию Средиземноморья на девять секторов, назначив в каждый из них по одному легату с флотилией. Сам же осуществлял общее руководство и надзор за выполнением его приказов и качеством несения службы в каждом секторе. Такой подход лишал пиратов возможности стратегического маневра: Средиземноморье разбивалось на «клетки», из которых бессмысленно было бежать, ибо разбойники в этом случае попадали в руки следующего легата. Каждый морской сектор патрулировала эскадра из 35 кораблей, в обязанности которой входила активная охрана вверенного сектора, защита побережья и островов и, самое главное, перехват бегущего от соседа противника. Под личным командованием Помпея была эскадра из 60 лучших боевых кораблей с отборными экипажами и морской пехотой, которая должна была использоваться как резерв в тех секторах, где необходимо было быстро нарастить силы. Сам Помпей патрулировал Тирренское море, наиболее ответственную и жизненно важную зону между Италией, Сардинией и

Сицилией, что позволило выполнить первоочередную задачу – разблокирование морских путей снабжения хлебом населения Италии и самого Рима.

Менее чем за три месяца Помпей наладил высокоэффективную систему слежения и ликвидации пиратов, которая повергла их в панику. Пираты вынуждены были прекратить все осады городов и расползтись по своим гаваням под защиту портовых стен и скал. Римские легаты повсеместно устраивали морские облавы и захватывали вражеские корабли, постепенно уничтожая пиратский флот. Затем они нападали на крупные морские базы, где концентрировались основные силы пиратов, и в течение нескольких недель уничтожили основные форпосты пиратской активности в Центральном и Западном Средиземноморье. Оставшиеся пираты настолько присмирели, что даже не рисковали выходить в море для мелкого грабежа. Наряду с этим, определенный вклад в решение проблемы сделал милосердный поступок Помпея во время инспекции в Эгейское море. Несколько пиратских кораблей пожелали сдаться ему на милость. Помпей конфисковал их корабли, но самим пиратам не причинил никакого вреда. Этот поступок просто открыл шлюза: пираты и их руководители в массовом порядке стали сдаваться лично Помпею, опасаясь иметь дело с его преторами. С помощью этих перебежчиков Гней Помпей выслеживал пиратов, которые не собирались сдаваться, и для контраста жестоко карал их путем распятия.

В итоге, новая морская стратегия Помпея принесла свои плоды. За 40 дней в Западном Средиземноморье прекратились разбойные нападения и был восстановлен порядок, тем самым была полностью выполнена первая стратегическая задача – пресечение пиратства на морях. Это привело к восстановлению снабжение города, следствием которого было падение цен на рынках и наступление прежнего изобилия. Римский народ был счастлив, а слава и авторитет Гнея Помпея чрезвычайно повысились. Он

стремительно завоевывал колоссальную популярность во всех слоях римского общества, даже самых знатных.

Далее Помпей отправился в Киликию, где он ожидал встретить ожесточенное сопротивление пиратов. Поэтому он основательно подготовился к походу. Помимо пехоты и конницы, на кораблях были десятки осадных орудий и множество приспособлений для штурма пиратских крепостей в киликийских горах. После высадки римлян в Киликии, около ее столицы Корацезиума произошло сражение, в котором была истреблена наиболее непримиримая часть пиратов. Это поражение устрашило остальных пиратов, которые решили не усугублять свою участь бесполезным сопротивлением и сдаться на милость римлянам. Таким образом, по словам А.А. Хлевова: «…начался форменный парад капитуляций». Жители Крага и Антикрага, самых больших крепостей Киликии, сдались римлянам без боя, а вслед за ними аналогичным образом поступили и другие горные укрепления. За несколько дней капитулировало около 120 городов, портов и крепостей. Около 10.000 пиратов погибло в морских сражениях на море или сдалось в плен. В результате, «грозный оплот морских разбойников опустился к ногам победоносного Помпея». Примерно в это же время другой римский флотоводец Метелл, после длительной осады, взял Крит – второе по значению после Киликии пиратское гнездо в Средиземноморье.

Римлянами достались колоссальные трофеи. Жители сдавшихся укреплений выдавали собственное имущество и оружие. Киликийцы сдали все свои корабли, как достроенные, так и стоявшие на стапелях, при этом первых было 400, а вторых – 900. Кроме того, римляне получили огромные стратегические запасы сырья (медь, лес, железо, парусина, канаты и т.п.), копившиеся у разбойников. Заготовленный для корабельного строительства лес был сожжен по приказу Помпея. Все пригодные для службы корабли и большинство запасов было отправлено в Рим. Было

освобождено несколько тысяч пленников, которые либо работали на пиратов, либо дожидались в плену выкупа за них. Все они были возвращены на родину. Сами пираты в процессе отбора были распределены на две группы. В одну попали наиболее злостные зачинщики и вожди пиратского движения, которые были казнены, а в другую те, кто вынужден был, в силу объективных обстоятельств, примкнуть к пиратам. Люди, лишившиеся средств к существованию и вынужденные заниматься морским разбоем, были прощены и по приказу Помпея расселены в городах Киликии, опустевших в ходе Митридатовых войн.

В конечном итоге проблема средиземноморского пиратства, которая столь долгое время терзала Рим, была устранена. В этом была огромная заслуга Помпея, который благодаря грамотному распределению и применению сил, в короткие сроки чрезвычайно успешно решил задачу. Гней Помпей, выигравший множество битв и показавший себя неординарным политиком, нигде не проявил себя столь ярко, как в борьбе с пиратами. Именно здесь проявился его организаторский талант, благодаря которому победа была заложена еще на подготовительной фазе. Помпей умело построил пропагандистскую кампанию, за счет чего пираты были полностью деморализованы еще до начала боевых действий и проиграли войну, даже не вступая в сражение.

Виртуозное и молниеносное решение проблемы пиратства имело исключительно важное внешне- и внутриполитическое значение для Рима. С одной стороны, действия пиратов ясно показали, как сильно Рим зависит от морских коммуникаций и какую огромную роль играют морские поставки для удовлетворения необходимых потребностей городского населения. Их нарушение автоматически ведет к ухудшению жизни римского общества, обострению внутренних гражданских противоречий и другим социально-экономическим потрясениям. Для обеспечения безопасности жизненно важных морских коммуникаций римлянам

необходимо было контролировать все Средиземное море и закрепиться на всей линии его побережья, другими словами – превратить его во внутреннее море-озеро. Это обстоятельство стало мощным фактором стимуляции экспансионистской политики Рима на Восток. В процессе ее реализации, римляне после победы над пиратами и Митридатом окончательно превратили Средиземное море в Римское (карта 6).

С другой стороны, благодаря молниеносному, красивому и почти бескровному решению проблемы киликийских пиратов Помпей получил неограниченные полномочия для борьбы с Митридатом. Он был наделен неограниченной властью: полное распоряжение римскими войсками вне пределов Италии, право объявления войны и заключения мира, а также право объявлять друзьями или врагами Рима любого правителя по своему усмотрению. Ни один из государственных деятелей Рима ранее не обладал такими властными полномочиями. Таким образом, «киликийские пираты, сами того не подозревая, проложили Риму путь к грядущей неограниченной императорской власти».

Глава 2. Кавказский лимес в рамках наращивания внешней политики Рима на Ближнем Востоке.

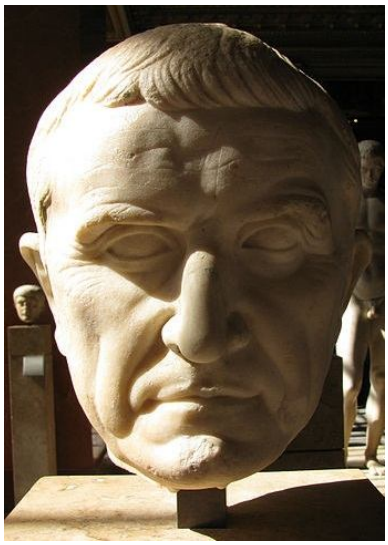
2.1. Эскалация восточной политики Рима (I в. до н.э. – III в. н.э.)

Митридатовы войны открыли Риму ворота Ближнего Востока и ввергли его в большую политическую игру. Продвижение Рима на Ближний Восток представляло угрозу имперским амбициям Парфянского Ирана в данном регионе и вело к столкновению двух мощных держав (карта 7). Последнее вылилось в напряженное и длительное римско-парфянское противостояние, которое стало стержнем восточной политики Рима. Борьба между Римом и Парфией за гегемонию в регионе представляла собой непрекращающиеся политические интриги и серию военных конфликтов в период с 53 г. до н.э. по 226 г. н.э. Сасанидская держава, сменившая Парфянское царство в 226 г., продолжила парфянский внешний курс, придав конфронтации с Римской империей новый импульс (карта 8).

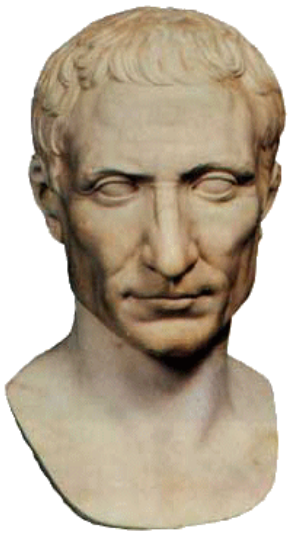
Предыстория данного противостояния началась во 2-й пол. I в. до н.э., когда парфянский царь Митридат I начал продвижение на запад, присоединив к Парфии Армению и Месопотамию. Этот шаг привел к столкновению с Римом, который расширял свои границы на Востоке. Митридат I пытался заключить с Суллой римско-парфянский союз (около 105 г. до н.э.). После 90 г. до н.э. влияние Парфии на Ближнем Востоке ослабло из-за внутри-династических распрей, тогда как римляне в это время появились в Анатолии. Следом за вторжением Лукулла в Южную Армению и разгромом Тиграна II (69 г. до н.э.) римско-парфянский союз был восстановлен.

После того как Помпей возглавил римскую армию на востоке, он начал переговоры с парфянским царем Фраатом III о совместных действиях против армян. В итоге в 66 / 65 г. до н.э. объединенное римско-парфянское войско вторглось в Армению. Однако вскоре возник

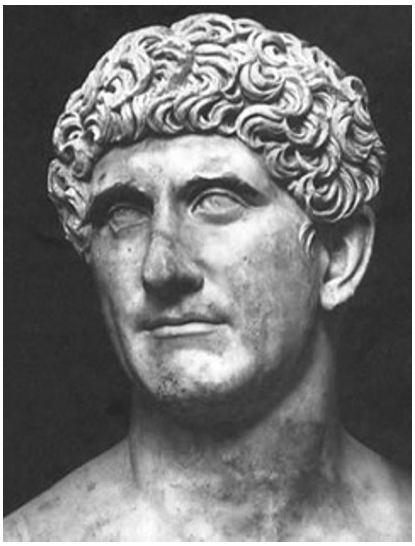
пограничный спор между Римом и Парфией, в итоге которого Помпей отказался признать Фраата как «царя царей» и предложил ему разделить Армению с Тиграном. В это время Фраат подчинил себе Месопотамию, кроме ее западного района Осроены, которая стала римским союзником.



Марк Лициний Красс (60 – 53 до н.э.)



Гай Юлий Цезарь (49 – 44 до н.э.)



Марк Антоний (43 – 30 до н.э.)

В 55 г. до н.э. Марк Лициний Красс, избранный консулом вместе с Помпеем, получил в качестве провинции Сирию, которую он превратил в плацдарм для стратегического наступления на Парфию. В 54 г. он перешел Евфрат и захватил ряд городов Месопотамии. В 53 г. Красс продолжил вторжение в Парфию, но в битве при Каррах потерпел сокрушительное поражение. Большая часть римского войска – около 20.000 солдат – была уничтожена, в плену оказалось 10.000 легионеров. Лишь 1/4 часть римлян добралась до Сирии. Красс и его сын Публий были убиты парфянами. Согласно одной из легенд, самого Красса парфяне жестоко казнили, влив в горло расплавленное золото, а его голову и правую руку доставили в армянский город Арташат.

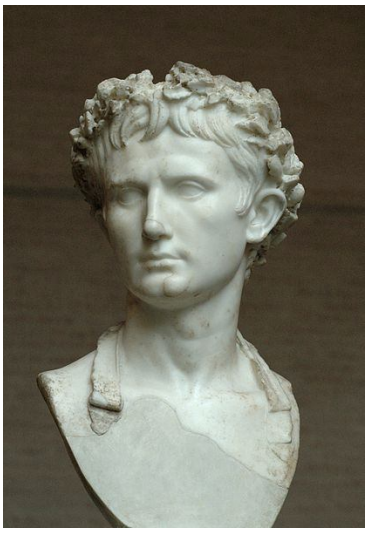
Пользуясь своей блестящей победой, парфяне решили развить успех. В 52 г. до н.э. они совершили несколько набегов на Сирию, а в 51 г. начали

масштабное вторжение, во главе с Пакором и Осаком. Но римляне отразили парфянское нашествие, уничтожив армию Осака в сражении у Антигоны.

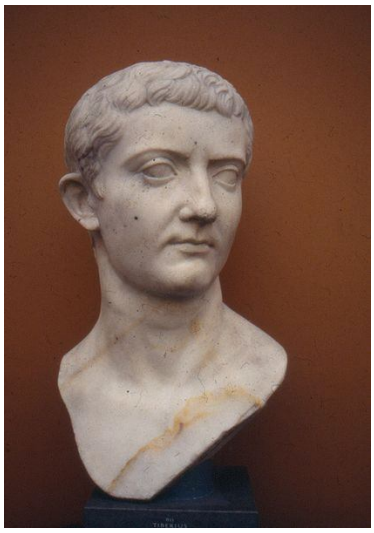
В период гражданской войны в Риме парфяне не предприняли никаких шагов, но поддерживали контакты с Помпеем. Гай Юлий Цезарь, ставший единовластным правителем Рима, проводил активную восточную политику, нацеленную на округление Римской империи на Востоке. Действуя в этом направлении, он фактически присоединил Египет к римскому государству. Парфяне были единственным серьёзным противником Рима в регионе. Последствия похода Красса четко показали, что Парфия, также как и Рим, проводит в жизнь активную политику экспансии. Возрождение Парфянского царства шло вразрез с задачами Рима, считавшего себя преемников Александра Великого, и грозило подорвать экономическое благосостояние Парфии, всецело покоившееся на денежном Востоке. Победа над парфянами сделала бы Цезаря в глазах всего Востока прямым преемником Александра Македонского и законным монархом. Цезарь начал подготовку к вторжению в Пафрию и даже разработал план похода, но его убийство помешало его осуществлению.

В следующей гражданской войне парфяне активно поддерживали Брута и Кассия, поставляя им воинские контингенты. В 40 г. до н.э. парфяне вместе с Квинтом Лабиеном (сторонник Брута) вторглись в римские пределы и захватили Сирию. Правитель Иудеи Гиркан II был свергнут, а на его место поставлен пропарфянски настроенный Антигон II. В Анатолии парфяне вместе с Лабиеном разгромили римское войско и глубоко вторглись в провинции Рима. В ответ, Марк Антоний направил против них Вентидия Басса, который оттеснил Лабиена в Сирию и полностью разгромил его, несмотря на пришедшие из Парфии подкрепления. Сам Лабиен был взят в плен и казнён. В итоге Сирия была вновь возвращена Риму.

В 36 г. до н.э. Марк Антоний предпринял поход в Парфию, окончившийся полным провалом. Тогда, в 33 г. он вторглся в Армению и захватил в плен армянского царя Артавазда II. Антоний планировал повторный поход в Парфию с целью реванша за поражение, но не успел этого сделать из-за разгоревшегося конфликта с Октавианом.



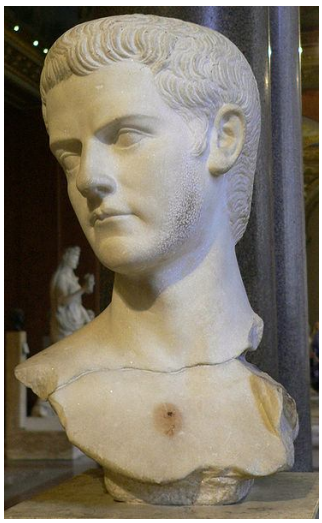
Октавиан Август
(27 до н.э. – 14 н.э.)



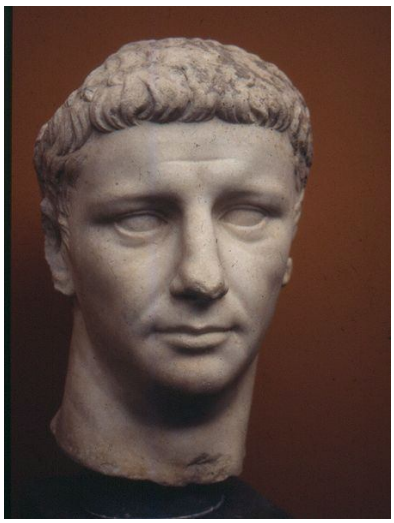
Тиберий
(14 – 37)

Октавиан Август, ставший правителем Римской державы после победы над Антонием, всячески старался укрепить подорванное в ходе гражданских войн римское внешнеполитическое могущество. В сферу римского господства попало Боспорское царство. Отношения Рима с Парфией двигались к войне, но обе стороны не желали ее развязывать: римляне были заняты усмирением Германии, а парфяне ослабли вследствие династической распри. Поэтому Октавиан Август и Фраат пошли на компромисс, заключив мирный договор. По его условиям Парфия должна была вывести войска из Армении и признать римский протекторат над этой страной, а также вернуть знамёна и пленных, захваченных при разгроме Красса. Несмотря на это, римско-парфянское соперничество за контроль и влияние в Армении не ослабло. Сам Август расценивал данный договор как временную передышку.

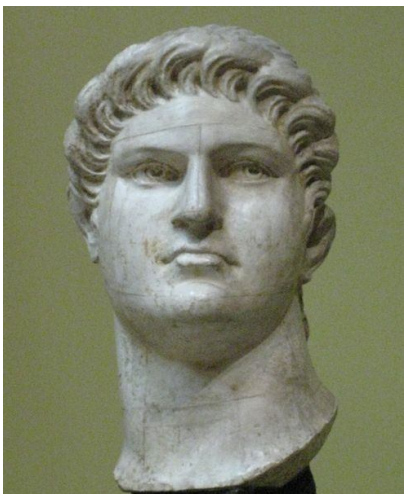
Император Тиберий возвел на армянский престол Фарсмана, младшего брата иберского царя. Это вызвало недовольство парфян и привело к открытому военному конфликту с римлянами. Разгромив парфянскую армию, Тиберий противопоставил парфянскому царю Артабану III двух новых претендентов, один из которых, Тиридат, в 36 г. форсировал Евфрат и короновался в Ктесифоне. В 37 г. Артабан согласился на встречу у Евфрата для восстановления статус-кво. В итоге ему удалось достичь договоренности с римским полководцем Луцием Вителлием и устранить опасность нового конфликтного витка, что стало одним из самых удивительных достижений Тиберия.



Калигула
(37 – 41)



Клавдий
(41 – 54)



Нерон
(54 – 68)

В 37 г., сразу после смерти Тиберия, парфяне возвели на армянский престол Орода. Новый римский император Калигула открыто не отреагировал на это, т.к. проводил на Востоке политику непрямого управления. В Малой Азии, Сирии и Палестине для своих друзей и союзников он создал эфемерные марионеточные государства: три сына Котиса получили Фракию, Малую Армению и Понт, Антиох Коммагенский получил трон на своей родине в Коммагене (область между

Арменией и Сирией), Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, получил царский титул и несколько областей Иудеи.

В правление Клавдия, практически без применения военной силы, ряд азиатских областей (Фракия, Норик, Памфилия, Ликия, Иудея), ранее находившихся под покровительством Рима, были обращены в провинции. В 51 г. скончался армянский царь Ород, чем быстро воспользовался Клавдий и посадил на престол своего избранника Радамиста. Тираническое правление последнего вызвало недовольство армянского населения, которое умело подогревалось Парфией. В итоге разразилось восстание, в ходе которого Радамист был свергнут. Новым армянским царем стал Тиридат, младший брат парфянского царя Вологеза I. Радамист, с помощью римских денег и необычайно холодной зимы 53-54 гг., вынудил парфян уйти из Армении и вернул себе трон, подавив внутреннюю оппозицию. Пока парфяне обдумывали ответные шаги, император Клавдий умер.

Новый император Нерон, в силу своего 16-летнего возраста, по мнению парфян не представлял серьезной опасности. Поэтому царь Вологез решился на открытые военные действия и в 55 г. вновь вернул армянский престол Тиридату. Реакция Рима была мгновенной и адекватной. Проконсулом Азии, Галатии и Каппадокии был назначен Гней Домиций Корбулон, военачальник прославившийся в Германии ещё при Клавдии. Римское войско состояло из четырех легионов: III Gallica и VI Ferrata под командованием Корбулона, X Fretensis и XII Fulminata под командованием Дурмия Уммидия Квадрата, проконсула Сирии.

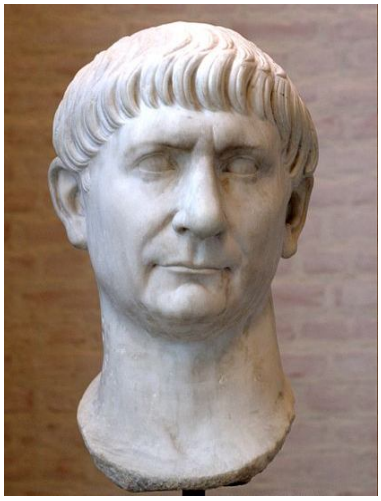
В течение трёх лет Корбулон вел переговоры с представителями Вологеза, подготавливая свои войска. Но в 58 г. римляне были внезапно атакованы парфянами. Римлянам при помощи местных союзных племён удалось отразить нападение и перейти в наступление. В период с 58-60 гг. Корбулон и Квадрат захватили армянскую столицу Артаксату, перешли

пустыню в северной Месопотамии и форсировали Тигр. После взятия Тигранакерта на армянский трон был возведен проримски настроенный Трдат I, праправнук Ирода Великого. Весной 62 г. парфяне попытались отбить Тигранакерт и Корбулону, из-за отсутствия подкреплений, пришлось пойти на перемирие. Летом 62 г. на замену умершему Квадрату прибыл Луций Цезенний Пет. Тогда Корбулон форсировал Евфрат и вторгся в Месопотамию. Но в это время Пет попал в окружение парфян в Рандее под Арсамосатой. Узнав об этом, Корбулон вынужден был вернуться обратно. Когда он возвращался в Мелитену, римляне начали переговоры с парфянами, окончившиеся безрезультатно.

В 63 г. Корбулон с четырьмя легионами вновь напал на Армению. Сложилась патовая ситуация: Вологез и Тиридат понимали, что войну уже не выиграть, а Корбулон не хотел воевать в пустыне. Снова было заключено соглашение, по условиям которого Тиридат становился армянским царем, но в качестве римского вассала, и должен был лично явиться в Рим для официального получения царской тиары из рук Нерона. Данная война сделала Нерона весьма популярным в восточных провинциях, а условия римско-парфянского мира соблюдались более 50 лет.

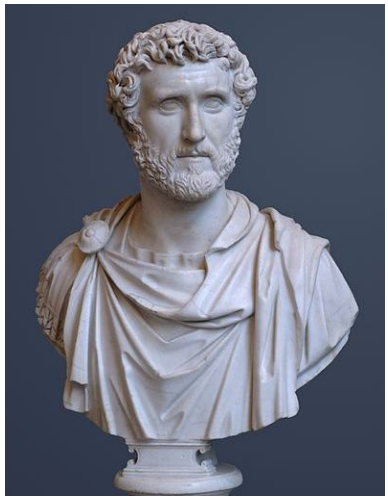
В 66 г. разгорелось иудейское восстание, вылившееся в кровопролитную Иудейскую войну (66 – 73), которая стала основным объектом восточной политики Рима. На подавление восстания иудеев Нерон отправил Веспасиана. В 68 г. император покончил жизнь самоубийством, что привело к междоусобной борьбе за римский престол. Иудейские легионы объявили Веспасиана императором и под его командованием отправились в военный поход на Рим, окончившийся успешно. Руководство подавлением восстания Веспасиан поручил своему сыну Титу, который взял и разрушил Иерусалим, вырезав все население с невиданной жестокостью. Когда Тит вернулся в Рим, усмирение Иудеи

было отпраздновано пышным триумфом. В честь взятия Иерусалима была заложена арка Тита, достроенная при Домициане.



Траян
(98 – 117)

Адриан
(117 – 138)



Антонин Пий
(138 – 161)

Новая серия римско-парфянских войн началась во II в. Император Траян переместил центр тяжести римской внешней политики на Восток, где продолжали сохраняться богатые и стратегически важные, но ещё неосвоенные Римом области. После покорения Дакии войско сирийского легата Авла Корнелия Пальмы Фронтониана вторглось в Набатейское царство (совр. Иордания) и захватило его столицу г. Петру. Аннексированное царство было превращено в новую провинцию под названием Каменистая Аравия, первым наместником которой стал Гай Клавдий Север. Охрану провинции осуществлял переброшенный из Египта III легион «Киренаика», находившийся под личным командованием Клавдия Севера. Последний в 111 г. начал строительство дороги via Nova Traiana, которая с юга на север пролегала через всю Аравию. Дорога и по сей день продолжает функционировать в Иордании. До сих пор восхищение специалистов вызывает тот факт, что она проведена точно по границе с пустыней, то есть территорией, на которой по определению жизни быть не могло. Фактически эта дорога определяла климатическую

зону, удобную для человеческого проживания и одновременно границу провинции и Империи с востока. Столицей новой провинции, по решению Траяна, стал г. Боср.

Траян попытался окончательно решить восточный вопрос и аннексировать Армению. Поводом к войне с Парфией стали разногласия в связи с кандидатами на армянский престол: парфянским ставленником был Партамасирис, а римским – Аксидар. После неудачных переговоров с парфянским царём Хосроем, Траян стал готовиться к крупному военному походу: он лично выехал из Италии для руководства кампанией, перебросил на Восток подкрепление из дакийских гарнизонов и в общей сложности сосредоточил против Парфии 11 легионов.

В 114 г. Траян прибыл в Антиохию для подавления внутренних беспорядков, возникших после набегов парфян. Затем он отправился в Саталу, бывшую местом сбора северной группировки римских войск. Далее Траян, отвергнув формальное признание Партамасирисом римской власти, вторгся в Армению и быстро оккупировал армянское нагорье. На севере начались успешные переговоры с правителями Колхиды, Иберии и Кавказской Албании, с целью обезопасить римлянам левый фланг и восточное Причерноморье. Уничтожив парфянское присутствие в Юго-Восточной Армении, римские войска поэтапно заняли Атропатену и Гирканию, свергнув парфянского ставленника. К осени 114 г. все регионы Армении и часть Каппадокии были объединены в единую провинцию Армения.

В следующем году Траян начал вторжение в северо-западную Месопотамию. Местные правители почти не оказали сопротивления, так как Хосрой находился в восточной части Парфии и не мог оказать им никакой помощи. После захвата римлянами главных парфянских городов Синтары и Низибиса, Месопотамия была обращена в провинцию (карта 9). В декабре 115 г. в Антиохии произошло сильное землетрясение, которое

разрушило тыловую базу римской армии и затруднило ее дальнейшие действия. Сам Траян чудом спасся, выпрыгнув из окна дома; несколько дней он был вынужден провести на ипподроме под открытым небом. Весной 116 г. было завершено строительство большого флота на Евфрате, что позволило римлянам продолжить кампанию.

Римские армии двумя колоннами двинулись по Евфрату и Тигру, поддерживая связь между собой по старым каналам, восстановленным Траяном. После взятия Вавилона корабли евфратской армии были переправлены по суше к Тигру, где войско соединилось и вошло в Селевкию. Хосрой, скованный внутренними раздорами, не сумел оказать серьезного сопротивления. В итоге парфянская столица Ктесифон была взята римлянами без особого труда, а царь бежал. Покоренную Селевкию Траян превратил в провинцию Ассирия, с центром в Ктесифоне. Но римляне не остановились на этом и продолжили свое наступление. Было завоевано Мезенское царство, расположенное в устье Евфрата. Римская флотилия спустилась вниз по течению до Персидского залива и остановилась в портовом городе Характе, жители которого радушно встретили Траяна. Далее император стал планировать дальнейшее продвижение вплоть до Индии. По одной из легенд, выйдя к морю, он увидел плывущий в Индию корабль и воздал хвалу Александру Македонскому, сказав при этом следующие слова: «Если бы я был молодым, я вне сомнений отправился бы в Индию». Однако, в 117 г. ситуация резко осложнилась. В Палестине, Сирии, Северной Месопотамии и Иудеи начались народные восстания, одновременно с которыми парфяне стали наносить удары по ключевым позициям в тылу римлян. Траян вынужден был вернуться назад. Он разбил мятежников в Месопотамии, но ему пришлось вернуть армянский престол парфянскому ставленнику. Во время этих событий Траян внезапно умер.

Преемник Траяна, император Адриан отказался от активной внешней политики своего предшественника и перешел к стратегической обороне римских границ. С этого момента начался новый внешнеполитический курс Римской империи, навсегда отказавшейся от завоевательных войн. Адриан вернул парфянам Месопотамию и Ассирию, захваченные Траяном, а также признал самостоятельность Армении при сохранении над ней римского протектората. В итоге, более полувека Рим и Парфия не воевали друг с другом.

Император Антонин Пий, продолжая политику Адриана, избегал войн и возводил оборонительные сооружения на границах империи. Однако он не оставил без внимания Закавказье, где проводил достаточно активную политику. Антонин Пий подарил иберийскому царю Фарасману III некоторые земли. Правителем Лазики император назначил Пакора. Аналогичным образом Антонин Пий назначил царя в Колхиде. В это же время правитель Эдесского царства (Западная Месопотамия) Абгар, завоевывая соседние территории, приблизился к восточной римской границе. Антонин, даже не прибегая к силе, одним своим авторитетом заставил его отступить обратно. В Боспорском царстве он возвел на царский престол Реметалка. По сообщению Псевдо-Аврелия Виктора, Антонин принимал иностранные посольства из Индии, Гиркании и Бактрии.

Парфянский царь Вологез III хотел посадить на армянский престол своего ставленника, но это вызвало противодействие римлян. Тогда парфяне стали совершать набеги на соседние с Арменией земли, параллельно готовясь к войне с Римом. Антонин Пий отправил своего легата Луция Нерация Прокула в Сирию с подкреплением и поручением подготовить военную кампания против Парфии. Эти военные приготовления предотвратили нападение парфян на Армению и позволили отразить несколько набегов аланов.

Новая римско-парфянская война началась после смерти Антонина Пия в 161 г. Верховное командование римскими войсками сосредоточилось в руках нового императора Луция Вера. Парфянский царь Вологез III разграбил Эдессу и вторгся в Армению, нанеся римлянам несколько поражений. Навстречу ему выдвинулся римский корпус во главе со Стацием Приском и в 163 г. разгромил парфянскую армию, вернув на армянский престол римского ставленника. В 164 г. Авидий Кассий начал вторжение в Месопотамию. Далее в 165 г. он победил парфян в сражениях при Селевкии и Ктесифоне. Однако в Парфии началась массовая эпидемия оспы, которая перекинулась на римское войско. В итоге последнее вынуждено было отступить. По окончании войны Луций Вер вместе с Марком Аврелием отпраздновали в Риме триумф, после которого Луцию было присвоено почетное прозвище «Армянский». Вскоре после этого Луций Вер умер от апоплексического удара. Императорская власть сосредоточилась в руках Марка Аврелия.

Новый виток столкновений Рима и Парфии произошел в правление императора Септимия Севера. В 195 г. он лично руководил вторжением римских войск в Месопотамию, в ходе которого были заняты Селевкия и Вавилон. Повторив поход Траяна, Септимий Север возвратил Аравию и Месопотамию в лоно Римской империи. В 197 г. он начал второй поход против Парфии и повторно занял Селевкию, взяв штурмом парфянскую столицу Ктесифон. В результате этих войн Септимий вернул под римский контроль Северную Месопотамию, а также районы вокруг Нисибиса и Сингары.

Луций Вер
(161 – 169)

Септимий Север
(193 – 211)

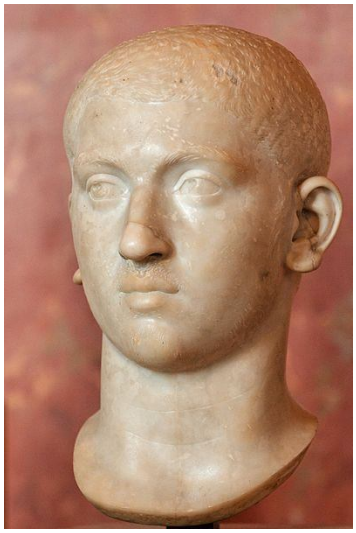
Каракалла
(211 – 217)

Преемник Септимия Севера, император Каракалла уделял большое внимание внешней политике на Востоке. Поэтому он много путешествовал по восточным римским провинциям: он лично побывал в Пергаме, где лечился у Эскулапа; будучи в Илионе он чтил Ахилла, а в Никомедии останавливался на зимовку. Каракалла завладел Эдесским царством, изменнически пленив царя Абгара. Аналогичную комбинацию он хотел провести с армянским царем, пригласив его к себе вместе с сыновьями на переговоры. Но эта попытка провалилась, а римский отряд, посланный в Армению, был разгромлен.

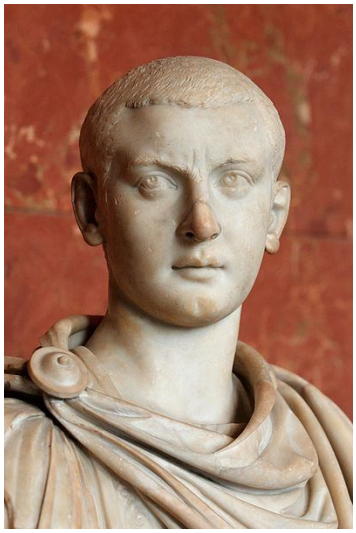
В это время сложилась благоприятная ситуация: Парфия сильно ослабла из-за междоусобной войны за престол между царевичами Артабаном V и Вологезом V. Каракалла решил воспользоваться этим и окончательно уничтожить Парфию. Поводом к войне послужил отказ царя Артабана выдать свою дочь замуж за Каракаллу. В 214 г. римские легионы вторглись в Месопотамию и, захватив множество городов и крепостей, опустошили ее. При этом были разрыты и осквернены могилы парфянских царей в Арбеле (их прах был рассеен), что вызвало серьезные возмущения по всей Парфии. Артабан вынужден был пойти на мирные переговоры. Он

дружественно встретил императора, но во время пира Каракалла устроил массовую резню парфян. Царю Артабану с немногими приближенными удалось бежать. Однако вскоре в 217 г. Каракалла был убит в ходе заговора, составленного командиром преторианской гвардии Макрином. Но его гибель не остановила парфян, вскоре вторгнувшихся в Месопотамию. Решающее сражение произошло у Нисибиса и длилось три дня. После этого Макрин предложил Артабану V мирный договор, по которому Рим возвращал Парфии все парфянские территории, ранее захваченные Септимием Севером и Каракаллой, а также обязался выплатить огромную контрибуцию в 200 млн. сестерциев. Несмотря на такие позорные для Рима условия на его монетах появилась надпись «Парфянская Победа» (лат. Victoria Parthica).

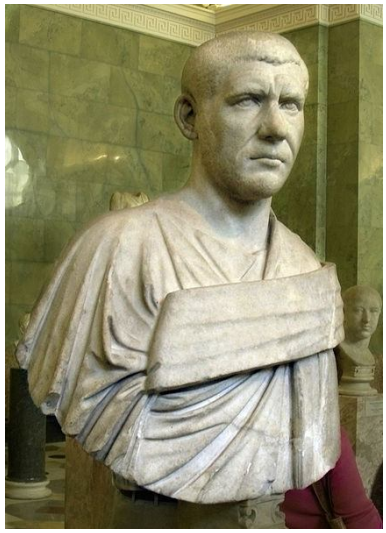
В результаты этой последней войны в истории римско-парфянского противостояния Римская империя понесла большие потери: многочисленное (70.000 – 100.000 солдат) и некогда победоносное римское войско было уничтожено, а все достижения в войнах с Парфией были утрачены. Но и парфянам эта победа стоила весьма дорого: стратегическое могущество Парфянского царства сильно ослабло из-за больших военных потерь. К этому следует добавить крупные потери в ходе внутренних междоусобиц и систематических вторжений алан, опустошавших страну подобно смерчу. В 219 г. наместник провинции Парс Ардашир поднял восстание против царя Артабана V, которое завершилось свержением династии Аршакидов и падением Парфянского царства. На смену ему пришла новая династия Сасанидов и новое государство – Сасанидское царство. Так началась новая эпоха римско-иранских отношений, но со старым содержанием, сущность которого составляла непрестанная борьба за гегемонию на Ближнем Востоке.



Александр Север
(222 – 235)



Гордиан III
(238 – 244)



Филипп I Араб
(244 – 249)

Римский император Александр Север попытался взять реванш за позорное поражение Макрина и в 231 г. начал войну с новообразованным Сасанидским царством, лично руководя военными действиями против персов. Хотя в целом война была неудачной для Рима, ему удалось частично восстановить свои политические позиции на Ближнем Востоке.

Дело, начатое Александром Севером, продолжил император Гордиан III. В 242 г., отбив нападения готов, сарматов и алан на Мёзию (дунайская провинция), император во главе большого войска двинулся в Сирию. Здесь он начала военные действия против персов, вытеснив их из Антиохии, Карры и Низибиса. В итоге Сасаниды вынуждены были отступить в свои пределы. Гордиан начал наступление в Месопотамию, но был убит в результате заговора Марка Юлия Филиппа, ставшего впоследствии императором Филиппом I Арабом.

Филипп, желая утвердить за собой императорскую власть, хотел быстро вернуться в Рим и обеспечить поддержку сената. Наряду с этим положение римской армии в Месопотамии, после поражения в битве при Массисе, было крайне тяжелым. Любой ценой нужно было свернуть военные действия, поэтому Филипп заключил мирный договор с

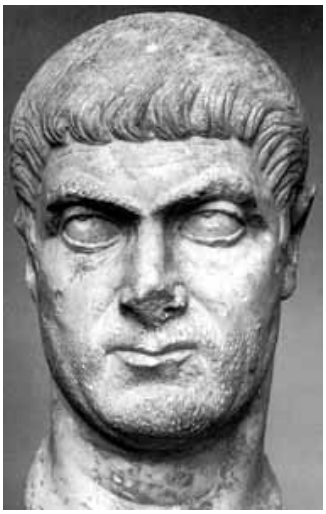
персидским царём Шапуром I на следующих условиях: Рим получает в полное владение Малую Армению и Месопотамию (до Сингары), а Великую Армению в формальную зависимость, хотя на самом деле она находилась под персидским владычеством; кроме того, он обязывался выплатить большую контрибуцию персам в 500.000 золотых денариев. После подписания договора Филипп выпустил монеты с надписями «pax fundata cum Persis» (мир, основанный с персами) и щедро наградил своих солдат. После этого Филипп двинулся с армией до Евфрата, где к югу от Цирцессиума возвел кенотаф с похвальной надписью в честь Гордиана III, прах которого был отправлен в Рим, а его образ был обожествлён.

Несколько лет Римская империя и Сасанидский Иран жили в мире, но при императоре Требониане Галле ситуация вновь обострилась. Сасаниды захватили Армению и убили царя Тиридата, при этом римляне ничем не смогли ответить на эту агрессию. В 253 г. персидский царь Шапур I начал совершать систематические набеги на восточные римские провинции, опустошая их в течение десяти лет. Персидское войско вторглось в Месопотамию, Сирию и Антиохию, захватив огромную добычу и многочисленных пленников. Рим и в этот раз не смог адекватно отреагировать, т.к. был сильно ослаблен нашествием готов и эпидемией чумы.

В 250-х гг. Римская империя была в крайне сложной ситуации. В стране 15 лет свирепствовала чума, унесшая огромное количество населения. Империя была зажата в кольце врагов: северо-западные провинции разорялись алеманами, в Галлию вторглись франки, на Балканах и в Малой Азии хозяйничали готы, восточные провинции опустошались персами. Во внутренней сфере начался хаос: посылавшиеся против этих врагов римские полководцы провозглашали себя императорами. Несмотря на все эти сложности, император Валериан I в 259 г. попытался дать отпор персидскому царю Шапуру и лично

отправился в поход. Но в 260 г. он был разгромлен персами в битве при Эдессе и попал в плен в результате предательства своих приближенных. Развивая успех, персидская армия захватила Нисибис, Карры и Эдессу. Затем она попыталась взять приступом Антиохию, Тарс и некоторые города Месопотамии. Вскоре персы вторглись в римскую провинцию Каппадокия и после осады взяли Кесарию. Военачальник Макриан, один из участников похода Валериана против персов, попытался собрать остатки римской армии у Самосаты. На выручку ему пришел командующий преторианской гвардией Баллиста, который внезапным ударом разгромил армию Шапура у Корика на киликийском побережье и заставил его отступить к Евфрату. Судьба плененного императора Валериана была печальной. Сначала персы грубо обращались с ним: царь Шапур I вставал ногами на его спину, как на скамейку, когда садился на лошадь. Когда Валериан предложил крупный выкуп за свое освобождение, Шапур приказал залить ему в глотку расплавленное золото, после чего снять с него кожу и, напихав его чучело соломой и навозом, поставить всем на обозрение в персидском храме в Сузах.

Диоклетиан
(284 – 305)



Галерий
(305 – 311)

Римляне смогли взять реванш за позорное поражение от персов только при императоре Диоклетиане. В 296 г. сасанидский царь Нарсе объявил войну Риму и вторгся в западную Армению, свергнув поставленного римлянами армянского царя Тиридата III. Последний попросил помощи у Диоклетиана, который направил в Армению армию во главе с Галерием. Последний вернул престол армянскому царю, на что персы ответили вторжением в римскую провинцию Сирия (297 г.). Тогда римляне перешли к более решительным действиям. Диоклетиан приказал Галерию начать открытую войну с персами. После двух безрезультатных боев, персидский шах нанёс жестокое поражение Галерию недалеко от Карр и Каллиника, где некогда был разгромлен парфянами Марк Красс. Из-за этого Римская империя потеряла Месопотамию. Причиной поражения была неосторожность Галерия и малочисленность римского войска. В итоге первый поход Галерия окончился провалом.

В 298 г. Галерий начал второй поход против Сасанидов. Во главе новой армии он пересек Евфрат и начал наступление на Месопотамию через Армению, где его поддержало местное население. Нарсе вынужден был двинуться в Армению, рельеф которой был крайне неудобен для персидской кавалерии, но зато благоприятен для римских легионов. В решающей битве при Сатале (298 г.) Галерий нанес персам сокрушительное поражение. Нарсесу удалось бежать, но его жены, сыновья и сестры попали в руки римлян. Последние, несмотря на трагическую судьбу императора Валериана, хорошо обращались с пленными членами царской семьи. Помимо этого римлянам достались богатые трофеи – весь обоз персидской армии.

Параллельно Диоклетиан разместил ещё одну резервную армию в Сирии на случай неудачи Галерия. Пользуясь его победой, Диоклетиан напал на персидскую столицу Ктесифон и взял ее штурмом. Галерий, после разгрома персов при Сатале, хотел продолжить преследование

неприятеля в глубь его территории. Но Диоклетиан не желал начинать новую компанию, исход которой был не ясен. В итоге в 299 г. римляне заключили с персами мир на выгодных для себя условиях: к римлянам переходили пять провинций по правому берегу Тигра (Интилена, Софена, Арзанена, Кордуена и Забдицена), в результате чего граница между Римской империей и Сасанидским царством была установлена по реке Тигр; между Персией и Арменией была определена чёткая граница по Мидии; право назначения царей Иберии переходило к римским императорам; г. Нисибис получил статус единственного места торговли между Римом и Ираном; на армянский престол вернулся римский ставленник Тиридат III.

Все эти территории находились под властью Рима ещё более 40 лет вплоть до новых войн Юлиана II Отступника и Констанция II. Рим получил обширную зону культурного влияния, что позднее привело к распространению сирийского христианства, центром которого был Нисибис, и к христианизации Армении. В честь победы над персами в Фессалониках была возведена триумфальная арка, а Галерий получил почётные титулы «Армянский Величайший», «Мидийский Величайший», «Адиабенский Величайший», «Персидский Величайший».

Римско-персидское противостояние на этом не закончилось. Конфликт постоянно тлел как уголь и в определенный момент воспламенялся словно факел, в огне которого две мощные державы постепенно сжигали свое могущество. Борьба шла с переменным успехом, но Римской империи, раздираемой внутренними и внешними проблемами, все труднее становилось сдерживать персидский натиск и ей приходилось постепенно оставлять свои позиции на Кавказе и Ближнем Востоке. В общей сложности противостояние длилось несколько столетий, вплоть до падения Западной Римской империи. После этого, эстафету борьбы

приняла Византийская империя, преемник Римской державы, которая в борьбе с Сасанидским Ираном опиралась на крепости Кавказского лимеса.

Со времен Суллы внешняя политика Рима на Ближнем Востоке, в силу стечения внутренних и внешних обстоятельств, двигалась по пути наращивания оборотов. С одной стороны одной из главных причин этого ускорения, было автоматическое вмешательство Рима в ходе своей восточной экспансии в клубок острых межгосударственных и межэтнических противоречий ближневосточного региона, а с другой столкновение расширявшейся на Восток Римской державы с Парфянским Ираном, который расширялся на Запад. Оба государства представляли собой сверхдержавы соответственно Западного и Восточного миров с огромным военно-политическим потенциалом, который необходимо было реализовывать в силу инерции имперских процессов. В итоге это привело к столкновению двух мощных держав, а Ближний Восток превратился в арену длительного и тяжелого противоборства.

Основным театром этой борьбы стало Закавказье, а точнее Армения, располагавшаяся на пограничном стыке двух империй. Желая иметь между собой буферную зону, Рим и Парфия сохранили Армении формальную независимость на правах вассала. Далее конфликты начинались по одинаковому сценарию: державы вмешивались во внутреннюю жизнь страны, желая возвести на армянский престол своего ставленника; из-за этого начинался конфликт, перераставший в открытую войну; на территорию Армении с запада вторгались римляне, а с востока парфяне (затем сасаниды), превращая ее в театр военных действий. Постепенно поле боя разрасталось, как снежный ком, затягивая в свое лоно Мидию, Месопотамию, Сирию и Каппадокию. Так повторялось на протяжении более четырех веков, что превратило Армянское царство в выжженную землю. При этом Колхида, Иверия (Иберия) и Кавказская Албания, находясь на окраине пограничного стыка сверхдержав, не превратились в

поле сражения, а стали полигоном дипломатических и коалиционных маневров Ирана и Рима, ибо стабильность в этих краях гарантировала безопасность тыла и флангов имперских армий.

В общем, римско-иранская борьба шла с переменным успехом, но римлянам не удалось окончательно сокрушить эту страну и закрепиться на ее территории, как и Ирану не удалось достичь аналогичных успехов. Максимальные успехи ограничивались только глубокими вторжениями во вражескую территорию и временным подчинением пограничных территорий. Наиболее критической фазы это противоборство достигало в моменты внутренних междоусобиц и конфликтов в Риме и Иране, чем сразу же пользовалась каждая сторона. Таким образом, Парфянский, а затем Сасанидский Иран, будучи на фазе подъема своего могущества, стал главной силой, сдерживавшей на протяжении столетий проникновение Рима, а вместе с ним и всей греко-римской цивилизации, в глубины Азии. Из-за него римлянам не удалось повторить грандиозный Восточный поход Александра Македонского, т.к. во времена последнего Персия находилась в фазе упадка и сильного ослабления, чем удачно воспользовался великий воитель Греции. Однако в ходе многовековых войн и римского присутствия на Ближнем Востоке произошел частичный синтез западной (греко-римской) и восточной (азиатской) культур, что превратило ближневосточный регион в межцивилизационный фронтир.

2.2. Кавказский лимес как следствие римской экспансии на Ближнем Востоке

Главным признаком любой империи являются огромные территории и протяженные границы, которые необходимо защищать от внешних врагов. Это обратная сторона имперской политики, которая представляет собой тяжелое бремя и требует огромных затрат. Защита своих границ это один из основных показателей жизнеспособности и могущества империи. На протяжении столетий в качестве основного средства защиты своих пограничных рубежей любая империя использовала кордонные линии, которые представляли собой длинную цепь крепостей с военными гарнизонами, вытянутую вдоль границы. Крепости были равноудалены друг от друга, чтобы в случае нападения врага на одну из них гарнизоны других могли сгруппироваться и прийти на помощь осажденным.

Одним из таких рубежей Римской империи был северо-восточный лимес, предназначенный для обеспечения защиты северо-восточного сектора римской границы, которая была обращена к Кавказу. Этот лимес не получил в литературе общепринятого названия. Британский ученый Т. Митфорд назвал его «Каппадокийским» лимесом – по названию римской провинции в Восточной Анатолии. По его мнению, лимес охватывал только сухопутную границу от Самосаты на юге до Трапезунта на севере, при этом автор не включал в его состав участок вдоль черноморского побережья Кавказа, где жили народности, правители которых являлись вассалами Римской империи. Советский ученый В.А. Левкинадзе выделял данный участок в отдельный лимес и дал ему название «Понтийского», утверждая, что его главной функцией была защита морских коммуникаций в черноморском бассейне. Однако М. Спейдел, в отличие от В.А. Левкинадзе, придерживался иной точки зрения: Понтийский лимес включал цепь римских укреплений от Трапезунта до Питиунта (совр. Пицунда) и предназначался для поддержания римского господства в

Иберии и Албании, а также для контроля за проходами через Кавказский хребет (Дарьял и Двалет). Поэтому М. Спейдел называет этот участок лимеса «Кавказским». С.М. Перевалов считает, что Каппадокийский и Понтийский лимесы представляли собой единую кордонную линию, которую автор называет «Кавказским лимесом». В его состав входил весь участок северо-восточного римского лимеса от Мелитены до Питиунта. Свою точку зрения автор основывает на том, что деление единого северо-восточного сектора обороны на два отдельных лимеса – сухопутный и приморский – нецелесообразно и некорректно, поскольку гарнизоны обеих линий были тесно взаимосвязаны в процессе защиты кавказской границы и на равных исполняли эту задачу. Подтверждением этому служит следующий факт: во время аланского нашествия в 135 г. военные силы Каппадокийского и Понтийского лимесов находились под общим командованием Флавия Арриана. Другим доводом в пользу его точки зрения, служит тот факт, что оба лимеса находились вдоль римских границ со странами кавказского региона: Каппадокийский граничил с Арменией, а Понтийский – с Колхидой.

На наш взгляд, точка зрения С.М. Перевалова является наиболее полной и объективной из всех выше перечисленных, поэтому мы возьмем ее за основу в рамках данного исследования. Итак, северо-восточный пограничный сектор Римской империи защищал Кавказский лимес, представлявший собой линию римских крепостей от Мелитены до Питиунта и подразделявшийся на два территориально-функциональных участка – сухопутный Каппадокийский и прибрежный Понтийский. Наряду с этим, Кавказский лимес выполнял важные внешнеполитические функции: он служил опорой римской власти в Малой Азии и Закавказье, а также стратегическим плацдармом внешней политики Римской империи на Ближнем Востоке.

Сначала необходимо рассмотреть предысторию создания Кавказского лимеса. Она начинается с расширения восточной римской экспансии, в сферу которой попали Каппадокия, Колхида, Иберия, Армения и Кавказская Албания. Первоначально римляне стали укрепляться в Каппадокии, которая имела выгодное геополитическое расположение в Восточной Анатолии, постепенно превратив ее в стратегический плацдарм своей восточной внешней политики. Хребтом этого плацдарма стал Каппадокийский лимес – сухопутный участок Кавказского лимеса вдоль римско-армянской границы (карта 9).

Во время Митридатовых войн Каппадокия была одним из главных театров военных действий и основной ареной столкновений римских и понтийских интересов. Митридат не гнушался коварных средств борьбы, чтобы подчинить Каппадокию Понтийскому царству: подкупал местную элиту, устраивал заговоры и убийства политических оппонентов, крутил изощренные интриги для стравливания своих врагов, использовал кровнородственные отношения и сажал на престол своих ставленников. Когда орудия подковерной игры не давали результатов, он прибегал к открытым военным вторжениям, однако сам этого не делал, чтобы не засветить свое присутствие, а подговаривал на это соседей. Отсюда Каппадокия неоднократно подвергалась нашествиям полчищ армянского царя Тиграна II Великого, являвшегося зятем Митридата.

Как уже было упомянуто выше (параграф 1.1), в 66 г. до н.э. после безрезультатных походов Лукулла против Митридата общее командование римской армией было поручено Гнею Помпею. Ему удалось разгромить Митридата, который после этого вынужден был бежать далеко в Боспорское царство. После этого Каппадокия превратилась в римское вассальное государство, управляемое династией Ариобарзана. В качестве представителя Рима эту землю посетил Цицерон, которому после смерти

Красса было поручено примирить каппадокийцев с их царём Ариобарзаном, приведя их к покорности.

Царь Ариобарзан II сослал своего сына Ариобарзана-младшего в Киликию. Высланный наследник стал плести против отца заговоры, для чего требовались немалые средства. Он обратился за помощью к Марку Юнию Бруту, который, будучи очарованным его личным обаянием, нашёл для него кредиторов. В итоге заговор увенчался успехом и в 52 г. до н.э. Ариобарзан стал царём.

В 47 г. до н.э. понтийский царь Фарнак II, сын Митридата Евпатора, вторгся в Каппадокию, низверг царя Ариобарзана III и посадил на престол одного из своих братьев. Для защиты римских территорий срочно были направлены войска во главе с Гаем Юлием Цезарем, к которому присоединился и Брут. После разгрома Цезарем армии Фарнака, Брут упросил его пощадить всех своих друзей, поддержавших Помпея в гражданской войне, в число которых входил и Ариобарзан III. Цезарь простил царя.

Далее каппадокийский престол занял Ариарат X, брат Ариобарзана III. Но правил он недолго, ибо в 36 г. до н.э. после неудачной для римлян армянской войны Марк Антоний низложил и казнил его, передав власть Архелаю, родственнику казненного царя. Позднее, в 3 г. н.э., Архелай женился на внучке Марка Антония – понтийской царице Пифодориде, вдове Полемона I, ставшей наследницей его владений. После гибели Марка Антония, Октавиан Август утвердил назначение Архелая, дополнительно передав ему Киликию. Но потом для контроля за его деятельностью приставил к нему прокуратора.

В 17 г. Тиберий призвал Архелая в Рим для отчета, где он скоропостижно скончался. В этом же году Каппадокия была включена в состав империи и стала римской провинцией под управлением

прокуратора, не имевшего своих войск. При Тиберии на ее территорию неоднократно вторгался армянский царь Артабан III.

Несмотря на то, что страна занимала выгодное географическое расположение и была богата природными ресурсами, она была достаточно отсталой. По свидетельству Страбона, на территории Каппадокии было всего лишь два крупных города – Тиана в Тианитисе и Мазака в Киликии; остальные населенные пункты трудно было назвать городами. Наряду с этим Каппадокия, будучи пограничной провинцией, постоянно подвергалась нашествиям воинственных соседей.

При императоре Нероне наместником провинции был Корбулон, параллельно являвшийся главнокомандующим во время римско-парфянской войны. В 58 г. он захватил Артаксат, а в 59 г. – Тигранакерт. В 60 г. Корбулон получил чрезвычайные полномочия, но гражданские вопросы управления Каппадокией по-прежнему решал прокуратор. Победы в войнах с парфянами сделали Корбулона чрезвычайно популярным в Риме, поэтому Нерон, опасаясь конкуренции, приказал ему совершить самоубийство.

Неудачи во время нероновых войн, мощное Иудейское восстание (66-73 гг.) и усиливающиеся аланские набеги четко показали, что необходимо упрочить римскую власть в стратегически важной области Каппадокии, непосредственно примыкающей к Армении, которая постоянно балансировала между Римом и Парфией. Решением этой проблемы активно занялся император Веспасиан, реформы которого положили начало Кавказскому лимесу. Сначала для повышения обороноспособности северо-восточного пограничного сектора Римской империи он провел военно-административную реорганизацию: Галатия, Понт, Каппадокия и Малая Армения были объединены в одну большую провинцию (74 г.), которая теперь называлась Галатия-Каппадокия и занимала 2/3 площади Малой Азии. Для отражения систематических

набегов алан на территории этой провинции были размещены два легиона, количество которых было неизменным вплоть до эпохи Диоклетиана (284-305). Появление легионов потребовало наместника более высокого ранга и более широких полномочий, чем прокуратор, не имевший в своем распоряжении никаких военных сил. В качестве наместника новой провинции Веспасиан утвердил консулярного легата с преторскими полномочиями, который отныне нес ответственность за порядок на армянской границе и в регионе Большого Кавказа. Первым на этот пост был назначен Гней Помпей Коллега. С самого начала и до конца римской эпохи основными местами базирования легионов были города Мелитена и Сатала, а со времени Диоклетиана к ним присоединилась третья база – город Трапезунт на берегу Черного моря, где был размещен еще один легион. Таким образом, возник каппадокийский сухопутный участок Кавказского лимеса. Римляне, осознавая важность Каппадокии, постепенно развивали ее. Ко II в., в процессе романизации региона, появился ряд новых городов: Сатала, Мелитена, Амасья, Себастополь, Себастия, Неокесария, Комана, большинство которых располагалось на территории Малой Армении и Каппадокийского Понта.

Во времена Траяна в провинции были построены военные дороги и приняты необходимые меры безопасности для защиты городов. В 114 г. император провел новую административную реформу: Великая и Малая Армения, а также часть Каппадокии были объединены в римскую провинцию Армения. Однако в 117 г. после смерти императора Траяна в Армении была восстановлена царская власть.

При императоре Адриане наместником Каппадокии был Флавий Арриан, прославившийся своими историческими сочинениями. Сам Адриан лично посещал регион и во время одной из своих поездок в 129 г. присвоил Арриану консульское звание. В период 131–137 гг. он управлял провинцией Каппадокия в качестве личного легата императора. В это же

время она вновь подвергалась многочисленным нападениям со стороны аланов. В 134 г. Арриан руководил отражением крупного вторжения алан в Каппадокию.

В правление императора Марка Аврелия в регионе снова активизировались парфяне. В 162 г. парфянский царь Вологез III объявил войну Риму. Парфяне под предводительством Осроя вторглись в Армению и уничтожили у Элегеи римское войско, возглавляемое легатом Северианом, который покончил с собой. Далее парфяне продолжили наступление и достигли Каппадокии, заняв при этом большую часть Сирии. В 163 г. римские войска под командованием Луция Вера и Авидия Кассия начали контрнаступление, в ходе которого Армения была отбита и снова превращена в зависимое царство.

Помимо аланских и парфянских нашествий, Каппадокия на всем протяжении II в. подвергалась набегам понтийских пиратов, которые заплывали в Кипрское море и промышляли грабежом на берегах Ликии и Памфилии, нередко проникая во внутренние области вплоть до границ Каппадокии.

В III в. Каппадокия неоднократно подвергалась вторжениям Сасанидов, преемников парфян. В 231 г. Ардашир, новый царь Сасанидского Ирана, начал войну против Рима, во время которой он опустошил Каппадокию. В 240 г. Ардашир второй раз вторгся в Каппадокию. Римлянам не всегда удавалось отражать натиск Сасанидов. Так, в 260 г. римский император Валериан был разбит царём Шапуром I и попал в плен, о чём свидетельствует барельеф, обнаруженный на отвесных скалах севернее Персеполя.

При его сыне императоре Галлиене в Каппадокию с севера вторглись готы. В 264 г. они снарядили морскую экспедицию в Трапезунт. Достигнув побережья, они прошли огнем и мечом Каппадокию, Галатию, Вифинию и благополучно вернулись назад с богатой добычей и множеством

пленников-христиан. Этот поход имел исторические последствия для готов: среди пленников был каппадокийский христианин Евтих, распространивший среди готов первые зачатки христианства.

Позднее Каппадокия вместе с другими областями Анатолии была захвачена пальмирской царицей Зенобией, расширившей свои владения от Сирии до всей Малой Азии. Но в 272 г. император Аврелиан отвоевал регион и уничтожил Пальмирское царство.

С другой стороны Каппадокия начиная с I в. превратилась в один из крупнейших христианских центров Римской империи, оказывая сильное духовное влияние на всю духовную жизнь Малой Азии. Каппадокия дала миру огромное количество святых отшельников, мучеников, просветителей и даже Отцов Церкви. Пустынные земли этой провинции в позднеримский и ранневизантийский период служили местом ссылки политических оппонентов из Константинополя. Так, например, знаменитый Юлиан Отступник в 337 г. был сослан в каппадокийскую Макеллу по распоряжению императора Констанция II. Позднее, когда он стал императором в 361 г. и запретил христианство, уже получившее статус государственной религии, он получил прозвище «Отступник». Именно в это время пещерные монастыри Каппадокии стали убежищем огромного количества христиан-изгнанников, не желавших отрекаться от своей веры.

Как уже было сказано, выше Каппадокия не была пределом римской экспансии. Укрепляя пограничные рубежи в этом регионе за счет создания Каппадокийской кордонной линии, римляне параллельно усиливали свое присутствие в закавказских странах – Колхиде, Иверии и Кавказской Албании. Каппадокия при этом играла роль стратегического плацдарма, с которого Рим продвигался в Закавказье. Первыми закавказскими объектами римской экспансии стали Колхида и Иберия. В период со II в.

до н.э. по II в. н.э. они находились в сфере влияния сразу трёх государств – Римской империи, Великой Армении и Понтийского царства.

Колхида (совр. Западная Грузия), еще задолго до появления греков, имела хорошо развитое ремесло по изготовлению бронзовых изделий и налаженные контакты с Хорезмом. Последние осуществлялись через торговые пути по Амударье и Каспийскому морю, по которым среднеазиатские и индийские товары шли на Кавказ через Эвксинский Понт (Черное море). Греки познали Колхиду благодаря торговле. В VI в. до н.э. они основали здесь торговые колонии Диоскуриада и Фасис. В древнегреческой мифологии Колхида и Кавказ были покрыты загадочным ореолом: они представляли собой труднодостижимый «край света»; на Кавказе был прикован к скалам Прометей; колхидские цари были потомками бога солнца Гелиоса; в Колхиду отправились Аргонавты за золотым руном. В 120 – 65 гг. до н.э. Колхидское царство было захвачено Митридатом VI Евпатором и включено в состав Понтийского царства, в которое на тот момент входили всё северное и восточное Причерноморье и Малая Азия. После разгрома последнего в Митридатовых войнах, Колхида был включена в состав Римской державы и стала провинцией Лазика (I в. до н.э.). В I-II вв. н.э. происходит распад Колхидского царства и формирование на его обломках фундамента нового царства. В III в. Лазика получает достаточно широкую автономию и к концу века превращается в незаивисимое Лазское царство (Эгриси). Постепенно в IV в. оно подчиняет своей власти население Северной Колхиды (сванов, апсилов, абазгов). Крупными городскими центрами были: столица Археополис (совр. Нокалакеви), Родополис (совр. Варцихе), Вашнари, Петра (совр. Цихисдзири), Апсар (совр. Гонио) и др. В IV-VI вв. в Лазике складывались феодальные отношения. В нач. IV в. на ее территории была учреждена христианская епархия, а резиденцией епископа стал Питиунт. Первым христианским царём Лазистана стал Губаз I, а в 523 г. христианство стало

официальной религией лазского государства. Лазское царство просуществовало 250 лет, пребывая большую часть этого времени в вассальной зависимости от Византийской империи. Изредка оно переходило под власть Сасанидского Ирана. С VI в. Лазское царство превратилось в арену постоянных войн между Византией и Ираном. В 562 г. оно вошло в состав Византии, снова превратившей его в провинцию Лазика с центром в Фасисе.

Иберия (совр. Восточная Грузия), также известная как Картлийское царство, достигла наивысшего могущества в III в. до н.э. во время правления династии Фарнавазидов. Она стала государством со значительными территориями: помимо Шида, Картли, Кахети и Месхети, в нее входила часть Западной Грузии (Аргвети, Ачара), а также Гогарене, Хордзене и предгорья Париадри. В II-I вв. до н.э. Иберия ослабла и потеряла часть своих территорий в процессе военного противостояния с усилившимися армянскими царствами. В 65 г. до н.э. римские войска под командованием Помпея, в ходе Митридатовых войн вторглись в Картлийское царство. Несмотря на сопротивление, картлийский царь Артаг II в конце концов вынужден был подчиниться римлянам, после чего Помпей покинул пределы Иберии. В 36 г. до н.э. Рим заставил иберского царя Фарнаваза II принять участие в военной кампании против Кавказской Албании. Но вскоре Иберия стала постепенно избавляться от римской зависимости, переходя в статус союзника Рима. В I-II вв. н.э. Иберия вновь окрепла и нередко выступала в качестве противника Рима в Закавказье. Усилению Иберии способствовало установление контроля над перевалами Кавказского хребта и использование в заграничных походах аланов, живших на территории Северного Кавказа. Во 2-й пол. I в. н.э. Иберия сохраняла дружеские отношения с Римом, но в 30-50-е гг. II в. они резко ухудшились. Это было связано с активной внешней политикой картлийского царя Фарсмана II, при котором Иберия добилась полной

независимости от Рима, достигла наивысшего военного могущества и территориального роста за счет захвата земель у ослабевшей Армении. Фарсман II игнорировал приглашения римского императора Адриана, и только при его преемнике Антонине Пие, посетил Рим вместе с супругой, сыном и большой свитой. Римляне были в восторге от боевого искусства иберийцев, продемонстрированного в торжественной обстановке. Антонин Пий даже поставил царю Иберии памятник в Риме.

Следствием укрепления римского присутствия в Закавказье стало появление Понтийского лимеса, ставшего северным участком Кавказского лимеса. Понтийский лимес выполнял роль основного плацдарма для закавказской политики Римской империи и служил гарантом лояльности Колхиды римским властям. Лимес представлял собой систему римских военных укреплений вдоль восточного Причерноморья, которые контролировали новую провинцию Рима в Колхиде и защищали северо-восточные границы империи от вражеских нашествий с северо-востока. Большинство этих крепостей создавалось на базе греческих торговых колоний, которые, проще говоря, превращались в военные центры. Так, например, греческая торговая колония Диоскурия (совр. Сухуми) была превращена в римскую военную крепость Себастополис, другой греческий город Питиут (совр. Пицунда) сначала был захвачен римлянами у понтийцев в ходе Митридатовых войн, а затем (2-я пол. II в.) перестроен в военную крепость с расквартированным в ее стенах гарнизоном. Таким образом, процесс римского освоения Колхиды стартовал со времен Октавиана Августа.

Стремясь защитить малоазийские провинции от постоянных вторжений через Колхиду многочисленных врагов с северо-востока (алан, армян, картлийцев, персов), Римская империя уделило большое внимание укреплению главных узлов Понта. Свидетельством тому являются руины древних стен и другие археологические находки: предметы вооружения и

домашнего обихода, скудные строки из письменных источников и др. Рим осваивал черноморское побережье Кавказа, используя следующий механизм: сначала он цеплялся за узкие участки на побережье, устраивая крепости, а затем проникал во все сферы жизни местных народов, приспособляя их возможности к выполнению своих тактических задач. Римские крепости представляли собой кастеллы – небольшие четырёхугольные крепости с четырьмя выступающими по углам башнями. Гарантом удержания народов Восточного Понта и Меотиды (совр. Азовское море) от враждебных действий был военный контингент, включавший 3.000 солдат тяжелой пехоты и 40 военных кораблей. Эти военные силы составляли общий гарнизон Понтийского лимеса. Часто Риму не хватало собственных сил для обеспечения охраны границ, поэтому империя нанимала на пограничную службу представителей аборигенного населения провинций.

Функции этих крепостей не ограничивались только военной сферой, параллельно они продолжали оставаться торговыми центрами, осуществляя контакт между жителями Римской империи и местными народами. Первые представляли собой Греко-Римскую цивилизацию, а вторые – Азиатскую, поэтому крепости Понтийского лимеса играли роль межцивилизационный фронтира. Местные древнегрузинские и древнеабхазские племена – апсилы, абазги, санны, махелоны, гениохи, зидреты, лазы, саниги и манралы – старались не селиться вблизи крепостей, предпочитая базироваться в горных долинах. Несмотря на это население городов-крепостей было смешанным, что было обусловлено торговой деятельностью. Здесь же находилась купеческая прослойка, игравшая роль посредника между малоазийско-причерноморскими центрами и местным населением, в среде которого пользовались популярностью импортные предметы греческого ремесла.

Территория Колхиды являлась периферией, буферной зоной между северо-восточными римскими провинциями и враждебным внешним миром, постоянно изрыгающим волны разрушительных нашествий. Поэтому Рим возвел на территории Колхиды Понтийский лимес – форпост, который подобно волнорезу разбивал неудержимый натиск волн вражеских нашествий. Помимо этого, была еще другая проблема: под напором вражеских вторжений покорность самой Колхиды римскому владычеству нередко начинала колыхаться как маятник из стороны в сторону. Отсюда другой стороной функционального назначения Понтийского лимеса было укрепление лояльности Колхиды римской власти, через постоянный контроль. Таким образом, охрана Колхиды, как внешней периферии, стала одной из важных задач для Римской империи. С другой стороны, Колхида была для Закавказья единственным окошком в Черное море, которое в свое время активно использовал Митридат. Рим, продолживший его курс на превращение Понтийского моря во внутреннее море, не мог оставить без внимания столь важный край. Отсюда, наряду со всеми выше перечисленными функциями, Понтийский лимес запечатывал это морское окно Закавказья и превращал Черное море во Второе Римское внутреннее море, после Первого Средиземного.

Понтийский лимес составляли основные и вспомогательные крепости. Вспомогательные крепости были небольших масштабов и имели немногочисленный гарнизон – не более 200 солдат. К таким относились Амастрида, Трахея, Тцибила, Тцахар, Гармозика, Апсар, Апсирт, Апсарунт, Дуабзы, Акампсис, Нэсус, Фаша-Фасис и др. Основные крепости являлись ключевыми узлами лимеса, поэтому имели более крупные масштабы и соответственно более многочисленные гарнизоны. К их числу относились Себастополис, Питиунт, Гюэнос, Гудаква, Фазис, Годлик и Мохора (карта 10). Некоторые из них располагалась непосредственно на границе Северного и Южного Кавказа, представляя

собой буфер между двумя мировыми цивилизациями – Греко-Римской и Азиатской. Рассмотрим их обзорно.

Себастополис (совр. Сухуми; от греч. sebastos – священный и polis – город). История данного города уходит своими корнями во времена Великой греческой колонизации, когда в VI в. до н.э. греческие купцы из Милета на территории крупного большого поселения Акуа основали колонию Диоскуриада (Диоскурия), дав ей название в честь братьев Диоскуров – Кастора и Поллукса, участников похода аргонавтов в Колхиду. Вскоре Диоскурия превратилась в крупный торговый центр, обеспечивая местные региональные нужды и транзитную торговлю с народами Северного Кавказа. В V – II вв. до н.э. колония играла значительную политическую и экономическую роль на Западном Кавказе. Об этом пишет древнегреческий историк Страбон: «…Диоскурия служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом, и общим торговым центром для народов, живущих выше её и вблизи; сюда сходятся, говорят, 70 народностей…».

В I в. до н.э. из-за Митридатовых войн и их негативных последствий Диоскурия потеряла своё значение. В 65 г. до н.э. сюда пришли римляне, основав на месте греческой Диоскурии крепость Себастополис, которая стала центром понтийского участка Кавказского лимеса. Считается, что свое название она получила в честь императора Октавиана Августа: титул последнего Augustus по-гречески звучал как Sebastos. Хотя на самом деле данные факты плохо увязываются друг с другом: Октавиан родился в 63 г. до н.э., т.е. после основания города, а свой титул Imperator Caesar Augustus он получил в 27 г. до н.э. Крепостные сооружения Себастополиса сохраняли прочность на протяжении 200 лет, после чего начали разрушаться. Согласно мемуарам Флавия Арриана, бывшего непосредственным руководителем строительных работ, в 137 г. крепость была окружена стенами и рвом, внутри которых располагались казармы,

конюшни, лазарет, оружейные и продовольственные склады. В IV–V вв. в Себастополисе расквартировывалась «первая конная когорта Клавдия».

Археологические раскопки на месте Себастополиса выявили остатки трёх крепостей, сменявших и дополнявших друг друга в II–VI вв. Было обнаружено множество обломков амфорной, столовой и кухонной керамики, светильники, стеклянные бокалы, монеты и другие изделия, изготовленные на месте или привезенные извне. Помимо этого были найдены две эпиграфические надписи: первая (датировка II в.) воздаёт хвалу какому-то чиновнику за его государственные деяния, а на второй выбита надгробная надпись легионера-христианина Ореста, в честь которого была возведена восьмигранная церковь (V–VI вв.). Совсем недавно рядом с нею были раскопаны остатки ещё одной церкви с мозаичным полом. Раскопки показывают, что в городе имелось множество жилых и хозяйственных построек. Наличие трех строительных слоев в крепости свидетельствует о том, что она неоднократно разрушалась, затем снова восстанавливалась.

В VI в. Себастополис стал окраиной Византии, которая активно расширяла зону своего влияния на кавказском побережье Черного моря. При императоре Юстиниане I (527 – 565) он был заново отстроен и пережил новый расцвет. Себастополис «по красоте и величию превратился в самый замечательный город», экономический и культурно-религиозный центр, надежно защищённый крепостными стенами. Таким образом, крепость постепенно трансформировалась сначала в город-крепость, а затем в настоящий полноценный город «с улицами и другими постройками». В 730-х гг. на территорию Абхазии вторглись арабы, разрушившие город до основания. Арабы не смогли утвердиться на абхазской земле, но они завершили римско-византийский период в истории этого города.

Питиунт (совр. Пицунда). Выгодное расположение территории современной Пицунды обусловило раннее начало процесса ее заселения греческими колонистами (IV в. до н.э.). В период с конца II – начало I века до н.э. город входил в Понтийское царство. После окончания Митридатовых войн с конца I в. до н.э. он перешел в руки римлян, построивших на его месте военную крепость основным назначением которой был контроль над Колхидой и черноморским бассейном. Во 2-й пол. III в. во время знаменитой Скифской войны крепость отражает морское нападение готов. В IV–V вв. крепость становится местом расквартировки «Первого счастливого крыла Феодосия» численностью 500 легионеров. С IV в. Питиунт превратился в место ссылки христиан, из которых сформировалась первая христианская община на Кавказе. Таким образом, крепость стала одним из центров христианства в кавказском регионе. Здесь был захоронен Лонгин, младший брат мученика Орентия. Участник исторического Никейского собора (325 г.) епископ Стратофил был представителем христианской общины Питиунта. В 404 г. по дороге в Пицунду скончался архиепископ Константинопольский святой Иоанн Златоуст. Под алтарем Пицундского собора ему была устроена гробница, где хранилась частица мощей святого, оставленная во время перенесения их в Константинополь. В 780-х гг. Питиунт вошёл в Абхазское царство. Позже в XIV – XV вв. здесь находилась генуэзская фактория Пецонда (итал. Pezonda), от названия которой пошло современное название города. Из-за выгодности географического расположения этого места жизнь здесь никогда не затихала, поэтому приход любого нового государства сопровождался новыми городскими строительствами. Проведенные в 1950-х гг. археологические раскопки обнаружили остатки храмов, в т.ч. базилики IV – V вв. с мозаиками пола, крепостных и жилых сооружений, бань.

Гюэнос (совр. Очамчира). В свое время также была греческой торговой колонией, которая после поражения понтийского царя Митридата VI Евпатора превратилась в римскую крепость. Археологические раскопки показывают, что ее центр был размещен на небольшом насыпном холме шириной 50 м. и длиной 70 м. Здесь также видны руины римской бани и др. жилых сооружений, а также оборонительные стены из булыжника.

Гудаква (совр. с. Гудава, Очамчирский район) – римская крепость основанная на месте древнегреческой колонии Зиганис, где было одно из первых христианских епископств. Во II в. это место входило в цепь римских военных укреплений, представляющих Понтийский лимес. Археологические раскопки выявили остатки квадратной крепости-кастеллы с параметрами 120 х 120 м. Здесь располагались постоянные римские гарнизоны. На рубеже IV – V вв. гарнизон крепости составляла Вторая когорта Валента. Вероятно, римские легионеры назвали «Гудаквой» питьевую воду местной реки, отчего пошло соответствующее название крепости. С самого начала она была местом ссылки неугодных римским властям христианских деятелей. На рубеже III – IV вв. здесь был похоронен Кириак – старший брат Орентия-мученика. Впоследствии Гудаква входила в состав Эгрисского (Лазского) царства, бывшего под влиянием Византии. Эгрисское царство стало преемницей древнего Колхидского царства и родоначальницей Абхазии (Имеретии), Мегрелии и Сванетии.

Фазис (совр. Поти). Город, по сведениям Страбона, располагался между рекой Риони, озером Палеостоми и Понтийским (Черным) морем. Фасис, также как и Диоскурия (Себастополис), был основан жителями Милета как торговая колония, представлявшая собой хорошо укрепленное складочное место. Он был самым восточным городом в Понтийском царстве. Фасис, будучи гаванью, являлся также отправной точкой транскавказского торгового пути, идущего от моря по судоходной реке

Фасис к Сурамскому перевалу и далее во внутренние районы Закавказья. Поэтому ее важность была более чем значимой.

В римское время Фасис играл роль северного пограничного рубежа Римской империи: Боспорское царство, расположенное севернее, хотя и находилось в вассальной зависимости от Рима, но было отдельным государством. Поэтому в крепости располагался постоянный гарнизон. Последнее упоминание о нем датируется временами Аммиана Марцеллина (IV в.), также указывается на его численность – 400 отборных солдат. Статус Фасиса в III в. н.э. неизвестен. Однако, Зосим сообщает, что во время Скифской войны готы, получившие боспорские суда, безуспешно пытались взять святилище Фасианской Артемиды. Отсюда видно, что крепость играла роль кордона против морских набегов северных варваров.

Годлик (совр. микрорайон Чемитокуадже, г. Сочи). Крепость функционировала на протяжении длительного времени, которое можно разделить на периоды: византийский и генуэзский. Последние, по мнению Ю.Н. Воронова, датируются V – VIII и XIV – XV вв. Археолог Б.Б. Овчинникова, руководившая Лооской археологической экспедицией на месте данного объекта (1992 – 1993 гг.), датирует их соответственно VII – X и XIV – XV вв. При строительстве использовалась характерная для римско-византийской эпохи традиция кладки – двухпанцирная с внутренней забутовкой. На территории крепости обнаружены фрагменты керамики, в том числе хазарской посуды, что является следствием торговой деятельности на ее территории.

Мохора (совр. микрорайон Мамайка, г. Сочи) – это была римская крепость, которая в I – IV вв. сначала защищала местную торговую факторию, а затем использовалась как рынок. Во времена Османской империи крепость была переименована в Мамай-Кале и использовалась для ведения торговли с местными адыгскими племенами – убыхами. Развалины крепости расположены на выезде из северного района

современного г. Сочи в микрорайоне Мамайка на морском берегу рядом с прибрежным шоссе в сторону Дагомыса. Не случайно, что крайняя крепость кордонной линии располагалась именно в этом месте: Сочинский район всегда играл роль коридора между Северным и Южным Кавказом, поэтому Понтийский лимес заканчивается именно здесь.

В районе Архипо-Осиповки близ побережья имеются развалины римской сигнальной башни. Скорее всего, она позволяла вести наблюдение за береговой полосой и морем от мыса Чуговкопас (Бетта) до мыса Агрия (Небуг), а в ясную погоду – пространство до мыса Кадош (Туапсе). На своих кордонных линиях римляне возводили такие башни на возвышенностях на расстоянии 300 – 1000 м. друг от друга и размещали в них стражу. В случае приближения неприятеля сторожевые должны были световыми или дымовыми сигналами своевременно оповестить римские гарнизоны, которые дислоцировались в крупных лагерях на определенном удалении от пограничной линии.

Позже, римские крепости Понтийского лимеса стали использоваться Византией в качестве стратегического плацдарма своей внешней политики на Востоке. Для этого византийцы реконструировали некоторые крепости, пришедшие в упадок, а в гористой части Абхазии и Колхиды, укрепили ущелья. Так бы образован новый лимес, в состав которого входили абхазские крепости Трахея, Тцибила, Тцахар и др.

В заключение отметим, что следствием наращивания внешней политики Рима на Ближнем Востоке и нагнетания римско-парфянского противостояния стало появление Кавказского лимеса. Он представлял собой кордонную линию римских крепостей от Мелитены до Питиунта (вытянутую с юга на север) и подразделялся на два территориально-функциональных участка – Каппадокийский (южный) и Понтийский (северный). Главной базой римского присутствия на Ближнем Востоке была Каппадокия, занимавшая стратегически важное расположение.

Каппадокийский (южный) участок Кавказского лимеса предназначался для защиты этой провинции, а вместе с ней и всего северо-восточного пограничного сектора Римской империи. Его значимость постоянно возрастала в связи с усложнением обстановки в Армении, которой часто приходилось балансировать между Римом и Парфией, и усиливающимися набегами алан с Северного Кавказа. Понтийский (северный) участок Кавказского лимеса представлял собой линию римских военных укреплений вдоль восточного Причерноморья, предназначенную для обеспечения контроля над Колхидой, ставшей закавказской римской провинцией Лазика, защиты северо-восточных границ империи от угрозы аланских нашествий, а также для запечатывания единственного морского окошка Закавказья и превращения Черного моря во внутреннее Римское море. Другими словами, Понтийская линия стала символом римского присутствия в Закавказье. Таким образом, Кавказский лимес превратился в опору римского присутствия в Малой Азии и Закавказье, а также в стратегический плацдарм внешней политики Рима на Ближнем Востоке.

2.3. Римские легионы на страже Кавказского лимеса

Эскалация римско-парфянского противостояния обусловила рост стратегической значимости Кавказского лимеса, особенно его Каппадокийского участка, и необходимости его укрепления. Теперь, для его усиления римские императоры стали отправлять целые легионы (карта 11). Подробное исследование данного вопроса провел С.М. Перевалов.

Первым легионом, составившим его гарнизон, был XII Громоносный (legio XII Fulminata). Он появился в г. Мелитене (совр. турецкий г. Малатья) в начале 70-х гг. и располагался там вплоть до V в. (карта 12). Лагерь легиона на территории Мелитены до сих пор не найден археологами, поэтому в последнее время поиски ведутся в районе

средневекового города Эски Малатии и расположенного в 7-8 км к югу укрепленного поселения Карамилдана. Однако и здесь раскопки пока еще не дают ответа.

История XII легиона весьма насыщена. Он был сформирован Юлием Цезарем в 58 г. до н.э. для ведения кампании против кельтского племени гельветов на территории современной Швейцарии. В последующие времена он сменил множество названий: Paterna (Старейший), Victrix (Победитель – при Цезаре), Antiqua (Проверенный – при Марке Антонии), Certa Constans (Всегда Надежный – при Марке Аврелии), Galliena (Галлиенов – в честь императора Галлиена). После убийства Цезаря (44 г. до н.э.) командование легионом перешло к Марку Антонию, который повел его в парфянский поход (36 г. до н.э.) для взятия реванша за поражения Марка Красса, опозорившего честь доселе непобедимого римского оружия. Именно тогда он впервые попал на территорию Армении. После поражения Антония в морской битве у мыса Акций (31 г. до н.э.) легион некоторое время базировался в Египте, но к концу правления Октавиана Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) был переведен в Сирию (Рафана). Во время Парфянской войны 58 – 66 гг. XII легион вторично попал в Армению. Будучи в составе войска Люция Цезенния Пета, он потерпел унизительное поражение под Рандеей (зима 62/63 г.) вместе с IV Скифским легионом. Чуть позже главнокомандующий Корбулон вернул его в Сирию «из-за боевой непригодности». Далее легион принял участие в кровавом подавлении Иудейского восстания 66 – 73 гг. н.э., где частично восстановил свою боевую репутацию, а затем присягнул на верность Веспасиану и поддержал его в ходе борьбы за императорский престол. После этого он вместе с XVI Флавиевым легионом был передвинут Титом в Мелитену на границе с недавно аннексированной Коммагеной, ставшей частью Каппадокии, где и оставался вплоть до начала V в.

С XII легионом связано несколько известных эпизодов из истории античного Закавказья. В 75 г. римляне помогали своему вассалу Митридату Иберскому укреплять стены крепости Гармозика, расположенной к югу от Мцхеты. Об этом свидетельствует, обнаруженная в 1867 г., греческая надпись. Е.В. Федорова считает, что «вероятнее всего строили крепость римские войска, стоявшие в Колхиде». Римские гарнизоны в Колхиде, например в крепости Апсаре (70-е гг.), скорее всего, предназначались для охраны морских коммуникаций, а не для экспедиций вглубь страны. Более поздние находки и сообщения свидетельствуют о пребывании в этом регионе отрядов (вексилляций) каппадокийских легионов. В 75 г. в распоряжении легата Каппадокии имелся только XII Громоносный легион, поскольку второй провинциальный легион (XVI Флавиев) в это время все еще оставался в Сирии.

Версия о том, что именно отряд из XII легиона пребывал в центральной части Иберии в 75 г. является наиболее реальной. По поводу причин появления римлян в Иберии среди историков бытуют разные версии. Одни расценивают обновление крепостной стены как следствие военной угрозы со стороны алан Северного Кавказа, дважды (72 и 75 гг.) вторгавшихся в парфянские земли через Каспийский проход в Гиркании (совр. Ленкоранский район Азербайджана). Но, скорее всего, причина заключалась в другом. Рим не желал вступать в открытую конфронтацию с аланами, ибо она слабо пересекалась с римской имперской политикой на Востоке и не сулила никаких выгод, кроме крупных затрат. Поэтому Веспасиан в 75 г. отказался от совместных действий с парфянами против алан. Наиболее вероятной причиной была реализация плана по окружению Армении, вышедшей из-под римского влияния в 66 г. при царе Тиридате Аршакиде, который являлся парфянским ставленником.

При императоре Домициане (81 – 96) один из отрядов XII Громоносного легиона возглавляемый Луцием Юлием Максимом оказался

у г. Беюк-Даш (70 км к югу от совр. Баку). Об этом свидетельствует посвятительная латинская надпись, обнаруженная в 1948 г. Целью этого марш-броска следует считать не стремление Флавиев взять под контроль кавказские проходы (Дарьяльский и Дербентский), а охватить с севера Великую Армению, фактически оказавшуюся в зоне открытого парфянского влияния после компромиссного мирного договора 66 г.

Хорошо известен факт участия отдельных частей XII легиона, вместе с XV Аполлоновым, в военной операции Флавия Арриана против аланов (136 г.). Легион тогда не смог принять участие в полном составе, т.к. скорее всего его легат с остальными воинами действовал в Иудее, где продолжалась Вторая Иудейская война (132—135/6 гг.), или вынужден был оставаться в Мелитене для охраны границ. Численность воинов XII легиона, принявших участие в операции против алан, по мнению историка К. Гилливера составляла 2.000 человек, т.е. меньше половины легиона. Возможно, что эта цифра была еще больше, т.к. данный отряд имел знаменный орел легиона. Сочинение Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» содержит ценные сведения о походных и боевых порядках римских легионов того времени, их вооружении и тактике. Так, например, автор указывает, что легионная пехота делилась на пикейщиков и копьеносцев (ланцеариев), в бою строилась сплошной фалангой из 8 шеренг, широко использовала метательные орудия и оружие.

Латинская надпись, найденная в 1907 г. на месте древнего Валаршапата / Кайнеполя (ныне Эчмиадзин) и датируемая 175 г. или 177 г., предоставила ценные исторические сведения: в период правления императора Марка Аврелия (161 – 180) на указанной территории отрядами из состава XV Аполлонова и XII Громоносного легионов под командованием Тита Аврелия Вера и Помпиллия Макрина велись широкие строительные работы. Причина их здешнего появления крылась в поддержке Римом своего ставленника на армянском престоле царя Сохема

(144 – 161, 164 – 185 гг.), которому приходилось вести борьбу против внутренней оппозиции и внешней в лице парфянского претендента Пакора. Согласно сохранившемуся в словаре Суда сообщению Диона Кассия, легат Каппадокии Стаций Приск штурмовал и разрушил армянскую столицу Арташат, заложив неподалеку от нее новую столицу, которую армянские историки именовали Валаршапатом («Новый город»). После смерти царя Сохема римлянам, скорее всего, пришлось вывести свои войска из Армении.

Помимо Иберии и Армении, в зону оперативных действий XII легиона могло входить черноморское побережье Кавказа. На одном из строительных кирпичей, найденных в Петре (между Апсаром и Фасисом), обнаружено клеймо с надписью VEX.FA, которую В.А. Левкинадзе расшифровывал как Vex(illations legionum XII) F(ulminate et XV) A(pollinaris) – «вексилляция (XII) Г(ромоносного) и (XV) А(поллонова) (легионов)». Но эта точка зрения подвергается сомнению из-за необычного способа обозначения легионов не по номеру, а по одному лишь прозвищу. Предлагалось другая расшифровка: vex(illation) Fa(siana) – «Фасианская вексилляция». Однако и в этом случае присутствуют сомнения, которые Э. Уиллер используется в качестве решительного отрицания.

Таков небогатый набор исторических фактов, освещающих военную деятельность XII легиона в Кавказском регионе. В других случаях остается лишь выстраивать догадки. На целые столетия растянулась борьба Рима с Парфянским царством и его преемником Сасанидским Ираном за влияние на Ближнем Востоке, которая нередко выливалась в открытые войны. Последние имели место в эпоху императора Траяна, Луция Вера, Септимия и Александра Севера, Каракаллы, Гордиана III, Валериана, Диоклетиана и др. Находясь на пути из Малой Азии в Северную Месопотамию, XII легион мог свободно привлекаться для ведения военных действий против Парфии. При этом театр военных действий,

вероятно, мог захватывать территории Армении и других стран Закавказья. Однако точными данными по этому поводу историография пока не располагает.

Как и большинство других легионов, XII Громоносный неоднократно участвовал в гражданских войнах Римской империи. Поддержка Веспасиана в 69 г. принесла ему успех, отказ участвовать в мятеже Авидия Кассия против Марка Аврелия в 175 г. – прозвище Certa Constans. Однако поддержка узурпатора Перценния Нигера в 194 г. обернулась негативными последствиями: его соперник Септимий Север, победив в этой борьбе, отказал легиону в доверии и после завоевания Северной Месопотамии с последующим переносом границы на р. Тигр оставил его на малопрестижной позиции тылового легиона в глубоком резерве.

Монета XII Громоносного легиона

Определенную роль XII легион сыграл в истории раннего христианства. Согласно сообщению Диона Кассия, во время похода Марка Аврелия на квадов (174 г.) его люди сильно страдали от жары и засухи, и только внезапно налетевший ливень спас войско. Христианские авторы (Тертуллиан и др.) приписали это «чудо» молитвам истинных христиан, служивших в легионе, и эта легенда в дальнейшем широко использовалась в христианской пропаганде. Мощи «сорока мучеников», служивших в XII легионе и пострадавших от репрессий, по словам Прокопия Кесарийского,

помогли императору Юстиниану I избавиться от мучительной коленной боли.

Наряду с Мелитеной, другой базой римского легиона в Каппадокии был г. Сатала, расположенный в Малой Армении, которая вошла в состав выше упомянутой провинции после аннексии Армянского царства зимой 71 / 72 г. (карта 12). Первым легионом, расквартированным на его территории, был XVI Флавиев Стойкий легион (Legio XVI Flavia Firma). Недавние археологические исследования в Сатале (современный г. Садак в Турции), осуществляемые швейцарским Институтом военной истории античности (г. Базель), выявили немало интересных материалов. В эпоху античности Сатала располагалась на перекрестке важнейших дорог, проходящих в меридианных и широтных направлениях. Также город являлся опорной базой Рима для ведения военных операций против Армении и Парфии.

XVI Флавиев легион был создан императором Веспасианом в 70 г. вместо XVI легиона Gallica, расквартированного в Нижней Германии для защиты рейнской границы. Большинство солдат легиона принимали участие в гражданской войне 69 г. на стороне Вителлия против Веспасиана, тогда как остальные опозорили свою честь изменой и трусостью во время восстания германского племени батавов, живших около устья Рейна (совр. Голландия). Веспасиан исключил легион из армейских списков в ходе военной реорганизации 70 г. и сформировал взамен него новый легион под тем же номером, который сразу же перебросил подальше от родных мест на Восток в Сирию. Здесь он находился до 75 г., а затем, вероятно – в 76 г., был переведен в Каппадокию, в г. Саталу. Легион участвовал в знаменитой Парфянской войне Траяна (114 – 117), после чего новый император Адриан (117 – 138) перевел его в Сирию, видимо в Самосату. В конце IV он стоял в Суре на среднем Евфрате, вниз по течению от Самосаты. В дальнейшем XVI

легион неоднократно принимал участие в военных кампаниях против Парфии (162 – 166, 194, 196 – 197, 217, 230 гг.). О его участии в кавказских делах практически ничего не известно.

Эмблемой легиона был образ льва. При Траяне XVI легион носил прозвище – Flavia Firma (Флавиев Стойкий), а при Антонине Пие – Flavia Fidelis (Флавиев Верный).

После XVI Флавиева в Сатале был размещен XV Аполлонов легион – Legio XV Apollinaris Pia Fidelis (Преданный и Верный). О нем сохранилось гораздо больше сведений. Занимая исключительно важную стратегическую позицию, приближенную ко всем государствам Закавказья – Армении, Иберии, Албании, легион стал главной силой Римской империи в Кавказском регионе.

Легион был сформирован Октавианом Августом в 41 / 40 г. до н.э. Свое прозвище – Аполлонов – он получил честь бога Аполлона, одного из наиболее почитаемых Октавианом. XV легион был не первым, кто носил данный порядковый номер: до этого пятнадцатые легионы имелись в армии Гая Мария (90 – 89 гг. до н.э.) и Юлия Цезаря (53 – 48 гг.). Э. Уилер выделяет четыре главных периода его истории: иллирийско-паннонский (31 г. до н.э. – 63 г. н.э.), первый восточный (63 – 71), второй паннонский (71 – ок. 106) и второй восточный (ок. 106 – 395); в составе последнего выделяются два подпериода – египетский (ок. 106 – 117) и каппадокийский (117 – 395). Нас, прежде всего, интересуют два восточных периода, а в особенности последний.

В 62 / 63 г. в начале своего боевого пути XV легион впервые был отправлен в Армению из Карнунта на Дунае для участия в Парфянской войне под командованием Корбулона. Возможно тогда же он побывал и в Сатале. В 66 – 71 гг. под командованием сына Веспасиана Тита он сыграл видную роль в подавлении Иудейского восстания, приняв участие в знаменитой осаде Иотопаты, обороной которой руководил Иосиф Флавий,

и в кровавой осаде Иерусалима. Затем он вернулся в Карнунт, где и оставался до конца Дакийских войн Траяна (до 106 г.).

К этому периоду археологи относят одну греческую и две латинские надписи в северной Бактрии (совр. Узбекистан), в одной из которых, – PARAV(IT)|G.REX|AP.LG, – расшифровывается имя солдата XV Аполлонова легиона «Гая Рекса», попавшего в парфянский плен в ходе боевых действий в Армении в 60-е гг. Несколько иную расшифровку и датировку (115-117 гг.) данной надписи дает археолог А.С. Балахванцев. Однако сама надпись, возможно являющаяся поздней имитацией, вызывает серьезные сомнения в аутентичности у специалистов.

Существуют противоречивые косвенные свидетельства о месте нахождения XV легиона в период 106 – 130 гг. Наверняка он принимал участие в парфянском походе Траяна (114 – 117) и некоторое время пребывал в Египте. Ключевой вопрос: когда же легион был переведен в Сагалу? Историк XV легиона Э. Уиллер считает, что это произошло не раньше 117 г., возможно – в 120-е гг. при императоре Адриане.

В 136 г. легион в полном составе во главе с легатом Валентом отражал грандиозное нашествие аланов на Каппадокию, описанное в сочинениях многих античных историков. В плане предстоящей битве с аланами, который готовил легат Флавий Арриан, XV легиону отводилась решающая роль – его части размещались в центре и на правом фланге боевого строя римлян. Детали, описанные Аррианом, позволяют восстановить основные черты вооружения и тактики римской провинциальной армии II в. Полем предполагаемой битвы, скорее всего, была избрана местность вблизи Сагалы. Сражение не состоялось, однако кампания закончилась изгнанием алан и их преследованием до Дарьяльского ущелья и иберо-албанской границы. В этом походе Арриан почти наверняка использовал если не весь XV легион, то его вексилляцию.

Эпоха Антонинов (138 – 192) отмечена активными действиями легиона в Армении и Колхиде. Согласно «Истории августов» (Historia Augusta) император Антонин Пий (138 – 161) «часто обуздывал волнующихся аланов». Если, по примеру Ф. Карата Томеса, соотнести указание «Истории августов» с упоминанием в армазской билингве ряда побед Ксефарнуга Иберского, то можно сделать заключение о совместных военных действиях римлян и иберов против алан на Кавказе, в которых XV легион не мог не участвовать.

Факт пребывания солдат XV легиона в Кайнеполе (арм. Валаршапат) при Марке Аврелии (161 – 180) и его сыне Коммоде (180 – 192) подтверждают, как минимум, три надписи. Одна, латинская, датируется 175 – 177 гг. и содержит текст с названиями вексилляций XV Аполлонова и XII Громоносного легионов под командованием трибуна Попиллия Макрина и центуриона Тита Аврелия Вера. В тексте другой латинской надписи, датируемой 184 / 185 гг., упомянута только вексилляция XV Аполлонова легиона под командованием военного трибуна Лициния Сатурнина и центуриона Аврелия Лабраза. Третья, греческая надпись, представляет собой недатированную, но близкую к данной эпохе эпитафию трибуна («хилиарха») XV легиона Публия Элия Валента и его жены. Стоит также отметить греческую надпись посвящения «Матери Земле», найденную у сел. Арени (Армения, к югу от оз. Севан), которую Ю.Г. Виноградов с большой долей вероятности приписывал Эмилию Валенту – воину одного из каппадокийских легионов (XII Громоносного или XV Аполлонова) и вероятному участнику кампаний 163 или 168 гг.

Кроме контроля за Арменией, на XV легион возлагалась задача охраны черноморского побережья Колхиды. Его подразделения были размещены в опорных пунктах побережья. Одним из них был Трапезунт – в I в. н.э. основная база римского флота в Черном море. Во II в. военно-морская база периодически переносилась в другие города – Кизик,

Амастриду, Синопу а сам город, по-видимому, не имел постоянного гарнизона, поэтому о нем нет никаких упоминаний у Арриана. Отрывочные надписи сообщают о пребывании в Трапезунте вексилляции XII и XV легионов, которые и составляли городской гарнизон. В 258 г. во время Скифской войны варвары-бораны, совершив морское нападение, захватили Трапезунт и истребили его гарнизон. Это побудило Диоклетиана разместить в городе целый легион – I Pontica.

Монета XV Аполлонова легиона

Крайним северным пунктом римского господства на черноморском побережье Кавказа при Антонине Пие (138 – 161) стал Питиунт. Здесь были найдены останки римского форта и кирпичные клейма LEG, [LE]g XV, LEG(io) XV (Apollinaris) с номером XV Аполлонова легиона, говорящие о пребывании здесь римской вексилляции вплоть до второй половины III в. н.э. Оборона Питиунта от морского нашествия северных варваров (готов и боранов) в 258 г. явилась последней битвой, где вероятно участвовал XV легион. Район Саталы еще неоднократно становился ареной военных схваток, но XV Аполлонов легион в источниках уже не фигурирует.

Во времена Диоклетиана (284 – 305) система обороны припонтийского региона была реорганизована с учетом усилившегося натиска с севера, когда бораны и готы со Боспорского плацдарма

совершали морские набеги на прибрежные города Римской империи (грандиозная Скифская война). Город Трапезунт, некогда бывший базой римского флота, стал базой для нового I Понтийского легиона, который заменил уничтоженный боранами городской гарнизон. Самая ранняя надпись датирована маем 288 г., где легион, упомянут как Leg(io) pr(ima) pont(ica) Diocl(etiani) et Maximini. Новый легион стал опорой Понтийской оборонительной линии, связывавшей крепости на побережье и укрепленную дорогу от Трапезунта до Саталы. Точные сведения о каких-либо действиях легиона на Кавказе отсутствуют.

История римских легионов на Кавказе не ограничивается историей постоянных легионов Кавказского лимеса. В разное время и с разными целями, в основном в ходе крупных войн, в регион прибывали легионы из других провинций и областей. Корнелий Тацит сообщает об участии в армянских кампаниях Корбулона и Пета (62 – 63 гг.), помимо XII Громоносного и XV Аполлонова, также III Галльского, V Македонского, VI Железного, X Фретензис легионов. В надписях, обнаруженных в Армении, содержатся данные о нахождении на ее территории в 64 г. III Галльского легиона (г. Рандея), в 114 – 117 гг. – IV Скифского и I Италийского легионов (г. Арташат). Остается не до конца разгаданной надпись надпись Юлия Мансвета, солдата I легиона Минервы, бывшего «у горы Кавказ, при реке Алуте (Alutum flumen)». Если здесь имеется в виду Кавказ, то каким образом он связан с притоком Дуная Алутой? Возможность трактовки «Алуты» как птолемеевой Алонты (р. Терек) остается открытой. Не очень ясна связь двух «Армянских» – I и II Armeniaca – псевдокомитатских легионов, указанных в Notitia Dignitatum, с населением Малой или Великой Армении; надпись из Саталы, где упоминается legio II Armeniaca, признается спорной. Есть желающие видеть в цифре X на кирпичных клеймах из Апсара номер X Fretensis легиона, находившегося в Палестине и выславшего в Апсар свой

инженерный отряд. Помимо этого на Кавказской линии размещалось большое количество гарнизонов и когорт охранения, например, таких как «Первое счастливое крыло Феодосия», «первая конная когорта Клавдия» и др.

Из всех восточных римских провинций Каппадокия играла особую стратегическую роль, будучи главным военным плацдармом против Парфянского Ирана. Поэтому на ее территории было размещено несколько легионов. Ни одна другая восточная провинция не удостаивалась такой чести. Стоянкой этих легионов были ключевые узлы Кавказского лимеса, а точнее его Каппадокийского участка: Мелитена и Сатала. За весь период римско-парфянских войн на постоянной страже Каппадокийской линии в разное время стояли три легиона: XII Громоносный легион (Мелитена), XVI Флавиев легион (Сатала) и XV Аполлонов легион (Сатала). Во время военных действий они, вместе с другими легионами, активно участвовали в наступательных операциях на территории Армении, Месопотамии, Парфии, Сирии и Иудеи, поэтому основу их послужного списка составляют римско-парфянские и Иудейские войны, а в мирное время – охраняли северо-восточные границы Римской империи.

2.4. Народы Северного Кавказа в имперских играх на Ближнем Востоке.

В эпоху античности Северный Кавказ, подобно вулкану извергающему потоки лавы, выплескивал на историческое пространство орды воинственных народов – сарматов и аланов, – наводивших ужас на соседние государства и державших в напряжении даже могучую Римскую империю. Линия противостояния проходила по северным и северо-восточным границам империи. Долгое время сарматы были олицетворением северной угрозы для римского пограничья. Сарматами

обобщенно называли кочевые скотоводческие племена ираноязычного происхождения, населявшие степные районы от Южного Урала и Западного Казахстана до Дуная в период с IV в. до н.э. – IV в. н.э. По сообщению Геродота, сарматы произошли от амазонок, вышедших замуж за скифских юношей.

В V – IV вв. до н.э. сарматы мирно сосуществовали со Скифией, являвшейся их западным соседом. Однако, в III в. до н.э. мирные отношения сменились войной: сарматы начали крупномасштабное вторжение в Скифию. Успеху последнего способствовало стечение внешних и внутренних факторов – Скифское царство ослабло изнутри, а агрессивная воинственность молодых сарматских союзов сильно возросла. Скифия оказалось в тисках: с востока вторглись сарматы, а с запада – фракийцы, возглавляемые царем Лисимахом (полководец Александра Македонского). В итоге неудачных войн скифское государство понесло значительные территориальные потери и разорение хозяйства. Сарматские племена, в ходе систематических набегов и постепенного захвата скифских земель, массово переселились в Европейскую Скифию – в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ.

После покорения Скифии сарматы приобрели славу одного из могущественных народов древнего мира. Вся Восточная Европа вместе с Кавказом стала называться Сарматией. Установив своё господство в европейских степях, сарматы стали налаживать мирное сотрудничество с земледельческими народами, оказывать покровительство международной торговле и греческим городам Причерноморья. Сарматские племенные союзы заставили считаться с собой ближних и дальних соседей от Китая до Римской империи. В связи с этим, начиная со II в. до н.э. сарматы постоянно фигурируют на страницах трудов греческих и римских авторов. По сведениям Страбона в составе сарматов выделялось несколько крупных племен: языги, роксоланы, аорсы, сираки и аланы.

Роксаланы и языги были западными сарматскими племенами и занимали степи Северного Причерноморья. Около 125 г. до н.э. они создали мощную федерацию с целью противостояния давлению восточных сарматов. Федерация представляла собой типичное для кочевников раннее государство, возглавляемое племенем царских сарматов, но, будучи непрочным изнутри, оно распалась на два самостоятельных союза (сер. I в. до н.э.). Роксоланы кочевали в степях между Доном и Днепром, а языги – к западу от них, между Днепром и Дунаем.

В 1-й пол. I в. н.э. начался процесс, положивший начало длительному военному противостоянию между Римом и западными сарматами: языги стали переселяться в междуречье Дуная и Тисы (современная Венгрия), а вслед за ними к римским границам подошли роксоланы, большинство которых расселилось в нижнем течении Дуная (современная Румыния). В итоге у Римской империи появились беспокойные соседи, которые выступали ее союзниками и противниками, не упуская случая вмешаться в междоусобную борьбу внутри империи. Сарматы рассматривали Рим как источник богатой добычи, которую можно было приобрести разными путями: грабительские набеги, выплаты дани и военное наемничество. Римский поэт Овидий (43 до н.э. – 18 н.э.) оставил описание сарматских набегов: «Враг, сильный конем и далеко летящий стрелой, широко опустошает соседнюю землю. Одни из жителей разбегаются, и с покинутых без охраны полей разграбляются необерегаемые богатства… Часть жителей уводится в плен, тщетно оглядываясь на деревни и свои жилища, а часть гибнет жалкой смертью, пронзенная стрелами».

В период со 2-й пол. I в. до начала II в. языги и роксоланы добились от Рима ежегодных выплат в обмен на участие в обороне римских границ. После прекращения выплат, роксоланы совместно с языгами в 117 г. вторглись в дунайские провинции Рима, что положило начало двухлетней

войне. В итоге римляне вынуждены были заключить мирный договор с роксоланским царем Распараганом, по которому они должны были возобновить выплаты сарматам.

Языги и роксоланы часто выступали в тесном союзе и формально сохраняли единую верховную власть. Поэтому римляне решили разрушить этот союз, создав буферную зону между сарматскими племенами: завоевав фракийцев, живших между языгами и роксоланами, римляне попытались разрушить их связи и запретить общение между ними. В ответ на это сарматы начали новую войну.

Наиболее упорной являлась римско-сарматская война в 160-х – 170-х гг., которая истощила силы обеих сторон. Среди сарматов произошел раскол на две партии – сторонников и противников продолжения войны с Римом. В итоге, победили сторонники мира, взяв под стражу лидера сторонников войны – царя Банадаспа. В 179 г. римский император Марк Аврелий и сарматский царь Зантик заключили мирный договор, по которому языги получили право проходить к роксоланам через римские земли, но взамен обязались не плавать на судах по Дунаю и не поселяться вблизи границы. Впоследствии и это ограничение было отменено и установлены дни, когда сарматы могли переходить на римский берег Дуная для торговли. В свою очередь языги вернули Риму 100.000 пленных. Наряду с этим в римскую армию был принят на службу 8.000-ый отряд языгской конницы, часть которого была отправлена в Британию. По версии Жоржа Дюмезиля, именно эти сарматы стали источником кельтских мифов о короле Артуре и рыцарях круглого стола.

Впоследствии северная граница Римской империи неоднократно подвергалась нападениям западных сарматов. Римско-сарматские отношения происходили по устоявшейся схеме: мир сменялся войной, за которой вновь следовал новый союз. Пользуясь своей военной славой, сарматы продолжали поступать на службу в римскую армию и к

германским королям. Позже отдельные группы западных сарматов стали расселяться в римских провинциях, на территории современной Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Франции, Италии и Великобритании.

Но наиболее активными и напряженными были отношения Рима с восточными сарматами – аорсами, сираками и аланами. Во II в. до н.э. они проживали на территории Западного Казахстана, а после упадка Скифии и переселения западных сарматов в Северное Причерноморье, они заняли пространства между Азовским и Каспийским морями, вплоть до Кавказского хребта на юге. Сираки заселили приазовские степи и северокавказскую равнину к северу от Кубани. Предгорные и равнинные районы Центрального Предкавказья с начала новой эры принадлежали аорсам, вытеснившим сираков. Заволжские кочевья аорсов доходили до Южного Приуралья и степей Средней Азии.

Сираки, отличавшиеся более высоким уровнем общественного развития, подчинили на Северо-Западном Кавказе меотов-земледельцев и создали своё государство. Одной из резиденций сиракских царей был город Успа, находившийся около восточного побережья Азовского моря. Аорсы господствовали над западным и северным побережьем Каспийского моря и контролировали торговые пути, шедшие через Кавказ и Среднюю Азию. Их могущество и богатство было обусловлено участием в международной торговле. Китайцы страну аорсов называли «Янтсай» – через нее шел путь, соединявший Китай и Среднюю Азию с Восточной Европой и морской торговлей по Черному и Средиземному морям. Данный путь огибал Каспийское море с севера. Второй торговый путь проходил по западному берегу Каспийского моря через Дербентский проход. По нему аорсы вели верблюжьи караваны с индийскими и персидскими товарами, полученными от армянских и мидийских купцов. Второй путь, который называли Сарматской дорогой, проходил по долинам Терека и Арагвы. Третий путь в Закавказье пролегал по черноморскому побережью Кавказа.

Боспорское царство стало трамплином, выбросившим восточных сарматов на арену международных отношений. Во время, описанных выше Митридатовых войн (89-84, 83-81, 74-63 гг. до н.э.) понтийский царь Митридат VI Евпатор, находясь в Боспоре, попытался привлечь сарматов для войны с Римом, но безуспешно. Чуть позже в сер. I в. до н.э. боспорский царь Фарнак II, сын Митридата, привлекал их военные силы для борьбы против Юлия Цезаря.

Спустя сто лет (сер. I в. н.э.), разгоревшаяся в Боспорском царстве борьба за престол между Митридатом VIII и его братом Котисом вновь породила потребность в военных услугах сарматов. Сираки поддержали боспорского царя Митридата VIII, а его брат Котис заручился поддержкой римлян и аорсов. В итоге победу одержал Котис: объединенные силы римлян, аорсов и боспорской оппозиции захватили столицу сираков г. Успу, а их царя Зорсина заставили сдаться. Лишившийся союзников Митридат вскоре прекратил сопротивление. Опасаясь сдаваться в плен римлянам, он сдался царю аорсов Евнону. Эти события были описаны римским историком Корнелием Тацитом.

Постепенно среди возглавляемых аорсами восточных сарматов стали доминировать аланы, отличавшиеся особой воинственностью. Начиная с сер. I в. н.э. они постоянно фигурируют в произведениях античных авторов, которые акцентируют на них внимание, характеризуя их как «неукротимых», «храбрых» и «вечно воинственных». По сообщению Аммиана Марцеллина, аланы в ходе постоянных войн изнурили соседние сарматские племена и подчинили их своей власти, распространив на них свой этноним. Поэтому со страниц античных источников исчезли названия других сарматских племен, а территория арало-каспийских степей, некогда бывших владениями аорсов, стала называться Аланией (карта 13).

Инерция внутренних процессов бурлящих в аланском обществе трансформировалась в высокую пассионарную активность аланского

воинства, которой уже было недостаточно границ Северного Кавказа и необходимы были каналы выхода наружу. Поэтому накопившаяся энергетическая масса, подобно цунами, выплеснулась в Закавказье и Переднюю Азию через Дарьяльский и Дербентский проходы. Началась череда бесконечных аланских набегов на Кавказскую Албанию, Иберию, Армению, Парфию, Атропатену (северо-западный Иран) и Каппадокию. Вскоре аланы вовлекли в свои набеги всех северокавказских горцев, что превратило их налеты в массовые нашествия, подобные потопу. Аланы стали настоящим бичом Закавказья. Параллельно Закавказье попадает в сферу римской экспансии, что приводит к столкновению римлян с аланами, растянувшемуся на несколько веков. Рим не ставил задачи открытого завоевания Закавказья и Передней Азии, но интересы обеспечения безопасности восточных и особенно северо-восточных границ делали необходимым римское вмешательство в переднеазиатские дела.

Первые столкновения римлян с аланами произошли во время похода Гнея Помпея в Закавказье (65 г. до н.э.) в ходе Митридатовых войн, т.к. его маршрут пролегал рядом с Дарьяльским ущельем. Согласно данным Валерия Флакка, аланы в этот период граничили с гениохами (Колхида) и во главе их стоял вождь Анавсий.

Спустя сто лет (35 г. н.э.), правители Иберии вовлеки алан в иберо-парфянскую войну, вынудив их вторгнуться в Закавказье. Театр военных действий был на территории Парфии и Армении, которую Рим желал вывести из-под влияния парфян руками иберов. В ходе основных сражений парфяне были разбиты. Но у этой победы была и обратная сторона. Во время похода аланы познакомились со сказочными богатствами стран, лежащих по ту сторону Кавказского хребта, которые, как магнит, притягивали их неудержимой силой на протяжении столетий. Тем самым, был запущен процесс бесконечных аланских набегов в Закавказье и

Переднюю Азию. Рим получил в Закавказье нового серьезного соперника – алан, ставших вскоре грозой северо-восточных римских границ.

В 62 г., после военного конфликта, между римлянами и армянами был заключен мирный договор, по которому Тиридат I получал армянский престол, но в качестве римского вассала, и должен был лично явиться в Рим для получения царской диадемы из рук императора Нерона. В 66 г. он был торжественно коронован Нероном в Большом цирке. В качестве подарка Тиридат получил от Нерона мастеров, которые восстановили армянскую столицу Арташат, ставшую называться Неронией. Некоторые источники утверждают, что Тиридат, предчувствуя угрозу аланских нашествий, обращался к Нерону за военной поддержкой. Последний ответил согласием и начал приготовления к большому походу против алан, но внезапная смерть императора сорвала это мероприятие.

В 72 г. аланы совершили грандиозное нашествие на Армению, которое некоторые историки считают точкой отсчета длинной череды аланских набегов в Закавказье. Их призвали картлийские цари Азарк и Армазел, враждовавшие с Армянским царством. Наряду с аланами в походе приняли участие и многие другие северокавказские горцы: зихи (предки адыгов), дурдзуки (предки вайнахов), леки (предки дагестанцев). Впоследствии аланы неоднократно привлекали их в свои походы, поэтому Нартский эпос, отражающий дальние походы на Ближний Восток, стал общим для всех народов Северного Кавказа. Объединенная армада, пройдя через Дарьял, неожиданно вторглась в Армению и стала разорять ее территорию, что было отмечено Иосифом Флавием: «Стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну… и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи». В ответ армянский военачальник Сумбат Бивритиан, сразу же после войсковых сборов, выступает навстречу аланам. Сначала он пытается вести с ними переговоры, предлагая им оставить себе добычу (золото и серебро, скот,

ткани), но вернуть пленных. Аланы отвергают его предложения, после чего следует поединок между Сумбатом и аланским полководцев Базуком, описанный грузинским историком Леонти Мровели: «Сумбат облачился в доспехи, воссел на коня своего и прошелся перед готовыми к бою рядами. Навстречу выступил Базук, и с громкими крикам столкнулись. Сумбат поразил копьем по чреслам, пронзил его насквозь, сорвал с седла и грянул оземь». Аналогичная судьба постигает второго аланского вождя Анбазука, которого Сумбат пронзает копьем. После этого следует битва между армянским и алано-кавказским войском, где вторые терпят полное поражение. Далее победители преследуют разбитых алан, истребляя их в большом количестве. Затем армяне вторгаются в Картлийской царство и разоряют его в отместку за аланское нашествие, инициированное его царями. Масштабы и эффект аланского нашествия были настолько велики, что даже парфянский царь Валарш, сильно опасаясь набегов алан на Парфию, вынужден был обратиться к римскому императору Веспасиану за военной помощью. Последний момент был зафиксирован Светонием Транквиллом.

В следующем году (73 г.) произошло новое вторжение алан в Армению. Внезапность нападения сыграла свою роль и армянское войско, возглавляемое лично царем Тиридатом I, потерпело тяжелое поражение. При этом, по свидетельству Иосифа Флавия, сам Тиридат чуть не попал в плен: аланский воин накинул ему на шею аркан, однако царь сумел перерубить его мечом.

Вскоре разгорелась новая армяно-иберийская война. Армянские войска взяли инициативу в свои руки и первыми вторглись на территорию Иберии. Картлийцы (иберийцы) вынуждены были перейти к обороне: они укрепили свои крепости и города, разместив в их стенах главные силы своего войска вместе с призванными аланами. Армяне дошли до Мцхеты и окружили ее. Осада длилась пять месяцев, после чего картлийцы и аланы

вынуждены были заключить мирное соглашение, основным условием которого была вассальная зависимость Иберии от Армении.

Однако вскоре резко изменилась внешнеполитическая обстановка. Усиление военных действий со стороны Рима и Ирана против Армении, заставили бросить все свои силы на защиту западных и восточных границ, оголив северную границу с Иберией. Последняя не упустила возможности воспользоваться столь благоприятной ситуацией и, аннулировав мирный договор, стала постоянно нападать вместе с аланами на армянские земли. Высланное против них войско армян было разбито, а армянский царевич Зарена был пленен картлийцами и заточен в крепость Дариалан. Только через три года армяне смогли предпринять ответный карательный поход в Иберию и возвратить своего царевича. В итоге между армянами и иберами был заключен мир, положивший начало дружественным отношениям между ними.

В 1-й пол. II в. произошло усиление Иберии, благодаря царю Фарсману II, который значительно расширил границы своего государства. Он был постоянным союзником Римской империи. Фарсман лично приезжал в Рим для приема у императора Антонина Пия, который позволил ему совершить жертвоприношение в храме Капитолии и распорядился поставить там его конную статую. Союз с Римом позволил царю проводить независимую политику, которая привела к расширению границ иберийского государства. Император Антонин Пий признал новые границы Картлийского царства, таким образом, юридически закрепив увеличение его владений. Территориальная экспансия Иберии столкнулась с парфянскими интересами, что вылилось в военный конфликт. Согласно Диону Кассию, Фарсман II призвал на помощь алан. Но царь не сумел удержать их в рамках и их приход в 135 г. вылился в грандиозное нашествие на Албанию, Армению и Мидию. Однако парфянский царь Валарш (Валагез) смог откупиться от алан и перенаправить их агрессию в противоположную сторону – против своего заклятого противника Римской

империи. Аланы вторглись в Каппадокию, северо-восточную римскую провинцию, и столкнулись с легионами здешнего наместника Флавия Арриана. Он тщательно готовился к намечавшейся битве, но она не состоялась, т.к. нагруженные богатой добычей аланы решили не рисковать и отступили восвояси. Данные приготовления Флавий Арриан подробно описал в своем знаменитом трактате «Диспозиция против алан», где рассмотрел тактику алан и способы противодействия ей.

Чуть позже аланы снова предприняли ряд самостоятельных набегов на Армению, но своевременное военное вмешательство императора Антонина Пия позволило их отразить. Аланские набеги на армянские земли не прекратились после смерти Антонина Пия. Так, армянский историк Мовсес Хоренаци зафиксировал совершенный в 213 г. крупный набег алан и северокавказских горцев на Армению.

В III и IV вв. аланы продолжали систематические набеги в Закавказье и неоднократно вторгались в азиатские провинции Римской империи. В сер. III в. отношения между картлийцами и аланами испортились. Впервые за 250 лет союзники стали врагами. Аланы, желая достичь внезапности, вторглись в Иберию через Зекарский, а не Дарьяльский, перевал и двинулись к городу Мцхета. Иберийское войско возглавляемое царем Амазаспом выступило навстречу аланам. После поединка Амазаспа с вражеским вождем развернулось крупное сражение, в ходе которого аланы были разгромлены, а их царь убит. На следующий год картлийцы вместе с армянами предприняли карательный поход в Аланию, разорив многие селения и захватив множество пленных. В начале IV в. аланы снова выступают на стороне картлийцев и армян против Ирана. При этом, когда иранское войско вторгается в Закавказье и сопротивление становится бессмысленным, иберийские правители скрываются на территории Алании и ведут там военные приготовления для реванша.

В период с I в. до н.э. – III в. н.э. Закавказье превратилось в арену постоянных и ожесточенных столкновений Рима с Парфянским, а затем

Сасанидским Ираном. С одной стороны Парфия препятствовала проникновению Рима на Восток, а Рим сдерживал завоевание парфянами всей Западной Азии, а вместе с ней и всего Ближнего Востока. В этой ситуации Северный Кавказ, с его колоссальным воинственным потенциалом, не мог стоять в стороне без действия. Нужно было только открыть шлюзы и выпустить свирепое аланское воинство на просторы Ближнего Востока. Это и было сделано иберийскими (картлийскими) царями, открывшими шлюз Дарьяльского ущелья и выпустившими алан на международную арену. Таким образом, был запущен «маховик» аланских набегов, опустошавших Армению, Мидию, Месопотамию и Каппадокию. Для алан Закавказье превратилось в надежный плацдарм для вторжений в богатые страны Передней Азии, сулившие огромную добычу. Со временем аланы затянули в свои походы все северокавказские народы (зихов – предков черкесов, дурдзуков – предков вайнахов, леков – предков дагестанцев), что превратило их набеги в настоящие нашествия. Аланы стали новым серьезным участником имперских игр на Ближнем Востоке, нередко угрожавшим мировым державам. Аланы превратились в грозных противников мировых держав (Парфянского царства и Римской империи) и заняли видное место в политической жизни Ближнего Востока.

При этом правители Иберии искусно использовали алан в своей внешней политике, направляя их набеги на Армению, Парфию и владения Рима, или даже просто манипулируя угрозой их вторжения в дипломатических играх. Картлийские цари сконструировали высокоэффективное средство внешнеполитической борьбы, представлявшее собой органичное сочетание искусной игры на противоречиях сверхдержав (Рима и Ирана) и аланских набегов, которое позволило им не только сохранить суверенную государственность Иберии, но и усилить ее мощь. Проще говоря, аланы являлись веским фактором сохранения и укрепления иберийской государственности.

Глава 3. Военная сторона восточной политики Рима

3.1. Военное искусство римлян

Существование любой державы немыслимо без вооруженных сил, которые являются ее фундаментом и главнейшим атрибутом. Нередко даже в массовом сознании образ какой-либо империи ассоциируется в первую очередь с ее армией. Однако не только империи имеют армии, любое государства, будь то малое, большое или даже нейтральное обязано иметь армию, ибо без нее оно не сможет исполнить свое главное назначение – обеспечение внешней и внутренней безопасности нации. Армия это не только один из основных инструментов государства в деле реализации своих функций, это еще обратная сторона народа, показатель его творческого потенциала и культурных достижений. Если речь идет о временах античности и средневековья, то здесь армия являлась обратной стороной духовного облика народа, в среде которого она формировалась.

Легион это символ римского военного искусства, да и всей Римской цивилизации. Военное дело Рима чрезвычайно многогранно и пространственно. Военные достижения римлян, а точнее принципы их военной организации, стали классическими для армий всех стран Новой Европы, а затем и для всего цивилизованного мира. Поэтому военные достижения Рима – это великое достояние истории.

Сначала необходимо рассмотреть систему комплектования римской армии. В царскую эпоху римская армия представляла собой народное ополчение (милицию), которое собиралось на время ведения войны и по ее окончании распускалось. Военная служба была обязанностью каждого римского гражданина. Призывной возраст составлял от 17 до 45 лет. Во время войны римляне в возрасте 45 – 60 лет призывались для несения гарнизонной службы. Освобождались от службы только лица, принявшие участие в 20 военных походах в рядах пехоты или в 10 военных походах в рядах конницы. Неимущие граждане сначала не призывались в армию, но

позже они добились права служить в легкой пехоте. Сигналом к началу мобилизации служил поднятый на Капитолии красный флаг, после чего все военнообязанные граждане собирались на Марсовом поле. Уклонисты подвергались жестокому наказанию, вплоть до продажи в рабство.

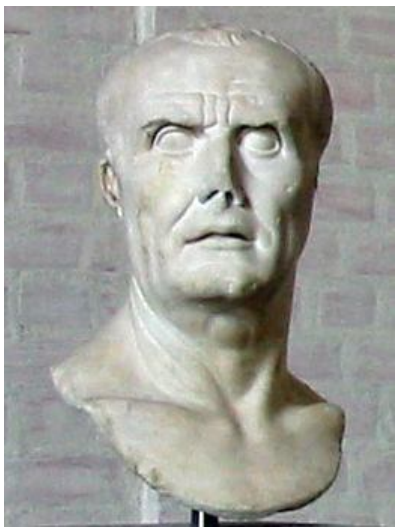
Изначально для римской армии были установлены четкие мобилизационные разнарядки: 40 центурий (сотен) гоплитов вооруженных по греческому образцу, 10 центурий копейщиков со средним вооружением италийского образца (копье, меч, шлем, поножи и щит-скутум), 10 центурий легковооруженных копейщиков (копье, меч, шлем и скутум), 10 центурий застрельщиков (копье, дротик и скутум) и 15 центурий пращников.

Одним из основных принципов военного ополчения было самообеспечение воинов – снаряжение приобреталось за собственный счет. Для упорядочивания этого вопроса римский царь Сервий Туллий (VI в. до н.э.) ввел имущественный ценз и возрастное деление призывников. «Юниоры» (от 18 до 46 лет) служили в рядах полевой армии и непосредственно участвовали в сражениях, а «сениоры» (старше 46 лет) находились в резервах и гарнизонах. По имущественному цензу все население Рима было разделено на пять разрядов, которые должны были выставлять определенное количество воинов, снаряженных соответственно своему имущественному достатку. Наиболее многочисленные и хорошо экипированные воинские отряды выставляли зажиточные слои римского общества. Проще говоря, военная служба была привилегией римской знати. Самый богатый I разряд (состояние более 100.000 ассов) должен был выставить 80 центурий, II разряд (более 75.000 ассов) – 20 центурий, III разряд (более 50.000 ассов) – 20 центурий, IV разряд (более 25.000 ассов) – 20 центурий, V разряд (более 11.000 ассов) – 30 центурий. Наиболее полное и качественное снаряжение имели воины из I-го разряда.

В эпоху ранней Римской республики после победы плебеев в гражданском противостоянии с патрициями, римская армия получила широкие мобилизационные контингенты из числа плебеев, что позволило значительно увеличить ее численность. Реформа Марка Фурия Камилла (IV в. до н.э.) ввела солдатское жалованье, в счет которого выдавалось обмундирование, вооружение и продовольствие. Данный подход позволил уравнять положение воинов из имущих и неимущих классов, а также ускорить стандартизацию вооружения. Нововведения Камилла послужили стартовым началом процесса превращения римской милиции в регулярную армию.

Сервий Туллий
(VI век до н.э.)

Марк Фурий Камилл
(447 – 365 до н.э.)



Гай Марий
(156 – 86 до н.э.)

Пунические войны и другие продолжительные военные конфликты имели серьезные социальные последствия для Рима: процесс разорения римского крестьянства, бывшего основным мобилизационным ресурсом римского войска, принял угрожающие масштабы. Крестьяне разорялись, продавали свои земельные участки и переселялись в Рим на подработки, превращаясь в маргинальный слой – пролетариат. В этих условиях всеобщая воинская повинность стала абсолютно неприемлемой. Военная

реформа Гая Мария (II в. до н.э.) утвердила новый принцип комплектования армии – призыв добровольцев из наиболее бедных классов римского общества на военную службу сроком 16 лет. При этом легионы не распускались после окончания военных действий, а размещались в специальных местах. Таким образом, Гай Марий превратил римскую милицию в профессиональную постоянную армию, комплектовавшуюся по принципу добровольной вербовки.

В эпоху ранней Римской империи система Гая Мария довольно долго продолжала существовать. При императоре Октавиане Августе (I в. н.э.) легионы продолжали комплектоваться римскими гражданами, но потребности армии уже значительно превышали наличные людские ресурсы. Поэтому армия стала пополняться вольноотпущенниками (освобожденными рабами) и усиливаться вспомогательными частями из провинций. На военную службу в добровольном порядке вербовки принимались мужчины в возрасте 17 – 20 лет. Когда добровольцев не хватало, прибегали к принудительному набору. Срок службы составлял 25 – 30 лет, что превращало воина в профессионала. Во времена императора Адриана (II в.) был установлен новый порядок комплектования легионов: помимо римских граждан, на службу стали приниматься жители провинций. Это способствовало изменению этнического состава римской армии.

В эпоху поздней Римской империи произошли кардинальные социальные перемены: постепенно исчезло свободное италийское крестьянство и страна обезлюдела, что лишило римскую армию базы комплектования. Легионы теперь стали набираться не в Риме и Италии, а в основном в провинциях, что привело к возрастанию роли провинциальных легионов. При Марке Аврелии римляне для защиты своих границ стали селить в пограничье пленных варваров и свободные варварские племена.

Впоследствии начался процесс варваризации римской армии, когда ее ряды стали пополняться варварами с их традиционным оружием.

Вооружение римского воина прошло длительный процесс эволюции и постепенно менялось под воздействием внутренних и внешних факторов. История запечатлела классический оружейный комплект легионера, глубоко укоренившийся в массовом сознании. Главными его деталями, впоследствии ставшими символами римского воинства, были дротик-пилум, меч-гладиус и щит-скутум.

Пилум представлял собой дротик – метательное копьё тяжелой пехоты, несколько укороченное и облегчённое по сравнению с копьями для конного или рукопашного боя и соответствующим образом уравновешенное для удобства метания. У римлян было два вида пилумов – короткий (2 м длиной) и тяжелый (4-5 кг). Древко пилума заканчивалось длинным железным наконечником с крючком. Пилум бросался на расстоянии 7 – 10 м во вражеские щиты. Вонзенный пилум своей тяжестью оттягивал щит и лишал противника возможности прикрываться от ударов.

Гладиус был самым страшным оружием легионера, универсальным по назначению: им можно было колоть, рубить, резать и даже метать в случае необходимости. Данный меч имел короткое обоюдоострое лезвие длиною около 0,5 м и шириною 4-7 см, оканчивавшееся крестообразной рукояткой. Носился он на правом, а не на левом, боку. Небольшие размеры делали его очень удобным для применения в тесном строю и в рукопашном бою при близком контакте с противником. Колющие раны от гладиуса всегда были смертельными. Именно гладиус превращал римский легион в дьявольскую мясорубку, беспощадно перемалывавшую любого врага.

Скутум – огромный щит легионеров закругленной формы, непригодный для индивидуального боя, но весьма эффективный в строю; он надёжно защищал легионера от ударов со всех сторон, кроме колющих

ударов сверху. Размеры скутума составляли около 75 см шириной и около 1,2 м высотой. Изготовляли его из склеенных вместе нескольких деревянных пластин, которые обтягивали войлоком и обивали железными полосками по краям и по периметру. В центре щита крепился сильно выпуклый железный умбон круглой формы. Ручка щита была горизонтальной и держалась полным хватом. Легионеры держали щит не перед грудью, а вдоль левого бока, и теснили противника, налегая на щит плечом и помогая себе коротким мечом, который при таком использовании щита удобнее носить справа.

Как уже было, сказано выше, классический оружейный комплект римского легионера это плод многовековой эволюции (прил. 1).

В эпоху царского Рима каждый воин приобретал вооружение за собственный счет, поэтому оно было разнообразным. Позднее при Сервии Туллии были проведены мероприятия по введению однообразного вооружения: для каждого имущественного класса был введен единый оружейный стандарт. Представители 1-го класса должны были иметь меч, копье (hasta), дротики, шлем (galea), панцирь (lorica), бронзовый щит (clipeus) и поножи (ocrea); 2-й класс – тот же набор, но без панциря и щит-скутум вместо clipeus; 3-й класс – тот же набор, но без поножей; 4-й класс – копье-гаста и пика (verutum), без доспехов; 5-й класс – только одна праща.

В эпоху Республики, в рамках манипулярной реорганизации легиона, процесс унификации вооружения римских воинов вступил в новую фазу. Накануне Пунических войн (III век до н.э.) римляне ввели однообразное комплектование и вооружение манипулы: если раньше каждая манипула состояла из гастатов, принципов и триариев, то теперь ее комплектовали только одним из этих видов пехоты.

По сообщению римского историка Полибия, самые молодые и беднейшие воины пополняли ряды велитов, которые имели на вооружении

меч, 6 дротиков (длиной 2 м), лук со стрелами и пращу. Обычный дротик метался на дистанцию до 25 м, а снабженный ременной петлей пролетал 80 м. Велиты составляли легкую пехоту, вооруженную в основном метательным оружием и не входившую в строевой расчет легиона. Общая численность велитов составляла 1200 воинов.

Следующая по возрасту и имущественному положению группа воинов носила название гастатов (hastati – копейщики) и имела на вооружении меч, тяжелые и легкие дротики (pilum) и полное защитное вооружение. Вначале гастаты использовали круглый щит, но позже перешли на скутум. Дротики в количестве 7 штук крепились к внутренней стороне скутума. Туловище защищал кожаный панцирь с нашитыми на него металлическими пластинами. Под панцырь надевалась шерстяная туника, а сверху набрасывался плащ (sagum), который застегивался пряжкой на правом плече. На ногах легионер имел кожаные сапоги без носков, с открытыми пальцами. Численность гастатов составлял 1.200 воинов.

Следующую группу составляли принципы, также как и гастаты, набиравшиеся из молодежи и имевшие аналогичное вооружение. Единственно, принципы отличались от гастатов более высоким боевым опытом. Раньше они составляли первую шеренгу, но позднее их стали выстраивать во второй линии. Их численность составляла 1.200 человек.

И, наконец, последнюю группу составляли триарии, комплектовавшиеся из наиболее опытных ветеранов, которые могли себе позволить приобрести самое лучшее вооружение. В отличие от гастатов и прицепов, триарии были вооружены длинным ударным копьём (или пилумом) и гладиусом. Кроме этого они имели щит-скутум, поножи, шлем и бронзовый панцирь, либо кольчугу.

Стоит отметить, что во время Второй Пунической войны (218 – 201 гг. до н.э.) Сципион Африканский принял на вооружение легионеров

знаменитый испанский меч, более известный как гладиус, позже ставший символом римского воинства.

В эпоху поздней Римской Республики в процессе военной реформы Гая Мария процесс унификации вооружения легионеров был доведен до конца. Незадолго до реформы различия в вооружении легионеров исчезли и появилось стандартное снаряжение римского воина. Гай Марий лишь довершил этот процесс, убрав деление воинов по возрастному принципу. Но, будучи не в состоянии снабдить всех воинов панцирями, он ввел железную кольчугу (lorica hamata), стоившую намного дешевле.

Далее в эпоху ранней Римской империи снаряжение римского воина претерпевает лишь детальные изменения. При Октавиане Августе исчезают поножи появляется кинжал. При его преемниках появляется пластинчатый панцирь с двойным покрытием на плечах (сегментированный панцирь), особенно популярный у всадников. Во вспомогательных пехотных частях используется облегчённый (до 5-6 кг) и укороченный вариант. При императоре Траяне, во время Дакийской кампании, легионеры начинают использовать наручи. При его преемнике Адриане совершенствуется снаряжение кавалерии. Позже при Септимии Севере длинный меч-спата, который изначально был чисто кавалерийским оружием, полностью вытесняет гладиус и становится основным оружием легионера. Это было связано с изменением в характере боевых построений: с длинным мечом проще сражаться в менее плотном (рассредоточенном) строю, чем гладиусом, более приспособленным для плотного строя. Наряду с этим, вместо пластинчатого доспеха распространяется чешуйчатый (ламеллярный) доспех.

Кардинальное изменение снаряжения римского воина происходит в эпоху поздней Римской империи при императорах Диоклетиане и Константине. Причиной этого была германизация римских легионов, которые в значительной степени пополнялись германскими воинами, не

желавшими принимать римское оружие, а полагавшимися на свое традиционное снаряжение. В итоге вместо дротика и меча основным оружием становится копье, а самое главное – происходит сильное облегчение доспехов, из-за которого легион перестает быть тяжелой пехотой. В конце существования Западной Римской империи легионы полностью уступают место наёмным варварским подразделениям, хотя последний легион был расформирован уже в Византийской империи.

Стоит отметить, самое главное: реформы Сервия Туллия, Камилла и Гая Мария поэтапно вели к стандартизации вооружения римских легионеров, которое в итоге стало однообразным.

В ходе постепенных военных реформ и введения однообразного вооружения структура легиона была усовершенствована: он был поделен на 10 манипул, каждая из которых состояла из 60 или 120 тяжеловооруженных пехотинцев и делилась на две центурии. Командиром манипулы был командир первой центурии. Базовой тактической единицей римской пехоты стала манипула. При этом, легион являлся высшей, а манипула – низшей тактической единицей.

Главной чертой манипулярной организации легиона было его расчленение по фронту на полусамостоятельные единицы, что повышало его маневренные возможности в целом. Если в греческой армии было только организационное расчленение, то в римской армии было закреплено тактическое расчленение, повышавшее возможности совершенствования тактических приемов. Тактическое расчленение легиона стало возможным во многом благодаря новой более жесткой военной дисциплине, обеспечивавшей единство действий полусамостоятельных манипул. Со временем принцип построения манипулы изменился: если в V в. до н.э. она строилась по уровню имущественного достатка воинов, то в III в. до н.э. – по уровню их воинского опыта.

В ходе военных реформ Гая Мария легиона приобрел новую структуру – когортную. Благодаря тому, что вооружение всех легионеров стало стандартным, Марий упразднил деление легиона на велитов, гастатов, принципов и триариев. Базовой тактической единицей римской пехоты вместо манипулы стала когорта. Теперь легион был поделен на 10 когорт, каждая из которых состояла из 600 воинов и делилась на три манипулы. Легкая пехота (велиты) была вообще упразднена, а кавалерия была целиком включена в состав легиона, перестав быть отдельным родом войск.

В царскую эпоху, доминирующую роль в римской армии играла конница, а пехота – вспомогательную. Поэтому в сражении всадники выстраивались впереди пехотинцев и первыми начинали атаку, а пехотинцы ее поддерживали.

В эпоху ранней республики из-за этрусского влияния приоритет переходит к пехоте, а основой боевого порядка легиона становится фаланга. Глубина последней составляла 8 шеренг. Согласно Полибию, первые шеренги состояли из хорошо вооруженных воинов «наиболее цветущего возраста». Другими словами, в основе построения легиона лежали уровень материального богатства и возрастные различия римских граждан.

Во время Самнитских войн (343 – 290 гг. до н.э.) римляне выработали манипулярную тактику, механизм которой постоянно совершенствовался. Боевой порядок легиона состоял из трех линий по 10 манипул в каждой (прил. 2). Каждая манипула строилась в 10 шеренг по 12 рядов. Интервал между манипулами был равен протяжению фронта манипулы. Манипулы второй линии строились за интервалами первой линии. Дистанция между линиями манипул колебалась в пределах 15-25 м. В первой линии боевого порядка легиона выстраивались гастаты (1.200 бойцов), во второй линии – принципы (1.200 бойцов), в третьей линии –

триарии (600 бойцов), которые составляли резерв легиона. В общем, в первой линии боевого порядка выстраивались молодые воины, во второй – более опытные, в третьей – ветераны. Таким образом, в основу боевого порядка был положен принцип опытности воинов. На каждую манипулу гастатов и триариев полагалось по 60 легковооруженных велитов, которые прикрывали боевой порядок легиона. Если войско состояло из нескольких легионов, то последние располагались рядом друг с другом, хотя в некоторых случаях они стояли один за другим.

Манипулярная тактика предполагала следующий порядок ведения боя. Велиты завязывали бой дротиками, а затем отходили на фланги, обеспечивая их и тыл легиона. Далее гастаты размыкались на полные интервалы, достигающие 2 м, бросали пилум в щит противника и нападали с мечами. Если нападение первой шеренги отбивалось, она отходила через интервалы в тыл и выстраивалась за десятой шеренгой. Таким образом, гастаты повторяли атаки 10 раз. В случае неудачного исхода этих атак гастатов сменяли или усиливали принципы, проходившие в интервалы манипул гастатов. Наконец, в бой вводились триарии, самые опытные воины, которые вместе с гастатами и принципами предпринимали последний, наиболее сильный удар.

Расчлененный боевой порядок римского легиона, в отличие от монолитного строя греческой фаланги, позволял ему свободно передвигаться по пересеченному ландшафту. Если интервалы между манипулами первой линии в процессе движения сильно расширялись, то отряды из второй линии заполняли пустое пространство первой линии; если и этого было недостаточно, использовалась третья линия. При столкновении с неприятелем небольшие сохранившиеся интервалы заполнялись сами собой, за счет более свободного расположения воинов для удобства применения оружия. Охват вражеских флангов с помощью

второй и третьей линий римляне стали применять в конце Второй Пунической войны.

Немецкий историк Г. Дельбрюк подвергал сомнению тезис о смене линий легиона в ходе боя, утверждая, что осуществление данного действия во время ближнего боя на мечах невозможна. Он считал, что вступление в рукопашный бой с интервалами в линии было крайне опасно, так как позволило бы противнику охватить манипулы гастатов с флангов и разгромить первую линию. Поэтому, согласно Г. Дельбрюку, смена линий в бою не производилась – интервалы между манипулами были невелики и служили лишь для облегчения маневрирования. При этом большая часть пехоты предназначалась лишь для затыкания разрывов в первой линии.

Позднее, благодаря «Запискам о галльской войне» Цезаря было вновь доказано обратное, хотя было признано, что смена линий не была слаженным манёвром стройных подразделений. С другой стороны даже охваченная со всех сторон манипула гастатов не могла быть быстро уничтожена, и удерживала врага на месте, просто окружив себя щитами со всех сторон: противник, проникший сквозь промежутки, попадал в огневой мешок, ибо принципы закидывали его дротиками с фронта и с флангов, абсолютно незащищенных. Смена линий могла представлять собой отход назад гастатов в ходе метательного боя, либо простое продвижение принципов вперёд, с остающимися на месте гастатами. Тогда как прорыв сплошного фронта с последующей неразберихой и резнёй потерявшей строй тяжёлой пехоты, был куда опаснее и мог привести к массовому бегству, в то время как окружённой манипуле бежать было некуда.

Примерно с 80-х гг. до н.э. на смену манипулярной тактике пришла когортная. Причина ее введения была обусловлена необходимостью эффективного отражения массированного натиска фронтального удара германского воинства, против которого манипулярный легион уже не обладал достаточной стойкостью. Новая тактика отлично себя

зарекомендовала во время нашествия кимвров и тевтонов на Рим (102 – 101 гг. до н.э.) и Союзнической войны (91 − 88 гг. до н.э.). Ко времени Юлия Цезаря когортная тактика стала общепринятой в римской армии.

Когортный боевой порядок опирался на новую тактическую единицу – когорту. Она состояла из трех соединенных манипул и насчитывала 600 воинов. Перед боем легион мог выстраиваться в 3 линии в шахматном порядке, при этом в первой линии было 4 когорты, а во второй и третьей – 3 когорты с интервалами 45-65 м (прил. 2). В другом случае он выстраивался в две линии по 5 когорт в каждой или в одну линию из 10 когорт. В эпоху Юлия Цезаря каждый легион выставлял в первую линию 4 когорты, а во вторую и третью – 3. Когда когорты стояли сомкнутым строем, расстояние, отделявшее одну когорту от другой, равнялось длине когорты по фронту. Этот промежуток уничтожался, как только ряды когорты развёртывались для боя. Тогда когорта растягивалась по фронту почти вдвое по сравнению с обычным строем.

На марше по неприятельской территории, когортный легион обычно выстраивался четырьмя параллельно идущими колоннами, что облегчала процесс развертывания в наступательный или оборонительный боевой порядок в случае сигнала тревоги.

Когортная реорганизация легиона имела как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны организация легиона усложнилась (легион – когорта – манипула), но с другой упростились тактические движения и процесс управления легионом. Соединение манипул в когорты уменьшило свободу маневрирования легиона на пересеченной местности, но с другой стороны упростило процесс их маневрирования для перестройки боевого порядка легиона. Взаимодействие когорт, из-за их большой численности и упрощённости маневрирования, не предъявляло высоких требований к индивидуальной подготовке каждого легионера, в то же время значительно повышало

значение и роль командного состава. Тактическая глубина боевого порядка легиона сократилась. Упразднение велитов уменьшило возможности успешной завязки боя и уклонения от него. Единственной формой боя стала быстрая и решительная атака.

Военная мощь римского легиона и все эти тактики зиждились на первоклассной системе **военного обучения** и **высокой дисциплине**. Рассмотрим их по очереди.

Система воинской подготовки и обучения была одним из столпов величия римского воинства, о чем свидетельствует цитата античного военного писателя Флавий Вегеция Рената (IV в.): «…римский народ подчинил себе всю вселенную только благодаря военным упражнениям, благодаря искусству хорошо устраивать лагерь и своей военной выучке». По его мнению, на то была объективная причина – природа не наделила римлян многочисленностью и большой физической силой: римляне не могли превзойти своей численностью массу галлов, римских солдат превосходили рослые германцы и физически сильные испанцы, африканцы были сильнее римлян хитростью и богатством, в военном искусстве и теоретическом знании римляне уступали грекам. Поэтому данный недостаток компенсировался искусством «выбирать новобранцев, учить их, так сказать, законам оружия; закалять ежедневными упражнениями, предварительно предвидеть во время упражнений в течение лагерной жизни все то, что может случиться в строю и во время сражения, и, наконец, сурово наказывать бездельников. Знание военного дела питает смелость в бою: ведь никто не боится действовать, если уверен, что хорошо знает свое дело. В самом деле, во время военных действий малочисленный, но обученный отряд всегда гораздо скорее добьется победы, тогда как сырая и необученная масса всегда обречена на гибель». Военные учения проводились на Марсовом поле или под обширными навесами.

Стержнем программы воинской подготовки у римлян было физическое воспитание и строевая подготовка. Физическое воспитание легионеров было суровым и включало в себя бег, прыганье, скачки, лазанье, борьба, плаванье (сначала без одежды, потом в полном снаряжении) и военные танцы. В итоге это вырабатывало у воинов физическую силу, а главное – выносливость. Другим средством физического воспитания были длительные учебные марши в тяжелом походном снаряжении. Дальность таких маршей составляла 30-35 км в сутки, скорость – от 5 до 7 км/ч и выше, при этом каждый воин нес на себе 18-27 кг. Было несколько видов марша. Марш вдали от противника совершался в одной колонне тремя эшелонами: впереди гастаты, за ними принципы, затем триарии. Фланговые марши совершались также в трех колоннах. В целях завершения и проверки подготовки, устраивались двусторонние маневры.

Параллельно проводилось обучение приемам рукопашного боя. Легионеры, вооруженные особыми учебными щитами и деревянными мечами, которые были вдвое тяжелее боевого оружия, выполняли учебные упражнения.

Большую часть времени занимала строевая подготовка. Легионеры учились совершать различные перестроения и бороться с конницей. Против кавалерии они выстраивали «орбис» – круг с обозом в середине. Далее они учились вести рукопашный бой в строю, для этого центурии разделялись на две группы и сражались между собой. Всадники практиковались в скачках с препятствиями и строем ходили в атаку на пехоту. Строевая подготовка дополнительно способствовала укреплению воинской дисциплины. Большое внимание уделялось четкости команд, что также достигалось неустанными тренировками.

Наряду со всем выше перечисленным, римские солдаты обучались обращаться с окопным инструментом и быстро устраивать укрепленные

лагеря. Военными упражнения должны были заниматься не только новобранцы, но и ветераны, чтобы сохранять телесную свежесть и гибкость, а также привычку к усталости и лишениям.

Воины прошедшие такую подготовку были способны покорить мир. Регулярное обучение прививало римским легионерам высокие боевые качества, часто восполнявшие недостающую численность войск. Именно эта система воинской подготовки превратила римлян в победителей древнего мира.

Железная дисциплина была гарантом высокой боеготовности и морального потенциала римской армии. Ее фундаментом была наработанная столетиями обширная система наказаний, с помощью которой карались и пресекались воинские проступки – неисполнение приказа, трусость и дезертирство.

Условно дисциплинарные наказания можно разделить на несколько видов: материальные и продовольственные взыскания, штрафные работы и упражнения, ограничение прав, разжалование, телесные наказания, продажа в рабство и смертная казнь. В качестве материальных взысканий производились денежные штрафы, частичная конфискация добытых трофеев и сокращение жалованья. Продовольственные взыскания проявлялись в форме замены пшеницы на ячмень в пайке и запрета на горячую пищу. Ограничение прав осуществлялось путем временного лишение оружия, временной изоляции нарушителя от сослуживцев или его временное удаление из лагеря. Разжалование производилось путем понижения по чину или по роду войска, или путем позорного увольнения со службы. К телесным наказаниям относились порка центурионами легионеров виноградной лозой или розгами, публичная порка перед центурией, когортой или целым легионом и, наконец, самое страшное наказание – прогон нарушителей сквозь строй солдат, вооруженных дубинками. В качестве высшей меры дисциплинарного наказания римляне

практиковали три вида смертной казни: децимацию, вицезимацию и центезимацию. Децимация – это казнь каждого десятого человека по жребию путем обезглавливания; вицезимация – казнь каждого двадцатого воина по жребию и центезимация – казнь каждого сотого человека по жребию. Непосредственное осуществление казни проводили ликторы.

Неограниченная карательная власть была сосредоточена в руках главнокомандующих. Высшие офицеры по постановлению Октавиана Августа были лишены такого права.

Помимо выше перечисленных, часто в военных условиях применялись и неписанные наказания. Так, например, во время Латинской войны в 340 г. до н.э. консул Тит Манлий Торкват казнил своего сына Тита Манлия Младшего, за то, что тот нарушил приказ своего отца-военачальника не начинать бой и вступил в поединок с вражеским воином. Несмотря на его победу в поединке и на многочисленные просьбы легионеров, отец обезглавил своего сына во имя высшей цели – укрепления воинской дисциплины в римской армии. Позднее это заставило солдат более внимательно относиться, в частности, даже к дневным и ночным караулам.

Дисциплинарной жестокостью прославился римской полководец Опилий Макрин, который, помимо децимации и центезимации мятежных легионов, распинал собственных нерадивых воинов. Не меньшей жестокостью отличился Аврелиан: за прелюбодеяние с женой арендатора он разорвал солдата на верхушках двух пригнутых к земле деревьев и к тому же написал такое письмо одному из помощников: «Если ты хочешь быть трибуном или если, попросту говоря, хочешь жить, то сдерживай своих солдат. Пусть никто из них не украдёт чужой курицы, не тронет чужой овцы; пусть никто не унесёт кисти винограда, хлебного колоса, не требует себе масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своей законной порцией… Пусть оружие у них будет вычищено, отточено, обувь

крепка… Пусть жалованье у солдата остается в поясе, а не в кабаке… Пусть он холит своего коня и не продаёт его корма; пусть все солдаты сообща ходят за центурионным мулом. Пусть солдаты… ничего не дают гадателям… кляузники пусть подвергаются побоям…».

В отличие от них Песценний Нигер прибегал к более гуманным, но весьма изощренным, видам наказаний: во время одной кампании он приказал заменить серебряную походную посуду на деревянную, булки на сухари, а вино на уксус и хотел даже обезглавить 10 солдат из одной манипулы за то, что те украли и съели курицу, но вместо этого ввёл для них суровые наказания – десятикратная компенсация стоимости курицы и запрещение питания горячей едой и разведения огня в своей палатке во время всего похода, за чем должны были следить приставленные надсмотрщики. Помимо этого он распорядился, чтобы солдаты при походах не брали даже золотые или серебряные монеты, а сдавали их в военную казну для обратного получения после кампании.

В эпоху Римской империи суровая воинская дисциплина с одной стороны была залогом военного могущества римского воинства, а с другой – причиной постоянных мятежей легионов, не выдерживавших дисциплинарной жестокости.

Осуществление сложных боевых построений в бою и поддержание воинской дисциплины было возможным за счет эффективной системы управления легионом (командно-офицерский состав и средства управления войском).

Изначально высший командный состав был представлен шестью военными трибунами, выбираемыми народным собранием. По традиции трибуны по очереди сменяли друг друга на посту командующего легионом каждый день. Такая система управления была неэффективной и имела крайне отрицательные последствия для римского воинства во время Пунических войн. Поэтому постепенно командование легионом

сосредоточилось в руках единственного человека – легата, который мог занимать свой пост больше 5 лет. В провинциях, где расквартировывался легион, легат одновременно являлся и наместником. Там, где располагалось несколько легионов, у каждого из них был свой легат, но все они подчинялись наместнику провинции. Вторым по старшинству статуса после лагата был трибун Латиклавий (Tribunus Laticlavius), третьим – префект лагеря (Praefectus Castrorum), четвертыми – трибуны Ангустиклавии (Tribuni Angusticlavii), которых было пятеро, пятым – примипил (Primus Pilus), являвшийся самым высоким по рангу центурионом, возглавлявшим первую сдвоенную центурию.

Средний офицерский состав был представлен центурионами – командирами центурий, который было 59 в каждом легионе (58 центурионов и один примипил). Центурионы составляли костяк профессиональной римской армии. Они были профессиональными воинами, которые жили повседневной жизнью своих подчинённых-солдат и командовали ими во время боя. Центурионами становились отличившиеся солдаты-ветераны, но ими можно было стать и по непосредственному указу императора или другого высокопоставленного чиновника. Основным требованием к кандидату было наличие стойкости, а не безудержного героизма: «От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего дыхания». Именно стойкость позволяла сохранить строй и коллективную спайку подразделений легиона, поэтому центурион обладал дисциплинарной властью. Номер центурии, которой командовал каждый центурион, непосредственно отражал его положение в легионе, то есть самое высокое

положение занимал центурион первой центурии первой когорты, а самое низкое – центурион шестой центурии десятой когорты.

Контингент младших офицеров легиона составляли сигниферы (казначеи), опционы (помощники центуриона), тессерарии (помощники опциона) и деканы (командиры 10 солдат). Рассмотрим их назначение. Сигнифер (казначей) имелся в каждой центурии и отвечал за выплату жалования солдатам и сохранность их сбережений. Опцион (помощник центуриона) должен был заменить центуриона в бою в случае его ранения. Тессерарий (помощник опциона) отвечал за организацию караулов и передачу паролей часовым. Декан (командир 10 солдат) управлял 10 солдатами в бою и жил с ними в одной палатке.

Легион представлял собой сложный организм с сильно разветвленной структурой, поэтому процесс управления им в бою требовал серьезного подхода. Римляне основательно подошли к решению данного вопроса. Еще во времена ранней Римской республики в составе легиона выделялась отдельная центурия писарей и горнистов, для передачи приказов высшего начальства. Основными средствами управления легионом в бою были знамена и трубы, что определило соответствующие офицерские чины младшего разряда. К числу знаменосцев относились аквилиферы (носители орла легиона), имагиниферы (носители изображения императора), вексиллярии (носители штандарта определённой пехотной или кавалерийской части войска) и сигниферы (казначеи). К трубачам относились корницены, тубицен и буцинаторы. Аквилифер нес в бою символ легиона – орла, потеря которого считалась ужасным бесчестьем, после которого легион расформировывался. Если орла удавалось вернуть обратно, легион заново формировали с тем же именем и номером. Имагинифер нёс в бою изображение императора, служившее постоянным напоминанием о верности войска главе Римской империи. Вексиллярий нёс штандарт (вексиллум) отдельно выделенной из

состава легиона пехотной или кавалерийской части для самостоятельного решения определенной военной задачи. Сигнифер в сражениях нес боевой значок центурии (Signum) – древко копья, сверху украшенное орлом или ладонью, а по центру – медальонами. Корницены играли на медном роге (корну) и находились при знаменосце; они обязаны были отдавать команды на сбор к боевому значку и передавать солдатам приказы командира. Тубицены играли на тубе (медной или бронзовой трубе) и находились при легате; они должны были сигналить призыв к атаке или к отступлению. Буцинаторы играли на буцине.

Одним из моментов, ярко демонстрирующих мощь римского легиона это умение устраивать лагерную стоянку. Римляне прекрасно осознавали, что от хорошо устроенного лагеря зависит жизнь всей армии. Ярче всего это демонстрируют слова римского полководца Эмилия Павла: «Ваши предки считали укреплённый лагерь всегда открытой гаванью войска, откуда они выходили на противника: и где, разбитые бурей сражения, они могли найти себе надежное пристанище. Лагерь есть место отдыха для победителей и оплот для побежденного. Это – военное жилище, вторая родина; вал – это стены, а палатка для каждого бойца – его дом и очаг».

Будучи в походе, римское войско устраивало укрепленный лагерь после каждого дневного перехода. Центурионы производили выбор места лагерной стоянки, которая должна была быть удобной для обороны, охранения и обеспечения водой, дровами и фуражом. Далее они проводили разбивку лагеря: обозначались две основные линии – длина и ширина лагеря, придававшие ему либо форму квадрата, либо прямоугольника. Одна часть лагеря отводилась для размещения консулов и их свиты, вторая для построения легионов, где консул обращался к ним с речью со специально устроенного возвышения, третья для палаток легионеров, размещавшихся в строго определенном порядке в несколько линий. Затем возводились обязательные для лагеря оборонительные сооружения: ров,

земляной вал и установленные на нем плетеные щиты. С каждой стороны лагеря имелись большие ворота: через ворота, обращенные в сторону врага, легионы выступали из лагеря, а через противоположные ворота возвращались обратно. Кроме этого, имелись правые и левые боковые ворота. Охрану ворот осуществляли специально выделенные центурионы. При расположении рядом с противником дополнительно высылались отряды стражи.

Благодаря непрерывным тренировкам легионеры очень быстро устраивали лагерь и также быстро выходили из него. Утром по первому сигналу воины сворачивали палатки, по второму – укладывали багаж и по третьему – организованно выступали в поход или строились для боя.

Во время осады вражеских крепостей или при строительстве постоянного (зимнего) лагеря создавались более солидные постройки. Палатки заменялись бараками с соломенной крышей. Возводились усиленные фортификации: двойной ров, земляной вал высотой и шириной 3,5 м, обложенный дерном и палисадом. Иногда сооружались деревянные или каменные башни, с которых обстреливались подступы к лагерю. На подступах нередко устраивались засеки из срубленных деревьев, волчьи ямы и полосы из рогулек.

Оборонительные сооружения римского лагеря были неприступны, поэтому противник не решался штурмовать римлян, укрывшихся в лагере. Если же он решался на это, то терпел поражение, как это было с галлами при Алезии (52 г. до н.э.). Чаще всего неприятель прибегал к хитрости, чтобы выманить римлян на бой в открытом поле. Римский лагерь был настолько капитальной постройкой, что на его месте нередко возникали целые города.

Одним из основных признаков регулярной армии является наличие системы тылового обеспечения, полностью удовлетворяющей все армейские нужды. Она позволяет армии совершать длительные и дальние

походы, выполнять сложные боевые задачи, сохранять целостность и высокий боевой дух солдат в сложных ситуациях. Римская армия обладала такой системой.

Еще в эпоху ранней Римской республики армейский тыл армии приобрел свои первые организационные формы. В составе легиона выделялись отдельные две центурии кузнецов и плотников.

При поздней Римской республике в ходе реформы Гая Мария в составе легиона было увеличено количество специализированных подразделений (например, пожарные когорты). Каждому легиону придавались вспомогательные войска такой же численности (около 5.000 человек), куда помимо легкой пехоты и кавалерии, входили многочисленные специалисты: сапёры, разведчики, врачи, знаменосцы, секретари, персонал метательных орудий и осадных башен, различные обслуживающие подразделения и работники оружейных мастерских.

В связи с этим появился специальный инженерный обоз. Но это не избавило легионеров от обязательного личного багажа, который они тащили на себе, повесив на специальный шест, закинутый на плечо. Поэтому римских солдат нередко сравнивали с нагруженными ослами и называли «муллами Мария». Несмотря на это, данное нововведение позволило облегчить армейский обоз и повысить подвижность армии. Наряду с этим легионеры стали широко применять шанцевый инструмент из-за необходимости возведения многочисленных полевых фортификаций.

Обеспечение армии продовольствием и воинским снаряжением производилось через специальные органы снабжения. Одежда, оружие и боевая техника, выдаваемые теперь государством, чинились в особых лагерных мастерских. Полный солдатский паек состоял из хлеба, сала и уксуса. Легионер получал в день 800 г. зерна, которое размалывал на ручной мельнице и готовил себе похлебку из муки. Позднее стали выпекать лепешки, а затем начали употреблять сухари. Питьем служила

вода с уксусом. Начальнику полагался рацион обычного легионера. При выступлении в поход выдавали продовольствие на 15, а иногда на 30 дней. При этом часть жалованья солдата удерживалась для возмещения затрат на продовольствие и обмундирование, а другая часть выдавалась на руки. Легионерам разрешалось жить за счет местного населения, т.е. был узаконен организованный грабеж. В малонаселенных пограничных районах солдаты были обязаны сами добывать себе мясо, организуя охотничьи команды.

Помимо военных упражнений, на плечи легионеров налагалась другая тяжелая ноша – многочисленные строительные работы, к числу которых относились возведение лагерных построек и укреплений, строительство дорог, мостов, водопроводов, сооружение пограничных кордонных линий и контроль за их сохранностью. Позднее значительную часть этих работ легионы стали перекладывать на плечи рабов, руками которых были возведены хорошо укрепленные пограничные линии, состоявшие из валов с частоколами и глубоких рвов. На валах возвышались наблюдательные вышки и стояли сторожевые посты. Позади вала строилась военная дорога, по которой вдоль границы перебрасывались войска и военные материалы. Такими укрепленными линиями были прикрыты римские границы на севере Британии – Адрианов вал, между Днестром и Прутом в Бессарабии – Троянов вал и в Африке – Триполитанский вал.

Во все времена главную силу римского войска составляла пехота, с помощью которой они покорили весь свет. Для ее поддержания на должном уровне уделялось много внимания и усилий: римская пехота была отлично вооружена как наступательным оружием, так и предохранительным, прекрасно обучена и дисциплинированна. Римляне подобно спартанцам не были кавалеристами в душе. Интересен в этом смысле тот факт, что во времена республики ни один офицер легиона не

имел права нести службу верхом; даже выбиравшийся в минуты крайней опасности и облеченный почти неограниченной властью диктатор не имел права садиться на лошадь, не получив на то особенного разрешения народа.

Несмотря на это римляне имели ограниченный кавалерийский контингент. Первый римский царь Ромул сформировал в составе легиона конный отряд из 3 центурий по 100 человек каждая, которые набирались со всех трех триб. Эти всадники назывались эквитами (equites) и представляли собой отборная патрицианскую молодежь, которая как в мирное, так и в военное время составляла корпус телохранителей при особе царя. Они были вооружены мечами и дротиками, и могли вести как конный, так и пеший бой.

Другой царь Тарквиний Прииск Древний придавал коннице большее значение и применял ее более широко, чем его предшественники. Он в два раза увеличил численность каждой кавалерийский центурии. В войнах, которые вел Тарквиний, конница играла видную роль и внесла большой вклад в их исход.

При знаменитом царе-реформаторе Сервии Туллии численность кавалерии значительно возросла: он разделил прежние 3 двойные центурии на 6 патрицианских центурий и добавил к ним дополнительно еще 12 центурий всадников из состоятельных людей, среди которых было немало плебеев. Другими словами царь положил в основу организации кавалерии принцип состоятельности, а не происхождения. Требованиями к кандидатам в римскую кавалерию были безупречное поведение, состоятельность, отец и дед должны были быть свободными людьми. Все 18 конных центурий получали казенных лошадей и ежегодные денежные выплаты на их содержание.

В эпоху ранней Римской республики (около 403 г. до н.э.) кавалерия стала пополняться за счет класса всадников – граждан, имевших

достаточное состояние для службы на коне. Они не получали лошадей от казны, а были обязаны приобрести и содержать их за свой счет. Впрочем, этот класс хотя и имел преимущество конницы над пехотой, но считался, ниже, чем патрицианские эквиты. Другими словами римская конница пополнялась из классов высоких по социальному статусу и уровню богатства. Аналогичная ситуация наблюдалась почти у всех древних народов. Так, например, у ассирийцев и египтян наиболее знатные и богатые люди сражались на колесницах, а впоследствии верхом, и служба в коннице служила некоторым отличием. Римские всадники тоже имели некоторые преимущества и впоследствии составили особый класс.

Римляне, хотя и считали службу в коннице почетной и пополняли ее ряды знатными юношами, но до Пунических войн они не понимали ее духа, не придавали ей должного значения и не умели ни обучать ее, ни пользоваться ею. Они отводили ей второстепенные функции, используя только для разведки и преследования. При этом римские всадники нередко спешивались и сражались как обычная пехота, что свидетельствует о низком уровне развития всаднического искусства в Риме. Древним римлянам даже не приходила в голову возможность пустить кавалерию стеной на противника и быстротой и массой ее сломить его сопротивление.

Поэтому до Второй Пунической войны римская конница не играла заметной роли в войнах, уступая приоритет пешим легионерам, которые присваивали себе лавры победителей. Когда же Ганнибал нанес римлянами целый ряд тяжелых поражений, которые заставили их осознать недостаток хорошей конницы как причину своих неудач. В итоге они обратили внимание на этот род войск. За улучшение римской конницы с великой энергией взялся Публий Сципион (Африканский). Он взял за основу греческую систему, считавшуюся в те времена лучшей. Наступательное и защитное вооружение кавалеристов было значительно улучшено. Сципион ввел новые учебные маневры. Каждый всадник учился

делать повороты направо, налево, кругом и во фронт. Группы кавалеристов обучались заездам направо и налево, затем повороту кругом рядами и опять заезду на прежнее место. Иногда один или два ряда из середины или с фланга вызывались вперед на определенное расстояние и затем другие должны были большим галопом выравняться по ним. Далее всадники обучались во время наступления внезапно поворачиваться и начинать отходить, причем маневр этот должен был быть произведен в полном порядке и с соблюдением интервалов между частями, чтобы избежать атаки в беспорядке. Благодаря этим упражнения римская кавалерия научилась искусству ловкого маневрирования, которое ранее было абсолютно чуждо ей.

Большое внимание уделялось индивидуальной подготовке кавалериста. Всадники учились быстро вскакивать на неоседланную лошадь с копьем или обнаженным мечом в руках. Это упражнение производилось постоянно и молодыми и старыми воинами. Обучение начиналось на деревянной лошади и без оружия, а затем давалось оружие и наконец переходили к живой лошади; обучали вскакивать с обеих сторон. Зимой эти упражнения проводились в закрытых помещениях, а летом на плацах.

Сципион лично проводил учения и делал их смотры, причем выводил конницу из города в поле и здесь производил те упражнения, которые считал для них необходимыми. Помимо этого он улучшил ее размещение в легионе. Манипулярный строй, предполагавший наличие интервалов между выстроенными в линию манипулами, позволял конным частям (турмам) проходить через них и оказывать поддержку своей пехоте. Для этого некоторая часть конницы ставилась позади боевой линии в резерв, тогда как основная часть кавалерии делалась на две части и размещалась по флангам. Благодаря неустанным трудам Сципиона Африканского римская конница буквально переродилась и внесла большой

вклад в победу в великой войне над Ганнибалом. После Второй Пунической войны римская конница довольно продолжительное время держалась на той высоте, до которой ее довел Сципион.

В эпоху поздней Римской республики представители всаднического сословия перестали служить в кавалерии и ее ряды пополнялись нумидийскими, галльскими и германскими наемниками. Так, например, у Цезаря в Галльской войне в коннице не было римлян, вместо них служили германцы.

Позднее, в эпоху Империи, в римской армии под воздействием постоянных войн с парфянами и сармато-аланами роль кавалерии значительно возрастает и начинаются большие перемены, которые подробно будут рассмотрены в параграфе 3.3.

В войнах с морскими державами, такими как Карфаген и Коринф, у римлян в связи с необходимостью вести военные действия на море появляется военно-морской флот, который постепенно развивается в войнах с Понтийским царством и киликийскими пиратами.

По своей конструкции римские боевые корабли принципиально не отличались от греческих и эллинистических кораблей. Здесь присутствовали аналогичные элементы: весла как основной двигатель, многоярусная компоновка и схожий архитектурный стиль. В качестве дополнительного двигателя на кораблях имелись мачты для парусов, которые подымали при попутном ветре. Обычно была всего лишь одна мачта, но на квинкверемах и гексерах их было три (одна большая и две малые). Постепенно римские корабли становятся крупнее и снаряжаются артиллерией, штурмовыми трапами-«воронами», боевыми башнями и постоянной партией морских пехотинцев.

Признаками классификация боевых кораблей римлян было наличие/отсутствие тарана и количество рядов весел (по вертикали). По первом признаку они делились на корабли с тараном и прочие. По второму

признаку они делились на монеры или униремы (совр. галеры) – корабли с одним рядом весел, биремы (либурны) – с двумя рядами, триеры (триремы) – с тремя, тетреры (квадриремы) – с четырьмя, пентеры (квинкверемы) – с пятью, и гексеры – с шестью рядами весел.

Перед боем паруса скатывались и помещались в чехлы, а мачты укладывались на палубу. Большинство римских кораблей, в отличие от египетских и др., имели съемные мачты. Большие корабли завешивались смоченными в воде воловьими шкурами для защиты от зажигательных снарядов. Иногда для защиты от каменных снарядов их бронировали бронзовыми пластинами.

Римские корабли были приспособлены преимущественно для ведения прибрежных морских сражений, а не для длительных рейдов в открытом море. Обеспечить на среднем корабле хорошие условия проживания для 150 гребцов, 20-30 матросов и 100 морских пехотинце было невозможно, поэтому вечером флот стремился пристать к берегу. Экипажи, гребцы и большая часть морской пехоты сходила с кораблей на берег и ночевала в палатках, а утром грузились обратно и продолжали плыть дальше.

Процесс строительства кораблей происходил достаточно быстро: Квинкверема строилась и вводилась в строй за 40 – 60 дней. Высокие темпы строительства позволяли римлянам создавать весьма многочисленный флот. Например, во время Первой Пунической войны (264-241 гг. до н.э.) римляне ввели в строй более 1.000 боевых кораблей. Однако, римские корабли имели относительно низкую мореходность, поэтому была опасность гибели всего флота в случае сильного шторма флот. Например, в ходе Первой Пунической войны из-за штормов и бурь римляне потеряли около 200 кораблей. Средний срок службы корабля составлял 25-30 лет.

Скорость кораблей римлян была невысокой: у наиболее быстроходных кораблей – 7-8 узлов (14-16 км/ч), а у крупных – 3-4 узла (6-8 км/ч). Это было обусловлено тем, что основным двигателем судна была мускульная сила гребцов, а паруса использовались только попутном ветре.

Экипаж корабля назывался «центурией» и возглавлялся двумя главными должностными лицами: капитаном («триерарх») – руководил плаванием и навигацией, и центурионом – командовал морскими пехотинцами и руководил боевыми действиями. Командование флотом сначала осуществляли два дуумвира, а позднее – префекты флота, аналогичные по статусу современным адмиралам. Отдельными соединениями от нескольких до нескольких десятков кораблей иногда распоряжались командиры сухопутных войск, перевозимых на них.

Сначала военное могущество Западной цивилизации держалось на плечах греческих фалангитов, которые под руководством Александра Македонского вывели свои ценности и культуру на международный уровень, привнеся их в Азиатский мир Ближнего Востока. Позднее олицетворением могущества Западного мира стали римские легионеры, повторно принесшие ценности греко-римской культуры на Ближний Восток. Римляне продолжили процесс развития основ военного дела, заложенных еще греками и македонцами, и вывели его на качественно новый уровень. В итоге была создана новая военная система, отражавшая особенности Западной цивилизации и ставшая на протяжении столетий ее верным мечом и щитом. Ее основными чертами были: регулярный и профессиональный характер вооруженных сил, главенство тяжелой пехоты, приоритет ближнего боя над дистанционным, глубокая воинская специализация, многочисленные рода и виды войск, преобладание коллективных действий над индивидуальными, высокий уровень дисциплины и единоначалия, стандартизация вооружения и широкое применение боевого строя, наличие системы воинского обучения и

подготовки. Легион, за счет расчлененного и трехлинейного строя, обладал куда большей мощью в отличие от неуклюжей греческой фаланги: он был значительно подвижнее, мог маневрировать на поле боя и действовать на пересеченной местности. Ударная мощь легиона была многократно выше, чем у фаланги: фаланга могла наносить только один сильный удар, после чего она расстраивалась и была недееспособна, а легион – как минимум три удара с возрастающей мощью. Все это дополнительно усиливалось благодаря римской системе воинского обучения, которая была более совершенной, чем спартанская. В итоге, все эти факторы позволили Риму, как фундаменту Западной цивилизации, стать властелином Античного мира и распространить греко-римский образ жизни на все Средиземноморье.

3.2. Военное искусство парфян, персов, сарматов и алан

Ближний Восток и Кавказ (Северный и Южный) на протяжении четырехсот лет (I в. до н.э. – IV в. н.э.) являлись ареной напряженной вооруженной борьбы представителей Западной (Греко-римской) и Восточной (Азиатской) цивилизаций. С одной стороны выступил Рим, а с другой – парфяне, сасанидские персы, сарматы и аланы, являвшиеся носителями и защитниками азиатской культуры. Произошло грандиозное столкновение двух совершенно разных военных систем – западной и восточной, в процессе которого каждая из них проявила свои преимущества и недостатки. В горниле этого межцивилизационного конфликта началась военная революция, впоследствии изменившая облик сначала восточного, а затем и западного воинства.

Рассмотрим военное искусство представителей азиатского воинства, бросивших открытый вызов доселе несокрушимым римским легионам. Начинем с парфян. Атрибутом централизованного государства является

регулярная армия, которая словно зеркало отражает матрицу государственного и общественного устройства страны. Парфянская армия была иррегулярной (милицией), что было следствием отсутствия прочного фундамента централизованной государственной власти в Парфии. По сути, парфянская армия представляла собой феодальное ополчение – совокупность отдельных военных формирований, царя, знати, сатрапов, мелких князьков и союзных царей, каждый из которых, исходя из своих возможностей, набирал и содержал определенное количество воинов. Парфяне, будучи кочевниками, пришедшими в Иран из Средней Азии, впервые в истории заложили номадический тип формирования армии в основу военной системы централизованного государства. Парфянские цари, создав свое государство на базе завоеванных территорий Ирана и Передней Азии, не стали искать новых путей формирования армии, а просто более эффективно приняли к использованию тот тип военной организации, которым они пользовались на протяжении столетий, слегка усовершенствовав его. В итоге система комплектования, вооружение, тактика и стратегия в Парфянском царстве были номадическими.

Парфянская армия комплектовалась по милиционной системе, т.е. она являлась ополчением, созываемым во время войны. Для этого царь предварительно рассылал приказы наместникам областей и племенным вождям, которые, собрав свои отряды, приходили в общему месту сбора. Основным мобилизационным источником для войска были массагетские племена из союза дахов, являвшихся опорой власти парфянских царей. В Парфии было семь великих парфянских родов (Аспахапет, Дахай, Карен, Михран, Парни, Сохай и Сурен), родоплеменное ополчение которых являлось главной силой государства. Как и у всех номадов исключительную основу парфянского ополчения составляла кавалерия, делившаяся на легкую (конные лучники) и тяжелую (катафракты). При этом легкая конница составляла основную часть войска, а тяжелая –

незначительную его часть, но играла роль главной ударной силы (прил. 3). Пехота в составе ополчения отсутствовала, а ее функции при штурме крепостей выполняла спешившаяся легкая кавалерия. Помимо дахов, боевые дружины для парфянского войска поставляли покоренные народы. Но эти отряды сохраняли свои традиционные воинские устои и манеру ведения боя, поэтому их использовали на вспомогательных ролях.

Максимальная численность парфянского войска доходила до 50.000 – 60.000 человек. Однако за всю свою историю парфяне всего лишь несколько раз собирали такое крупное войско. В большинстве военных конфликтов численность их войска не превышала 10.000 человек.

Относительно системы войскового управления, стоит отметить, что в парфянских вооруженных силах отсутствовало полноценное централизованное командование. В редких случаях царь выступал в качестве главнокомандующего и непосредственно руководил войсками, чаще всего он формально исполнял эту функцию. Вся полнота власти в войсках была в руках их командиров, возглавлявших собственную племенную дружину или личную гвардию.

Другим следствием иррегулярного характера парфянской армии было отсутствие у нее четкой структуры. Каждый наместник, сатрап, вассальный царь или племенной вождь организовывал структуру своих отрядов по личному усмотрению с учетом собственных возможностей.

Костяк парфянского войска был структурирован по десятичной системе. Так, например, небольшие подразделения назывались «вашт», подразделения в 1.000 человек – «драфш», 10.000 человек – «гунд».

Помимо этого, парфянские вооруженные силы делились по этно-территориальной принадлежности. Знатные слои из городов Ирана и Месопотамии выставляла тяжелую конницу, арабы из северной Аравии – легкую кавалерию, племена саков и массагетов, города Согдианы – одновременно легкую и тяжелую кавалерию. Нередко в качестве

союзников Парфии выступали закавказские государства – Иберия, Армения и Кавказская Албания, которые поставляли ей контингенты легкой и тяжелой кавалерии, а также вспомогательной пехоты. Греческие полисы Месопотамии поставляли отряды наемной тяжелой (гоплитской) пехоты, но она использовалась только в ранний период истории Парфии. Военные контингенты союзных царств, а именно Кавказской Албании, маскутов и кочевых племен Центральной Азии, играли довольно значительную роль в парфянском войске. Так, цари Кавказской Албании, албанские Аршакиды, выставляли легкую и тяжелую кавалерию, а также пехоту, маскуты и центральноазиатские союзники в основном кавалерию.

Уровень воинской дисциплины в парфянской армии, как у любой другой иррегулярной армии, был невысоким. С одной стороны она являлась высокопрофессиональной и боеспособной, но с другой испытывала на себе сильное влияние своих командиров, фактически являясь армией самих вождей и племен, нежели государства и царя, еще не отошедших от родоплеменных отношений. Парфянская армия показывала примеры неистового героизма и профессионализма, которые одновременно сочетались с беспримерной анархией, неподчинением царю и верностью племенным вождям. Поэтому временами она терпела сокрушительные поражения, даже в тех случаях, когда этого не должно было быть. Своеволие командиров, более искавших личной выгоды и мало заботившихся о государственных интересах, сводило на нет высокие воинские качества парфянского воинства, сильно снижая их боеспособность.

Объективной причиной этой войсковой анархии, являлось не только личное своеволие, но и суровая реальность самого Парфянского царства, которое фактически представляло собой конфедерацию без сильной централизованной власти, с постоянными распрями между претендентами на парфянский трон. Страну изнутри терзали постоянные распри между

претендентами на царский престол, следствием было господство социально-политической атмосферы, вырабатывавшей местечковые взгляды, а не дух национального единства. Парфянская армия была зеркальными отражением самой сути и действительности Парфянского царства, со всеми его плюсами и недостатками; она, как и ее государство была сильно подвержена влиянию разнообразных настроений, течений и событий в обществе.

Единственным фактором, консолидировавшим разные племена воедино и цементировавшим разношерстное парфянское войско, была высочайшая ненависть парфян к эллинистическому укладу жизни, олицетворением которого являлся Рим. Именно стремление к самосохранению своей этноидентичности и культуры в борьбе против Рима сплачивала парфян в единую силу, позволяя им демонстрировать в боях все свои лучшие воинские качества, которые позволили парфянам преодолеть недостатки своего военной организации и выстоять в тяжелой борьбе против Римской империи. Эти же качества заставили римлян почувствовать абсолютную неуверенность в окончательной победе над парфянами и осознать невозможность их покорения.

Главным родом войск у парфян был кавалерия, но помимо нее была еще и пехота вспомогательного назначения. Парфянская конница, как и у всех кочевых народов, делилась на тяжелую и легкую. Тяжелая кавалерия была малочисленной и составляла меньшую часть войска, но играла более чем важную роль, являясь основной ударной силой. Поэтому она комплектовалась из родоплеменной знати. Тяжелые всадники были вооружены тяжелыми доспехами, пиками, длинными мечами, а также луками, но в качестве вспомогательного оружия.

Легкая конница состояла из конных лучников, основным оружием которых был лук со стрелами. Набор последних был весьма широк по своему функциональному назначению, поэтому здесь присутствовало

большое разнообразие форм наконечников. Отличительной чертой легких всадников, помимо наличия лука, было отсутствие доспехов. Клинковое оружие имелось, но использовалось как вспомогательное. Легкая конница завязывала бой, подготавливая атаку тяжелой кавалерии, а также сопровождала и прикрывала ее в случае необходимости. В некоторых случаях, при необходимости штурма укреплений, легкие всадники благодаря спешиванию использовались как пехота.

Пехота у парфян присутствовала, но была вспомогательным видом войск и комплектовалась из покоренных народов. Она не играла существенной роли, а после измены части наемной греческой пехоты найм греков вообще прекратился. При острой необходимости парфяне нанимали пехотинцев из среды кавказских албанов, гирканцев и городского населения Согдианы.

Интересным образом была устроена система обеспечения. Парфянская армия, будучи полностью конной, нуждалась в подвижном обозе, поэтому для этих целей активно использовали верблюдов, на которых перевозились боевые и продовольственные запасы. Численность верблюдов при войске была огромной.

Главным элементом вооружения тяжелых всадников был полный защитный доспех: кожаные латы и наножники, покрытые бронзовыми или железными чешуями, железные шлемы. Щит отсутствовал, так как всадники были полностью предохранены латами, что исключало потребность в нем. Копья были очень длинными и тяжелыми. Кроме того, всадники имели луки и короткие мечи или ножи за поясом. Луки и стрелы были очень велики и пробивали любое обычное снаряжение, вместе с тем полет их был очень быстр. Лошади также были закованы в доспехи из кожи с металлическими чешуйками, защищавшие ее голову, грудь и бока.

Легкая конница набиралась из отличных ездоков, с детства приученных к езде, так что лошадь и всадник составляли одно целое.

Лошади были легкими и поворотливыми, управлялись одним поводом. Всадники носили тунику и штаны. Их главным оружием были очень длинные луки и стрелы с крючками, которые они пускали с большой силой и ловкостью, как стоя на месте, так и будучи в движении вперед или назад. Помимо этого, легкие всадники носили еще мечи и ножи за поясом.

Стратегия и тактика парфян изначально носили традиционные для кочевников формы. Однако, в процессе постоянной борьбы с регулярными армиями эллинистических государств, таких как царство Селевкидов, практиковавших плотный строй пехотной фаланги, эти формы оказались неэффективными. Для достижения успеха потребовался новый подход, и тогда парфяне усовершенствовали вооружение и доспехи тяжелой кавалерии, значительно усилив и утяжелив их. Так появились на свет катафрактарии – особый вид тяжелой кавалерии, представлявший собой вершину эволюции этого рода войск. Но этот вопрос более подробно будет отдельно рассмотрен в параграфе 3.3.

Парфяне использовали стратегию «Измора»: армия вторгшегося неприятеля подвергалась систематическим атакам легкой кавалерии во время марша, начиная с самой границы; после того как она было достаточно измотана и ослаблена, парфяне вступали с ней в генеральное сражение, нанося окончательный удар.

Стержнем новой парфянской тактики было органичное взаимодействие легкой и тяжелой конницы. По сути дела тактика парфян основывалась на максимально эффективной реализации боевого потенциала кавалерии. Отсюда большую роль играл выбор местности для боя, которая должна была быть минимально пересеченной и не стесненной естественными препятствиями. Сражение начиналось с атаки легкой кавалерии (конных лучников), которая до атаки катафрактов должна была максимально расстроить вражеские ряды. Действуя врассыпную, конные лучники окружали противника, отступали, когда он хотел их атаковать,

снова переходили в наступление, когда он начинал отходить, при этом постоянно осыпая его градом стрел, но не вступая с ним в рукопашную схватку. Для этого требовалось большое количество стрел, поэтому в войске имелся специальный высокоподвижный обоз со стрелами на верблюдах, к которому отлучались всадники для пополнения истраченного боекомплекта. Когда противник доводился до полного изнеможения в дело вступали Катафрактарии: сомкнутым строем на полном ходу они наносили лобовой удар по неприятелю, сминая длинными пиками его ряды. Далее катафракты отступали, вновь уступая место легкой кавалерии, довершавшей разгром противника. Данная тактика имела положительный результат в противоборстве парфянской конницы с фалангой Селевкидов, а позже – с легионами Рима.

Однако, парфянская тактика имела один существенный недостаток. С наступлением ночи парфяне прекращали бой или преследование и отходили на отдаленное расстояние, чтобы стать бивуаком. Вообще они воздерживались от всяких военных действий в ночное время. Причина этого заключалась в необходимости расседлать лошадей и выпустить их в поле для кормления, чтобы на следующий день они были свежими и всадники могли эффективно сражаться. Изготовка к бою занимала длительное время, т.к. необходимо было распутать лошадей и одеть их в доспехи. В этот момент войско было крайне уязвимо для внезапных вражеских атака, поэтому ночью парфяне всегда отступали далеко за пределы радиуса действий противника. Парфяне никогда не окружали свои лагеря окопами, что усиливало опасность близкого присутствия врага. Традиция удаление парфян на ночь нередко давала отступающему противнику разные преимущества, например, возможность сменить за ночь направление движения.

Лучше всего парфянскую тактику демонстрирует знаменитая битва при Каррах (53 до н.э.), поэтому следует рассмотреть ее более детально.

Перед сражением Красс выстроил свое войско следующим образом: он разделил его на 3 части по 24 когорты в каждой; половина из этих когорт была развернута фронтом вперед, половина назад, образуя тем самым плотно сомкнутый четырехугольник. Между этими тремя частями и на флангах стояла конница и легкие войска. Одним крылом командовал Красс Младший, другим – Кассий, (будущий организатор убийства Цезаря), центром – сам Красс. В таком порядке римляне достигли реки Велик (Белисс), на берегу которой измученные воины смогли утолить жажду. После кратковременного отдыха Красс продолжил марш с более высокой скоростью.

Парфянский полководец Сурена хотел внезапно атаковать римлян, для чего спрятал в укромном месте тяжелую кавалерию, покрыв плащами и шкурами блестящие доспехи катафрактариев. Далее, согласно сочинению Плутарха: «Когда римляне подошли ближе, парфяне ударили в литавры, и, сбросив свои покрывала, блестящие эскадроны, освещенные лучами солнца, неожиданно предстали перед глазами противника. Их кирасы и каски горели огнем. Перед фронтом их появился Сурена, превосходивший ростом и красотой всех парфян, на своем чудном боевом коне; ему было только 30 лет, но он уже приобрел блестящую славу выдающимися подвигами храбрости».

Оценив глубину строя и стойкость римской пехоты, Сурена не стал начинать сражение лобовой атакой тяжелой кавалерии, а решил сначала измотать римлян. Он приказал легкой коннице окружить неприятеля со всех сторон. Красс выслал вперед своих лучников, но парфяне, выпустив град стрел, прогнали их обратно. Далее парфянские конные лучники осыпали римлян издали тучами стрел, которые пробивали щиты и латы, причиняя глубокие раны. Римляне оказались в тяжелом положении: как только они начинали наступление, парфяне отступали, не прекращая лучную стрельбу, когда легионеры отступали на прежнее место, парфяне

сразу же наступали на них, продолжая стрельбу. Плотный обстрел шел непрерывно: когда передние всадники выпускали все стрелы, их заменяли другие, а они отходили назад к подвижному обозу со стрелами на верблюдах и пополняли свои колчаны.

Желая ослабить вражеский обстрел, Красс послал отряд своего сына в атаку, чтобы отогнать парфян подальше от римских позиций. Отряд Публия Красса Младшего, состоящий из 1.000 галльских и 300 римских всадников, 500 лучников и 8 когорт пехоты, стремительно атаковал парфян, которые обратились в ложное отступление. Молодой Публий бросился преследовать отступавшего неприятеля и совершенно отделился от главных сил. В этот момент, парфяне остановились, далее их тяжелая конница преградила римлянами дорогу, а легкая – окружила со всех сторон. Оказавшись в окружении, римляне сомкнули свои ряды и стали отбиваться. Парфяне начали осыпать их ливнем стрел, опустошая ряды легионеров. Когда Красс Младший призвал своих воинов к атаке, они показали ему свои руки и ноги, пригвожденные стрелами к щитам и земле. Однако галльская кавалерия сумела атаковать парфянских катафрактариев. Галлы сражались с замечательной храбростью: одни всадники, видя бесполезность своих коротких копий, хватали руками длинные копья парфян и рывками стаскивали их на землю, где они были обездвижены из-за тяжести вооружения, другие соскакивали с лошадей, пробирались пешими в ряды парфян и, поражая лошадей в живот, сваливали их вместе со всадниками на землю, при этом сами нередко гибли задавленными. Римляне, видя, что все их героические усилия безрезультатны и нет никакой возможности соединиться со своими главными силами, собрались на вершине холма и построились в круг, тесно сомкнув щиты для защиты от стрел (прил. 8). Лошади были поставлены в середину круга, но все было тщетно. В итоге весь отряд в ходе храброго и упорного сопротивления был

полностью уничтожен в течение 2-3 часов: из 6.000 отборных воинов 5.500 было убито, в их числе был и командир отряда Красс Младший.

Гибель отряда сильно ударила по боевому духу измотанных римлян, особенно повлияв на Марка Красса, когда он увидел голову своего сына, насаженную ликующими парфянами на копье. Парфяне с еще большим напором и яростью стали атаковать главные силы римлян. Последние отчаянно сопротивлялись, но ничего не могли сделать противнику, поражавшему их стрелами или длинными копьями. Бой длился весь день и окончился только ночью, когда парфяне отошли далеко назад для бивуачной стоянки. Римляне непременно воспользовались этим и начали отступление в соседний г. Карры.

На следующую ночь они продолжили отступление, но с рассветом были атакованы парфянами. С большими усилиями и людскими потерями им удалось укрепиться на вершине холма. Тогда Сурена начал переговоры о сдаче, во время которых Красс был убит. В итоге этого похода, из 40.000 человек, форсировавших Евфрат, 20.000 было убито, 10.000 взято в плен и только четвертая часть вернулась обратно в Сирию.

Интересную оценку военно-политических последствий поражения римлян при Карах дал известныйканадский военный историк Дж. Денисон: «…сражение принудило римлян относиться с уважением к парфянам, так как они были единственным препятствием, встреченным при распространении владычества на востоке. Поражение Красса произвело в Риме глубокое впечатление. Римские писатели со злобой видели в парфянах единственных соперников Рима в главенстве над всем миром. И, действительно, в течение одного года римские легионы были оттеснены до Эгейского моря и Геллеспонта, и владычество над Сирией и Малой Азией перешло в руки парфян. Таковы были результаты небольшой разницы в тактике и оружии войск двух великих государств». Наряду с этим Дж. Денисон высоко оценивал данное сражение с тактической точки зрения:

«Трудно найти в военной истории другой пример сражения, выигранного исключительно конницей, без всякого содействия других родов оружия. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на вполне правильное понимание со стороны парфян двух важных факторов: превосходства в быстроте движения и в дальности поражения метательного оружия».

Сасанидская империя, ставшая политическим преемником павшего Парфянского царства, постепенно вывело военное искусство своего предшественника на более высокий уровень. Основатель сасанидской династии Ардашир I Папакан провел военную реформу, в ходе которой, путем возрождения ахеменидской военной организации с привнесением в неё элементов парфянской военной системы и их адаптированием в соответствии с требованиями времени, была сформирована новая армия нового государства.

Сначала, приход Ардашира к власти в Иране, обернулся гонениями и притеснениями парфян, в ходе которых была уничтожена значительная часть парфянской знати, ранее составлявшей основу военной мощи династии Аршакидов. Но вскоре гонения на парфян были прекращены, т.к. оставшиеся парфянские роды были лояльны к новой династии и являлись реальной военной силой, способной усилить могущество Сасанидов, путем службы в кавалерии. Позднее, при приемниках Ардашира, парфянские роды усилили свои политические позиции, став опорой престола, не только в Иране, но и в соседних вассальных царствах: в Кавказской Албании правил парфянский род Михранидов, а в Армении у власти были младшие Аршакиды.

Созданная Ардаширом сасанидская армия была иррегулярной, представляя собой объединенное ополчение личных дружин отдельных феодалов, которое созывалось шахом только во время войн и распускалось по их окончанию. Но, она значительно отличалась от армии Ахеменидов: в последней основу войска составляла пехота, а в армии Сасанидов –

тяжелая кавалерия. Последняя комплектовалась из представителей знати и их личных дружин тяжеловооруженных всадников, а также дополнительно рекрутированных отрядов легкой кавалерии. Катафрактарная кавалерия являлась главной ударной силой сасанидской армии. Комплектовалась она исключительно из представителей феодального сословия азатов (дворян), которые с ранних лет обучались верховой езде на лошади, владению мечом и другим воинским искусствам. Ранние сасанидские катафрактарии мало отличались от своих парфянских предшественников, как по внешнему виду и комплексу вооружений, так и тактике. Это было обусловлено тем, что костяк тяжелой кавалерии составляли парфянские феодалы признавшие власть Сасанидов.

Пехота, слоны и пешие лучники, хотя и были представлены в армии Сасанидов, но имели весьма второстепенное значение, особое не влиявшее на ход боевых действий. Пехота обладала низкой боеспособностью и не могла противостоять ни римской, ни византийской пехоте, ни кавалерии восточных соседей Сасанидов, поэтому играла вспомогательную роль. Слоны хоть и имелись в войске, но больше использовались как психическое оружие. Они не представляли серьёзную угрозу для противников, т.к. римляне и другие соседи Сасанидов за века смогли выработать весьма эффективную тактику борьбы со слонами.

Новый этап развития Сасанидской армии связан с военными реформами шаха Хосрова Ануширвана, за счет которых империя достигла наибольшего расцвета. Хосров преобразовал Сасанидские вооруженные силы в регулярную и профессиональную армию. Оставаясь конной по своей сути, она достигла более высоких качественных показателей и благодаря профессионализму своих воинов представляла большую угрозу для врагов Ирана. Комплектование нового войска производилось не только за счет знати, но и за счет обычных свободных людей и мелких землевладельцев. Это позволило расширить мобилизационные потенциал

армии, увеличить ее численность и возможности быстрого восполнения людских потерь. Всего было сформировано 12 полков тяжелой регулярной кавалерии (асваран), равномерно рассредоточенных по всей империи. Обеспечение войска оружием, амуницией, жалованием, продовольствием и другими видами снабжения велось за счет шахской казны. Обучение воинских кадров велось с юношеских лет в специальных тренировочных заведениях, напоминавших систему кадетских корпусов и располагавшихся по месту дислокации соответствующих кавалерийских полков.

Снаряжение регулярной тяжелой кавалерии сильно походило на воинскую амуницию парфян, но в дальнейшем было усовершенствовано. Так пластинчатые доспехи сначала были заменены чешуйчатыми, а затем кольчужной броней. В отличие от парфянской тяжелой кавалерии, сасанидские катафракты использовали щиты. Как и парфяне, они имели лук со стрелами, но в качестве атрибута дополнительного вооружения, т.к. тактика сасанидских катафрактариев не предусматривала использование лука в момент атаки. Для того чтобы подчеркнуть эти отличия сасанидских всадников от парфянских, некоторые авторы, называли их клибанариями.

Помимо регулярных полков тяжелой кавалерии, сасанидские шахи имели в распоряжении личную дружину – Гвардию Бессмертных, которая в отличие от своих ахеменидских предшественников, являлась кавалерийским войском.

Наряду с тяжелой кавалерией в армии Сасанидов была легкая кавалерия (конные лучники), являвшаяся парфянским наследием. Сасаниды четко осознавали ее незаменимую роль для поддержки тяжелой кавалерии в бою. Во все периоды легкая кавалерия оставалась иррегулярным войском, частично комплектовавшимся парфянами, частично союзниками Сасанидов. Отряды легкой и тяжелой кавалерии в персидскую армию поставляли правители Армении, Кавказской Албании и

Маскутской орды. После женитьбы Хосрова Ануширвана на дочери тюркского кагана Истеми, тюрки также часто поставляли кавалерию в шахское войско.

Кавалерия Сасанидов являлась единственной реальной силой в Иране, поэтому шахи уделяли ей особое внимание. Она обладала высоким уровнем боеспособности, достаточным для ведения борьбы на равных с превосходящими силами соперников. Сасанидские клибанарии оказали решающее влияние на развитие тяжелой кавалерии у византийцев и арабов. Причиной упадка персидской кавалерии и подрыва мощи Сасанидов было истребление феодального сословия в ходе внутренних междоусобиц, что лишило ее людских ресурсов.

Далее рассмотрим военное искусство таких представителей азиатского воинства, как сарматы и аланы, которые в отличие от своих азиатских «коллег» враждовали не только с Римом, но и с государствами Закавказья и Передней Азии, интегрируя Северный Кавказ в большую имперскую игру на Ближнем Востоке. Сарматы и аланы стали грозой и бичом Подунавья, Закавказья и всего Ближнего Востока во многом благодаря своему военному искусству, которое для своего времени было на высоком уровне развития. Сарматскую (аланскую) стратегию, тактику и вооружение в большей или меньшей степени переняли скифы, боспорцы и даже такие великие воины, как римляне. Греческие колонисты редко конфликтовали с сарматами, поэтому в трудах греческих историков содержится мало сведений относительно их военного искусства. Однако римляне часто сталкивались с сарматским и аланским воинством, поэтому римские историки довольно подробно осветили их военное дело.

Военный прогресс сарматов был тесно связан с развитием приемов ближнего боя, следствием чего было появление длинных сарматских мечей. Мечи и копья стали главным оружием сарматских воинов, а лук и стрелы – вспомогательным. Длина сарматского меча составляла 70–110 см.

Характерной для него конструктивной особенностью было наличие закругленного навершия рукоятки. Сарматский меч появился сначала в Нижнем Поволжье, а затем распространился по всем степям, т.к., в отличие от скифского акинака, был значительно удобнее в конном рукопашном бою. Сарматские стрелы привлекли большое внимание многих античных авторов: Теофраста, Овидия, Павсания, Клавдия Элиана и др. Все они утверждали, что сарматы смачивали наконечники своих стрел змеиным или растительным ядом. При этом одни яды сразу убивали человека, а другие заставляли его умирать от истощения. Помимо всего этого сарматские и аланские воины имели аркан, использовавшийся для захвата пленных или для сбрасывания всадника с коня.

Из защитного вооружения сармато-аланы использовали панцири, сделанные из кожи и костяных накладок. Интересное описание процесса их изготовления оставил греческий писатель и географ Павсаний (II век): «Панцири делают они следующим образом: каждый из них держит много лошадей…. Лошадей они употребляют не только для войны, но и приносят в жертву туземным богам и употребляют в пищу. Их копыта они собирают, очищают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной чешуи. Кому не случалось видеть змеи тот, наверное, видел еще зеленые сосновые шишки, итак с бороздками, виднеющимися на сосновых шишках можно, пожалуй, безошибочно сравнить то, что делают из копыт. Эти пластинки они просверливают, сшивают лошадиными и бычьими жилами и употребляют в качестве панцирей, которые ни красотой, ни крепостью не уступают эллинским, они выдерживают даже удары и раны, наносимые в рукопашной».

Главным оружием сарматов и алан были лошади. Античные авторы при описании сарматской конницы акцентировали внимание на ее выносливости и благородстве. Сарматские кони могли проходить за день до 150 миль (220 км). Для дальних походов всадники имели сменных

лошадей, что позволяло не переутомлять лошадь и поддерживать высокую скорость марш-бросков. Римский писатель Плиний Старший оставил описание системы подготовки сарматских лошадей к набегу: «Сарматы, собираясь в долгий путь, накануне не кормят лошадей, а дают им лишь немного попить, и таким образом они, сидя верхом, продвигаются непрерывно на расстояние 150 миль…». Благодаря всему этому кавалерия сарматов и алан могла преодолевать значительные расстояния и совершать молниеносные набеги.

Основную массу сарматского и аланского войска составляла конница, подразделявшаяся на легкую и тяжелую. Численность легкой кавалерии была значительно выше, чем тяжелой. Легковооруженные всадники были вооружены луками и стрелами, а тяжеловооруженные – копьем, мечом, кинжалом, а также доспехами. Наличие конницы как главного рода войск имело свои достоинства и недостатки. С одной стороны это значительно повышало мобильность сармато-аланского войска, а с другой стороны – ограничивало его проходимость и сезонность. Лошадям необходим был фураж, поэтому сарматы вынуждены были привязывать маршруты своих набегов к пастбищам, а также не могли эффективно вести военный действия зимой из-за недостатка фуража.

Помимо конницы сармато-аланское войско включало пехоту, игравшую вспомогательную роль и применявшуюся в редких случаях. Корнелий Тацит писал, что сарматы «крайне трусливы в пешем бою; но, когда появляются конными отрядами, вряд ли какой строй может им противиться». Вооружение пехоты ничем не отличалось от оружия легкой кавалерии. Обычно пехотинцы набирались из покоренного оседлого населения.

По форме комплектования сарматское войско представляло собой народное ополчение, которое собиралось только в случае войны, а после ее окончания распускалось. При этом в качестве добровольцев выступали не

только мужчины, но и женщины, что послужило основой для греческих легенд об амазонках. Каждый воин должен был сам себя обеспечивать оружием, доспехами, лошадьми и продовольствием. Отсюда большое внимание уделялось военной добыче, за счет которой можно было улучшить свой оружейный комплект.

Скифская тактика основывалась преимущественно на дистанционном бое: конные лучники осыпали противника залпами стрел и, приблизившись к нему, отступали обратно, чтобы повторить обстрел; и так несколько раз до тех пор, пока не удавалось обратить врага в бегство. В основе сармато-аланской тактики, в отличие от скифской, лежал рукопашный бой: сражение начинала легкая конница, осыпавшая неприятеля дождем стрел, чтобы расстроить его ряды, затем следовал копейный удар тяжелой кавалерии, сразу переходивший в рукопашную схватку. В случае, когда сарматы и аланы хотели нанести внезапный удар с молниеносной скоростью, они атаковали неприятеля без предварительной лучной стрельбы. Этот момент засвидетельствовал Тацит: «Они все подстрекают друг друга не допускать в битве метания стрел, а предупредить врага сильным натиском и вступить в рукопашную; ...сарматы, оставив луки, которыми они не могли действовать так далеко, бросались на них (парфян – А.О. и Ю.И.) с копьями и мечами».

Обычно нанесение решающего удара проводила немногочисленная аристократическая гвардия, которая являлась главной ударной силой сармато-алан, определявшей исход сражения. Знатные всадники с выставленными вперед копьями врезались во вражеские порядки и орудовали длинными мечами, не сходя с коней. Атаку поддерживал, шедший вслед за всадниками-аристократами второй эшелон, составленный воинами-лучниками с короткими мечами. Остальные лучники, не имевшие клинкового оружия, не принимали участия в рукопашной схватке, т.к. они были бесполезны. В их обязанности входило обеспечение обхода

противника с флангов и его преследование, а в случае неудачи прикрытие отступающих ударных отрядов.

Традиционно сармато-аланы начинали сражение с внезапного нападения на противника. Но если это не удавалась, начало боя нередко предваряли поединки между военачальниками или сильнейшими богатырями. Исход поединка оказывал сильное моральное воздействие на все войско и мог даже определить исход всего сражения. Поэтому многие предания пестрят детальными описаниями этих поединков, при этом последние часто описываются гораздо подробнее, чем сама битва.

Аланы практиковали несколько видов атак: лобовые, фланговые, тыловые и комбинированные. Базовым тактическим приемом была лобовая атака по центру вражеского строя с целью его прорыва. Однако самой эффективной была комбинированная атака: параллельно с лобовой атакой, с помощью охватывающего маневра наносились удары по вражеским флангам, а затем путем обходного маневра наносился удар в тыл неприятеля. Поэтому сармато-аланы редко полагались на один лишь лобовой удар. В случае необходимости сармато-аланы прибегали к серийным атакам: когда первый копейный удар не давал результата, они несколько раз повторяли атаки или отдельными отрядами, или целиком всей массой, пока противник не обращался в бегство. Данный момент был отмечен Тацитом при описании битвы соединенного сармато-иберо-албанского войска с парфянами в 35 г. Аналогичный момент был отмечен у Флавия Арриана. Сам факт проведения серийных атак отдельными подразделениями свидетельствует о наличии у сарматов и алан неплохо развитой войсковой координации.

Когда неприятелю удавалось отбить атаки сармато-алан, они обращались в ложное отступление, некогда широко применявшееся скифами. Далее вражеское войско бросалось в преследование, расстраивая свои ряды. В этот момент аланские всадники мгновенно разворачивали

своих лошадей и стремительно контратаковали противника, расстроенные массы которого не выдерживали удара и обращались в бегство. Таким образом, благодаря военной хитрости сарматы и аланы превращали поражение в победу. Данная метода была отмечена еще сказаниях Нартского эпоса. Часто во время ложного отступления отступающие аланы использовали «скифские» выстрелы: отступающие всадники разворачивались в седле на 180^0 и стреляли из луков в преследователей, при этом меткость стрельбы была достаточно высокой. Римский историк Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) отмечал для аланских всадников «скифская» стрельба была весьма удобной, т.к. неприятель в этом случае не мог укрыться от стрел.

Иногда «скифский» выстрел применялся сармато-аланами для изматывания неприятеля с целью повышения вероятности успеха последующего лобового удара. Всадники лавой внезапно атаковали противника, осыпая его дождем стрел, отступали обратно, продолжая обстрел, и снова атаковали его. Это действие повторялось несколько раз, до тех пор, пока неприятель не расстраивал свои боевые порядки. При наступлении этого момента, элитарные аланские части, расположенные в центре войска, стягивались в конный кулак и наносили решающий удар по противнику. Подобный случай был упомянут епископом Амвросием Медиоланским при описании аланского набега на Армению в 72 г.

Несмотря на иррегулярный характер сармато-аланского войска, боевой строй был не чуждой ему традицией. Для решения конкретной боевой задачи, с учетом особенности противника и ландшафта местности, принялись определенные виды построений.

Для разгрома глубоко построенного на ровной местности вражеского войска аланы использовали кавалерийскую фалангу, которая позволяла сконцентрировать всю силу многочисленной массы всадников в один мощный удар. Первую шеренгу и крайние ряды на флангах составляли

тяжеловооруженные всадники (с копьем и длинным мечом), лошади которых были защищены доспехами. Это было обусловлено тем, что именно на них приходилась основная тяжесть ударного контакта, чреватого большим риском ранений и увечий. Вторую шеренгу составляли всадники, одетые в панциры, но их лошади не были защищены доспехами, поскольку в этом отсутствовала необходимость. Кавалеристы были вооружены мечами и длинными копьями (контосами), которые приходилось держать двумя руками одновременно. Таким копьем можно было колоть только вперед. Третья, четвертая и следующие за ними шеренги состояли из легковооруженных всадников, которые вводились в пробитую брешь или при необходимости вели рассыпной бой, отвлекая внимание неприятеля от тяжелой кавалерии. Но последняя, помимо оружия ближнего боя, была вооружена луками и в случае неудачной атаки, могла рассыпаться и отстреливаться от неприятеля. Замена погибших в строю происходила не путем выдвижения вперед позади стоящего, как в пехоте, а смыканием рядов – в случае гибели всадника, кавалеристы на ходу справа и слева сближались друг с другом, закрывая брешь.

Позднее кавалерийскую фалангу позаимствовали у сармато-алан часто воевавшие с ними византийцы. Однако византийская конная фаланга, в отличие от аланской, была неглубокого строя: она состояла из четырех шеренг, что делало ее более мобильной и удобоуправляемой, а следовательно – более эффективной в бою.

Приоритет рукопашного боя и развитие ударной тактики привело к появлению у сармато-алан клинообразного строя. В отличие от фаланги, он имел много преимуществ: он не имел слабых мест на линии фронта, был реализуем на пересеченной местности, не требовал больших кавалерийских масс и сложных действий в процессе построения. Наличие клина у сарматов и алан отмечало несколько авторов: Флавий Арриан, Аммиан Марцеллин и Лукиан Самосатский. Клинообразный строй

позволял усилить мощь лобового таранного удара и разрезать вражеский строй надвое. Данный момент детально описал греческий писатель Лукиан Самосатский: «После долгого и упорного сражения наши стали поддаваться, фаланга начала расстраиваться и, наконец, все скифское войско было разрезано на две части, из которых одна обратила тыл, но так, что поражение не было явным и ее бегство казалось отступлением; да и аланы не осмелились далеко преследовать; другую часть, меньшую, аланы и махлии окружили и стали избивать, бросая отовсюду тучи стрел и дротиков, так что наш окруженный отряд оказался в очень бедственном положении и многие стали уже бросать оружие».

Схема расположения воинов в клине была такая же, как и в фаланге: в первой шеренге и по краям, т.е. на лицевой стороне клина, становились тяжеловооруженные воины, за ними следовали всадники с контосами (контофорами), а центр занимали легковооруженные конники. В шеренгах клина могло находиться только четное или только нечетное количество бойцов. Например, в первом ряду – шесть воинов, во втором – восемь, в третьем – десять, в четвертом – двенадцать и т.д. Затем это число повторялось в каждой последующей шеренге по всей глубине строя.

Сарматы и аланы стали серьезными противниками для Римской империи. Доказательством, тому служит факт создания в римской армии специального пособия для борьбы с ними и заимствования римской кавалерией некоторых тактических приемов аланской конницы.

На Ближнем Востоке и Кавказе Азиатская цивилизация преградила дальнейшее продвижение Рима на Восток, поэтому эти регионы превратились в перманентную фронтовую линию. С одной стороны выступил Запад в лице римлян, а с другой – Восток в лице парфян, персов, сарматов и алан. Эти народы представляли собой мощнейшее воинство всей Азии. Их военная система носила следующие черты: иррегулярный характер вооруженных сил, главенство кавалерии над пехотой, приоритет

дистанционного боя над ближним, универсальный функциональный характер конницы, слабое деление армии на рода и виды войск, преобладание индивидуальных действий над коллективными, низкий уровень дисциплины и единоначалия, отсутствие унифицированного вооружения и слабое применение боевого строя. Таким образом, произошло столкновение двух совершенно разных военных систем – западной и восточной, поэтому противоборство парфян, сарматов и алан с Римом было чрезвычайно напряженным, кровопролитным и затяжным. В этом противостоянии обнажились недостатки военной системы парфян, вызванные иррегулярным характером их армии. Парфяне пытались их устранить, но не успели этого сделать. За них это сделали Сасаниды создавшие регулярную армию, позволившую придать борьбе с Римом новый импульс и на равных сражаться с его легионами. Скорее всего, здесь присутствовало римское влияние: Сасаниды прекрасно осознали, что главное преимущество римлян заключается в регулярной основе их вооруженных сил, а недостатки военной системы парфян вызваны ее отсутствием. Поэтому одной из главных причин появления регулярной сасанидской армии является римское влияние. Это и есть одна из форм проявления межцивилизационного контакта и взаимообогащения в военной сфере сторон, представляющих собой разные культурные пространства.

3.3. Катафрактарная революция в античном военном искусстве

Длительное противостояние военных систем Греко-Римской и Азиатской цивилизаций на Кавказе и Ближнем Востоке, превратило данные регионы в межцивилизационный фронтир – пограничье между двумя разными цивилизациями, где они контактируют друг с другом и, взаимопроникаясь, формируют новое синкретическое культурное образование. При этом контакты могут быть самыми разнообразными: военными, политическими, экономическими, межэтническими, культурными, религиозными и т.д. Этим новым синкретическим образованием, являвшимся продуктом долгого римско-иранского противостояния, стала катафрактарная кавалерия. Постепенное ее развитие и усовершенствование вылилось в масштабную военную (катафрактарную) революцию, изменившую облик римского и азиатского воинства. Сначала рассмотрим ее предысторию.

Могущество и величие цивилизации проявляется не только в культурной или политической сфере, но прежде всего в военной. Ибо свои цивилизационные ценности необходимо не только защищать с оружием в руках от враждебных посягательств представителей иных миров, но и доказывать им их величие, нередко путем насильственной прививки. Греция, как родоначальница Западной цивилизации, доказала величие своих культурных ценностей во многом благодаря главному достижению гоплитской революции – пехотной фаланге (прил. 4-1). Именно в этой стране началось великое возрождение пехоты, которая на протяжении столетий во всех странах Азии была запущенным родом войск, служанкой кавалерии. В Греции были все условия для пехотного ренессанса. Ее природно-климатические условия и гористый ландшафт препятствовали развитию коневодства, которое было развито только в двух областях – Фессалии и Беотии. Большинство древних греков-эллинов проживало в сравнительно небольших городах-государствах (полисах), где каждый

свободный человек был гражданином, а каждый гражданин – потенциальным воином, защитником своего полиса. Главной ударной силой здесь стала тяжелая пехота – гоплиты. Стандартный оружейный набор гоплита составляли шлем, панцирь, поножи, большой круглый щит, короткий меч и два копья. Для осуществления передвижений и умелых действий в этих доспехах, масса которых достигала 30 кг., требовалась хорошая физическая подготовка. В связи с этим физическое совершенство в Греции было возведено в высокую культурную ценность, стимулировавшую греков тратить много времени и сил на атлетику.

Гоплиты вступали в бой в тесно сомкнутом строю из нескольких шеренг, встречая врага щетиной длинных копий, будучи хорошо защищенными тяжелыми доспехами, делавшими пехотинцев малоуязвимыми для стрел и копий. Этот боевой порядок назывался фалангой, которая стала символом революции в военном искусстве. Она сражалась в ближнем (рукопашном) бою. Лук со стрелами не пользовался большой популярностью в Греции и считался атрибутом слабых и изнеженных созданий, типа гомеровского Париса, не способного сражаться с настоящими мужами в честном поединке на мечах. Главной проблемой было сохранение строя во время движения. Для этого каждый воин имел твердо закрепленное за ним место и клялся «не покидать товарища, с которым будет идти рядом в строю».

Вскоре настала эпоха греко-персидских войн (V в. до н.э.), на фронтах которой молодая Греческая цивилизация столкнулась с могущественной Азиатской. В сражениях при Марафоне, Фермопилах и Платеях греческая фаланга показала себя грозным и высокоэффективным оружием, которое подобно волнорезу рассекало многочисленные персидские армии. Результат оказался обескураживающим: маленькая страна, разделенная на множество отдельных и часто враждующих между собой полисов, нанесла поражение огромной империи, вобравшей в себя

все ресурсы Передней Азии. Фаланга превратилась в верного защитника, стоявшего на страже Свободы Греции. Победа греков над персами развеяла миф о непобедимости кавалерии, стимулировав начало заката эпохе ее многовекового господства на поле боя. Греческие гоплиты стали весьма желанными во многих азиатских странах и даже в самой Персии, поэтому их массово нанимали на службу.

Далее последовали междоусобные войны греческих полисов, в ходе которых фиванский полководец Эпаминонд изобрел новый тактический принцип – массирование сил в точке атаки. Он перенес его на фалангу, которая теперь, вместо старого равномерного боевого порядка, стала использовать косой строй: один из флангов усиливался путем углубления строя, т.е. придания дополнительных шеренг, и превращался в ударный кулак (прил. 4-1). Во время боя этот фланг наносил сокрушающий удар, который невозможно было остановить из-за мощного резерва в виде дополнительных шеренг. Благодаря этому строю фиванцы смогли дважды разгромить доселе непобедимую спартанскую фалангу и, одержав победу в войне, вывести Беотийский союз на первые позиции в греческом мире.

Вскоре наступила эпоха Александра Македонского и его грандиозно-фантастического похода в глубины Азии. Персидская конница снова терпела одно поражение за другим и была бессильна перед македонской фалангой, которая была намного совершенней, чем классическая гоплитская фаланга. Македонская фаланга имела более глубокий строй и удлиненную щетину копий, которые стали намного длиннее – до 5-7 м., отчего приходилось их держать двумя руками (прил. 4-2). Несмотря на то, что Александр высоко ценил и лично предпочитал конницу, крах великой Персидской империи окончательно скомпрометировал кавалерию, поэтому в армиях эллинистических государств она играла вспомогательную роль. Главное внимание уделялись фаланге. Пехота торжествовала над

конницей, а фаланга на несколько столетий стала господствующей силой во всех эллинских армиях.

Но пехотная революция не остановилась на фаланге, а пошла еще дальше. Новый, еще более мощный, импульс ее развитию придали римляне, которые умели побеждать, но еще лучше умели хорошо учиться, в т.ч. у побежденных. В это время развитие военного дела резко замедлилось и шло в тупик. Различные страны и народы слепо копировали греческую фалангу без каких-либо изменений. Сражения сводились к простому столкновению фаланг. Тактика все больше становилась шаблонной. В этой ситуации массового тактического копирования преимущества фаланги отошли на второй план, а на первый вылезли ее недостатки. Она имела крайне уязвимые фланги и тыл, поэтому если противнику удавалось проникнуть в ее тыл, длинные копья гоплитов и их сомкнутый строй из преимущества обращались в недостаток: фаланга просто не успевала развернуться и была обречена на уничтожение. В Греции данный недостаток компенсировали тем, что ставили на фланги легкую пехоту и конницу, которые их прикрывали.

Римляне, также пользовавшиеся пехотной фалангой, пошли намного дальше своих «братьев по общему оружию». Видоизменив фалангу, они создали новый вид построения тяжелой пехоты – легион, ставший символом нового этапа развития пехотной революции (прил. 2). Легион состоял из отдельных подразделений, действовавших в бою самостоятельно, но координируемых в рамках боевой задачи общей для всего войска. Вооружение легионера было значительно легче и удобнее для ближнего боя, чем оружие гоплита, при этом надежно защищало его. Благодаря этим моментам легион был намного маневреннее фаланги и более эффективен в бою. Помимо этого боевая мощь легиона многократно увеличивалась за счет превосходной выучки, дисциплинированности, отработанной организации, гибкой тактики и хорошо поставленной

системы тылового обеспечения. Благодаря всему этому легион долгое время оставался непобедимым, а вместе с ним по-прежнему непобедимой оставалась пехота.

Но усиление продвижения Рима на Ближний Восток, а вместе с ним и греко-римской цивилизации, положило начало многовековому противостоянию Запада и Востока. Кавказ и Ближний Восток превратился в военный полигон, на котором столкнулись разные народы, одни из которых (боспорцы, селевкиды, римляне) были носителями западной военной системы, а другие (сарматы, парфяне, персы) – восточной. В этом столкновении, азиатская система, базировавшаяся на кавалерии, показала свою неэффективность и испытала острый тактический кризис. Срочно потребовалось найти антикризисное средство для выхода из тактического тупика и оно было найдено в виде катафрактариев.

Катафрактарии – это особый вид тяжелой кавалерии, где всадники с ног до головы были закованы в броню и действовали в тесно сомкнутом строю. Специфической чертой катафрактариев, определявшей их сущность, было наличие тяжелого оборонительного доспеха, как у самого всадника, так и у его лошади. Само название произошло от древнегреческого наименования всаднического доспеха – «катафракта».

Доспех всадника состоял из шлема, металлического панциря, набедренника, а также защитных приспособлений для рук (наручи) и ног (поножи). Шлем был конической формы с металлической маской или бармицей, защищавшей лицо. Тело всадника защищал пластинчатый или чешуйчатый панцирь. Парфянские катафрактарии применяли чешуйчато-пластинчатый доспех, в котором грудь прикрывалась крупными прямоугольными вертикальными пластинами. Для защиты рук использовали чешуйчатые рукава панциря или металлические ламинарные наручи из широких поперечных полос, кольцами охватывающими руку. Ноги всадника закрывали ламинарные поножи. В некоторых случаях для

защиты рук и ног могли использовать наручи и поножи изготовленные из кожи.

Конский панцирь был сделан из кожи, с нашитыми на нее металлическими пластинами. Изначально самым распространенным был панцирь из перекрывающих друг друга железных чешуек, нашитых на кожаную подкладку. Иногда вместо чешуек использовались металлические пластины. В начале новой эры на смену чешуйчатым пришли комбинированные доспехи, в которых чешуйки и пластины сочетались с кольчугой. Голова лошади защищалась чешуйчатой маской, а грудь в некоторых случаях – выпуклыми круглыми пластинами. Но конский панцирь не был обязательным элементом снаряжения катафрактарии, поэтому на многих изображениях их лошади не имеют доспехов.

Главным наступательным оружием катафрактария было длинное копье (4-4,5 м), которое античные авторы прозвали «контосом». Данный момент отмечался Плутархом: «Ведь вся сила этой броненосной конницы – в копьях, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она словно замурована в свою тяжелую негнущуюся броню». Удары контоса могли пронзить насквозь сразу двух человек. Из-за большой длины и массивности, копье надо было держать двумя руками. Гелиодор описал технику боевого применения контоса: «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед, само копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копье не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударов часто пронзая двоих». Дополнительно катафракт

имел на вооружении длинный меч, кинжал и лук со стрелами, но все они играли вспомогательную роль и использовались в экстренных случаях.

Другими словами, у катафрактариев было три специфических атрибута, отличавших их от обычной тяжелой кавалерии: наличие тяжелого защитного доспеха у всадника, длинной пики и конского доспеха. Стоит отметить, что вооружение сарматских, парфянских и сасанидских катафрактариев не имело принципиальных отличий. Единственное, доспех персидского клибанария был более совершенным и полностью покрывал все тело всадника, а не только его уязвимые места; конский доспех также был сложнее, но легче по массе и был более широко распространенным. Однако эти отличия не носили качественного характера.

Особенности вооружения катафрактариев обусловили специфическую систему их применения в бою. Тактическим назначением катафрактариев был прорыв и рассечение вражеских рядов, что обусловило следующий принцип действия: всадник на полном скаку стремился поразить врага колющим копейным ударом, при этом бег коня увеличивал силу удара, и в стремительном натиске на вражескую пехоту катафрактарию часто удавалось одним ударом пронзить двоих воинов; далее, если ему удавалось глубоко вклиниться во вражеские массы, он доставал меч и рубил их.

Но банальная лобовая атака катафрактариев была заранее обречена на провал: каждый всадник своей пикой мог пронзить не более двух бойцов, а остальные ряды были вне досягаемости, поэтому не могли быть опрокинуты наскоком. Поэтому удар предварял длительный обстрел конных лучников (легкой кавалерии), изматывавший противника и нарушавший его строй. Только после этого следовали атаки катафрактариев, наносивших последний удар и прорывавших вражеские ряды. Обычно за волной катафрактариев следовала легкая кавалерия или

спешенные всадники, которые устремлялись в пробитую брешь и развивали прорыв, полностью рассеивая неприятеля. Поэтому боевая мощь катафрактариев в полной мере раскрывалась только при взаимодействии с легкой кавалерией.

Ярким примером такого взаимодействия служит выше описанная битва при Каррах. Парфяне, оценив глубину построения римского войска и опасаясь больших потерь, быстро отказались от первоначального замысла прорвать вражеские ряды атакой катафрактариев. Вместо этого они охватили римлян полукругом и стали методично расстреливать их из луков, одновременно пытаясь обойти крыло Красса Младшего и зайти в тыл основному войску. Катафрактариев выпускали только тогда, когда надо было отразить контратаки римлян или оттеснить их на невыгодные позиции. При этом, помимо лобовых атак, катафракты могли проводить охват противника или комбинированную атаку, сочетавшую прорыв с охватом.

Однако у катафрактариев был один существенный недостаток, который определял специфику их действий и отличал их от обычной тяжелой кавалерии. Обычные тяжеловооруженные всадники могли действовать в индивидуальном порядке: после удара их отряды сразу рассыпались и каждый конник самостоятельно проводил рукопашный бой, не согласовываясь с остальными. Тогда как катафрактарии могли сражаться только коллективно, сообща, в составе цельных подразделений. Причиной тому была большая тяжесть доспеха, из-за которой воины были крайне неповоротливы, что делало их сильно уязвимыми по отдельности. Так, например, Тацит писал, что тяжелые панцири катафрактариев «действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удается повалить человека в таком панцире на землю, то подняться сам он уже не может». Зная это, противники пытались отбить катафрактов от их отряда и свалить на землю.

Избежать этой опасности можно было за счет тесно сомкнутого строя, который наилучшим образом реализовал преимущества их вооружения и сводил до минимума его недостатки (ограниченную подвижность и слабую маневренность). Поэтому катафрактарии всегда атаковали противника тесно сомкнутым строем, в этом случае они представляли грозную силу, ибо были почти неуязвимы для стрел и хорошо защищены от вражеских копий и мечей. Тацит отмечал непреодолимую мощь их атаки: «Когда они появляются конными отрядами, вряд ли какой строй может им сопротивляться». При этом форма боевого построения, в зависимости от конкретной задачи и тактических особенностей неприятеля, могла быть разной: парфянские катафрактарии предпочитали атаковать конной фалангой, тогда как аланские – клином (прил. 8).

Каковы были условия, вызвавшие появление и развитие катафрактариев? По мнению А.М. Хазанова, подробно исследовавшего данный вопрос, этому способствовали три фактора:

1. Народы, которые в течение длительного времени воевали с греками и римлянами, должны были выработать эффективное оружие против македонской фаланги и римского легиона, но т.к. они представляли Восток, где традиционно конница преобладала над пехотой, такое оружие могло быть создано только путем реформы кавалерии, а не создания пехоты аналогичного образца.

2. Процесс развития военного искусства у кочевников евразийских степей и в Иране шел по линии усиления роли ближнего боя и приспособления к нему наступательного и оборонительного оружия кавалерии, что привело к увеличению удельного веса тяжелой конницы, а т.к. противник имел сильную пехоту, эта тенденция развития превращалась в необходимость и ускоряла свои темпы, приводя к трансформации обычной тяжелой кавалерии в катафрактарную.

3. Наличие тесных культурных и этнических связей между кочевниками Восточной Европы, Средней Азии и Южной Сибири, с одной стороны, и земледельческими районами Средней Азии и Ирана, с другой, привели к тому, что любое новшество в области вооружения или тактики быстро распространялось на весьма обширной территории. Отсюда у сарматов, алан, парфян, персов и др. народов прослеживается общность многих типов оружия и тактических принципов.

Таковы были три главных фактора, приведшие к появлению катафрактарной конницы. Конечно, в разное время и у разных народов действие каждого из них, взятого в отдельности, было неодинаково, хотя они и привели к сходным результатам.

Впервые катафрактарии появились у сарматов, поэтому их родиной следует считать Сарматию. В ходе многочисленных столкновений с эллинским и римским воинством, военное искусство сарматов показало свое бессилие против главного военного достижения греко-римского мира – пехотной фаланги. Данный момент был отмечен Страбоном: «…роксоланы, несмотря на то, что выказали себя народом воинственным, но против стройной и хорошо вооруженной фаланги всякое войско оказывалось слабым, слишком легко вооруженным, и роксоланы, которых было около 50.000, не могли устоять против 6.000 выстроенных под предводительством Диофанта, полководца Митридатова, и большая часть войска их погибла». Это привело к тактическому кризису сарматского воинства и усиленному поиску новых тактических приемов и вооружения для выхода из него. Хорошо усвоив суровые уроки своих поражений, сарматы в течение I в. до н.э. и I в. н.э. провели военную реформу, итогом которой стало создание катафрактариев (прил. 5).

Катафрактарии составляли меньшую часть сарматского, а позднее аланского, войска, но играли решающую роль в сражении. С их появлением начались серьезные изменения в устройстве сарматского

общества. Со временем катафрактарии превратились в отдельное привилегированное сословие со своей идеологией и особым образом жизни, а чуть позже закрепили за собой господствующее положение в сарматском обществе. Для вхождения в состав этого военного сословия, недостаточно было принадлежать по рождению к старой военной знати, необходимо было пройти все этапы становления профессионального воина (овладение воинскими искусствами и духовное очищение). Следование духовно-нравственному кодексу, верность друзьям и полководцам, радостное стремление навстречу опасности и войне – все это составляло набор высших жизненных ценностей сарматского воина-аристократа.

Появление катафрактариев стимулировало переход к новой военной организации, позволившей окончательно преодолеть систему родоплеменного разделения. Новые воины были спаяны уже не родством, а воинским братством и верностью своим полководцам. Эта новая сарматская знать – военное сословие тяжеловооруженных всадников – возглавила объединение разрозненных племенных союзов в аланский этнос, ставший историческим преемником сарматов и вобравший в себя все их наследие.

Аналогичным образом появляются на свет парфянские катафрактарии, развивавшиеся в тесном контакте с сарматскими, о чем свидетельствует большая близость сарматского и среднеазиатского вооружения, иногда доходящая до полной идентичности. Причина сходства парфянского, сарматского и оружия народов Средней Азии, объясняется тесными связями Парфии с кочевым миром. Как уже было сказано выше, парфяне, придя в Иран, принесли с собой вооружение и тактику, которые сложились на их среднеазиатской родине.

Изначально конница, как главная сила парфянского войска, была преимущественно легковооруженной, что делало ее крайне уязвимой в противостоянии с эллинистической пехотой. Хотя парфяне выигрывали

войны с Селевкидами, что в значительной степени было обусловлено внутренней неустойчивостью селевкидского государства, но в отдельных сражениях их кавалерия часто терпела поражения. Неудачей закончилось и первое столкновение с Римом. Сначала парфяне предприняли попытку создать по примеру эллинистических государств наемную тяжелую пехоту, но она оказалась ненадежной (наемники в бою переходили на сторону противника) и поэтому идея создания боеспособной пехоты была отброшена.

Однако потребности борьбы с пехотой Селевкидов, а затем римлян все более настойчиво требовали реорганизации парфянского войска. И она была проведена путем реформы кавалерии. В период со II – нач. I вв. до н.э. парфяне создают специализированную тяжелую конницу и постепенно вырабатывают искусство ее наилучшего применения в бою. Она создавалась на базе отборных воинских частей, укомплектованных представителями аристократической среды, которые были лучше всех вооружены и чаще практиковали рукопашный бой. Вооружив всадников усовершенствованным наступательным и оборонительным оружием, а их лошадей конским доспехом, парфяне трансформировали эти полки в катафрактарную кавалерию (прил. 6). Ее главной и единственной задачей стала атака противника и прорыв его линии в ближнем бою. Одновременно шла отработка тактических приемов и поиск наилучших способов взаимодействия между катафрактариями и легкой конницей. Парфяне не сразу научились правильно использовать этот новый вид оружия на поле боя, поэтому сначала они терпели поражения. Аналогичная ситуация была и с армянскими катафрактариями, разгромленными войсками Лукулла в битве у Тигранакерта. Но Парфия учла этот печальный опыт и основательно подготовилась к вторжению Красса; в битве при Карах отработанная тактика катафрактариев проявила себя отлично, обеспечив громкую победы над непобедимым римским воинством.

Сасаниды, будучи преемниками Парфянского царства, продолжили этот процесс и вывели катафрактарную революцию на более высокий уровень. У парфян вся кавалерия была иррегулярной, тогда как у Сасанидов после военной реформы шаха Хосрова Ануширвана появилась регулярная катафрактарная кавалерия. Она была постоянной и не распускалась после окончания военных действий, ее полки имели постоянной место дислокации в мирное время. Уровень дисциплины и вертикали управления был значительно повышен: вся полнота власти главнокомандующего была в руках шаха или назначаемых им лиц. Обеспечение и выплата жалования всадникам производилась из государственной казны. Было стандартизировано и поставлено на регулярную основу система воинского обучения: всадники с юного возраста обучались в специально созданных военно-учебных школах, расположенных по месту дислокации каждого полка. Социальный состав мобилизационной базы был значительно расширен: призывники теперь набирались из знати, а также из числа мелких землевладельцев и свободных крестьян. Это позволили значительно увеличить численность сасанидских катафрактариев, которая было гораздо выше, чем в парфянской армии.

Полный оружейный комплект персидского тяжелого всадника включал следующие элементы: шлем, кольчуга с высоким воротником для защиты шеи, нагрудник, латные рукавицы, набедренники, длинное копьё, меч, боевой топор, колчан с двумя луками, двумя тетивами и 30 стрелами, дротик, иногда аркан и праща, конные доспехи.

Сначала снаряжение сасанидских катафрактов не отличалось от парфянского и изготавливалось в аналогичном стиле, но со временем оно было усовершенствовано. Пластинчатые доспехи вскоре были заменены сначала чешуйчатыми, а затем кольчужной броней. Также как и парфяне, персы заковывали в броню не только всадника, но и лошадь. Однако

сасанидские тяжелые всадники, в отличие от парфянских, были с головы до ног закованы в комбинированный пластинчато-чешуйчатый доспех. Поэтому некоторые авторы, чтобы подчеркнуть это отличие, называли их «клибанариями», а не катафрактариями (прил. 7). По утверждению британского историка П. Конноли, катафрактарий и клибанарий это несколько разные вещи и их следует отличать друг от друга, хотя у многих авторов эти два термина часто употребляли как синонимы. На наш взгляд, действительно было бы корректнее называть персидскую тяжелую кавалерию клибанариями, т.к. она отличалась от парфянских иррегулярных катафрактариев не только более полным вооружением, но и регулярной основой. Само название было образовано от греческого слова «клибанос» (греч. κλίβανος) – «металлическая печь», следовательно, слово «клибанарий» переводится как «носитель металлической печи» и четко отражает тяготы, которые испытывал всадник, сражавшийся в тяжёлых доспехах под палящим солнцем.

Клибанарии, являвшиеся прообразом настоящего танка, оставляли неизгладимое впечатление у очевидцев, поэтому античные источники сохранили их яркие описания. Одно из них содержится в сочинениях Свиды: «…все они сидели на своих лошадях, как статуи, к их конечностям были подогнаны доспехи, которые точно соответствовали формам человеческого тела. Они покрывали руку от запястья до локтя, а оттуда до плеча, в то время как пластинчатая броня защищала плечи, спину и грудь. Голова и лицо были покрыты шлемом с металлической маской, которые делают их носителя выглядящим как статуя, потому что даже бедра и ноги и самые кончики ног покрыты доспехом. Он соединен с панцирем прекрасным кольчужным плетением, наподобие ткани, так что ни одна часть тела ее остается видимой и непокрытой, потому что это плетеное покрытие защищает руки и так гибко, что носители его могут даже сгибать пальцы». Другое интересное описание персидской тяжелой кавалерии

оставил Аммиан Марцеллин: «То были закованные в железо отряды; железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегало к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что то видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание».

Сасаниды успешно использовали клибанариев против римской пехоты. На протяжении долгого времени они были гарантом величия и могущества Сасанидской империи, контролировавшей почти всю Переднюю Азию. Впоследствии соседние державы – Византийская империя и Арабский халифат – создали свою конницу по образу сасанидской кавалерии.

В итоге, катафрактарии стали мощным ответом Восточной цивилизации на военную экспансию Западного мира, опиравшегося на несокрушимую мощь римских легионов. С их помощью, Азиатский мир, в лице парфян, персов, сарматов и алан, смог дать суровый отпор продвижению Римской империи на Восток. Поражение Красса было самым тяжелым ударом, нанесенным римскому оружию со времени битвы при Каннах. После этого парфянские катафрактарии неоднократно теснили некогда несокрушимые римские легионы (прил. 8, 9). Таким образом, парфянская армия, несмотря на наличие ряда недостатков, превратилась в единственную действенную в мире силу, способную на равных противостоять римской военной машине. Позже в I в. сарматские катафрактарии несколько раз громили римлян на дунайской границе их империи, прорываясь сквозь пограничные кордоны и опустошая целые провинции. В битве с катафрактариями доселе непобедимый римский тяжелый пехотинец-легионер лишался большинства своих преимуществ. Тяжелая конница оказалась единственным родом войск, способным не

эпизодически, а постоянно противостоять легиону. В итоге борьба римлян с парфянами, персами, сарматами и аланами перешла в плоскость затяжного военного противостояния, которое превратило Кавказ и Ближний Восток в зону межцивилизационного фронтира. Если легион был высшим достижением античной военной мысли в отношении пехоты, то катафрактарии были тем же в отношении кавалерии. В итоге, к IV в. произошел очередной переворот в истории военного дела – катафрактарная революция привела к преобладанию тяжелой конницы над тяжелой пехотой.

Горький опыт поражений от парфянских катафрактов впервые познакомил Рим с тяжелой кавалерией восточного образца и подтолкнул его к исправлению недостатков своей военной системы, путем усиления конницы и легкой пехоты с метательным оружием. В 38 г. до н.э. римское воинство, возглавляемое Вентидием, нанесло первый ответный удар по Парфии. Вентидий, четко осознавая необходимость противопоставления парфянским стрелам метательного оружия равной дальности и силы, сформировал отборный отряд пращников. Используя последних, в сочетании с искусным применением окопов и ловкого маневрирования ему удалось разгромить парфян. Победа Вентидия нанесла решительный удар парфянам и задвинула их царство в прежние границы, позволив римских орлам снова парить от Атлантического океана до Евфрата.

Успешный опыт данного похода способствовал дальнейшему усилению кавалерии и пращников в римской армии. Так, например, последние получили вместо камней куски свинца, которые имели большую дальность и силу удара. Поэтому когда Марка Антоний вторгся в Парфию, в его войске было 10.000 галльских и испанских всадников, 6.000 всадников армянских всадников, 30.000 легкой пехоты и конницы азиатских союзников. Общая численность его войска достигала 113.000 человек, из которых 30.000 – 35.000 являлись кавалеристами. Несмотря на

столь значительную силу, поход окончился неудачно. Сначала парфяне окружили и полностью истребили 10.000-й отряд Статиана, а затем уничтожили римский обоз с осадными орудиями, вынудив Антония снять осаду их столицы и начать отступление. Римская армия отступала под постоянными нападениями парфянской конницы и потеряла около 40.000 человек.

В дальнейшем римляне провели еще четыре экспедиции в Парфию, из которых только одна, Авидия Кассия, окончилась вполне удачно. При императорах Траяне и Севере римлянам удавалось огнем и мечом пройти по всей стране и даже временно занять столицу, но они никогда не могли утвердиться на этой земле и из-за этого почти всегда отступали. А отступление из Парфии было равносильно катастрофе, ибо как только оно начиналось, со всех сторон появлялись вражеские всадники, которые охватывали разъезды, препятствовали фуражировкам и не давали ни минуты покоя, засыпая градом стрел.

Параллельно все эти события индуцировали серьезные изменения в римской военной системе, где постепенно приоритет стал отдаваться кавалерии. Сначала римляне выработали для своих пехотинцев-легионеров специальные приемы борьбы с катафрактами. Но этого было недостаточно, поэтому в римской императорской армии постоянно растет удельный вес кавалерии, в т.ч. и тяжеловооруженной. В период II – III вв. этот процесс становится особенно активным.

Изначально кавалерийские части в римской армии рекрутировались из варваров или жителей восточных провинций (например, сирийские сагиттарии). Так, во времена ранней Римской империи (эпоха принципата) основную часть конницы составляли галльские всадники, единообразно вооруженные и организованные в алы под руководством римских префектов. Нумидийцы и другие легкие конники действовали по своим обычаям и своим оружием, но под руководством префектов. Стоит

отметить, что нумидийцы славились как лёгкая кавалерия, метающая дротики и невероятно мобильная. Галлы, иберы и германцы использовались как ударная кавалерия. В охране императора имело от 1000 до 2000 всадников-батавов.

Во II в. появляются конные отряды, состоящие из романизованных жителей, которые сражались на варварский манер и варварским оружием. Таким, например, был отряд «ala Ulpia contaricorum civium Romanorum», где всадники был вооружены длинными копьями и применяли сарматскую тактику в борьбе с квадами. При Траяне после парфянских походов появилась первая ала дромедариев, которые получили своё название от верблюда дромедара. Они набирались в пустынных провинциях восточной части Римской империи для замены легкой кавалерии в условиях пустыни, где верблюд был более приспособленным. Дромедарии преимущественно использовались для разведки, а иногда и в сражениях против вражеской конницы, т.к. лошади приходили в ужас от верблюжьего запаха. В основном они использовались для охраны пустынных участков границ Римской империи.

Вскоре в составе римской армии появляются отряды катафрактариев, роль которых еще более возросла в III – IV вв. Их, как и Сасанидских тяжеловооруженных всадников, античные авторы называют клибанариями. Первая регулярная часть катафрактов появилась при Адриане (прил. 10). Для эффективной борьбы с кавалерией персов, сарматов и других народов император Галлиен централизовал управление различными кавалерийскими частями. Наряду с этим для более эффективной защиты границы им была создана целая конная армия из далматов и мавров (легкие кавалеристы, вооруженные легкими пиками и доспехами), эквитов саггитариев (конных стрелков), эквитов скутаторов (всадников со скутумами), эквитов стаблезианцев (конные легионеры из охраны наместников провинции) и отдельно действующей легионной

конницы (промотов). Несколько позже реформа принесла хорошие плоды: далматы отразили вторжение готов в Иллирию после гибели армии императора Деция. При императоре Аврелиане численность клибанариев в римской армии значительно увеличивается. В его правление, далматы вместе с мавританской конницей сумели разбить пальмирских (сирийских) катафрактов Зенобии. Галерий использовал сарматских катафрактариев в качестве личной стражи вместо преторианцев и опирался на них во время персидского похода. Позднее Диоклетиан включил некоторые из этих отрядов в состав комитаторов, а остальные оставил на границе. В это же время был сформирован конный эскорт императора, а при Константине были созданы гвардейские конные отряды, полностью заменившие преторианцев. Тогда же усиливалась роль конных стрелков и катафрактариев как ответ на персидскую и германскую конницу.

В IV в. римский военный теоретик Флавий Вегеций Ренат, оплакивая упадок классической легионарной пехоты, отмечал сильно возросшую роль катафрактариев и улучшение их вооружения. Доспехи для римских клибанариев изготовлялись на специально созданных государственных фабриках в Антиохии, Кесарии, Никомедии и других местах. Конница стала почетнее и лучше оплачиваемее пехоты.

Флавий Вегеций и некоторые другие античные авторы с предубеждением относились к клибанариям, потому что у последних, наряду с преимуществами, были еще и недостатки, которые нередко проявлялись в сражениях с варварами. Вот какую характеристику римской тяжелой кавалерии дал Вегеций: «…вследствие тяжёлого вооружения, которое они носят, защищены от ран, но вследствие громоздкости и веса оружия легко попадают в плен: их ловят арканами; против рассеявшихся пехотинцев в сражении они пригоднее, чем против всадников. Однако поставленные впереди легионов или смешанные с легионарной конницей, когда начинается рукопашный бой грудь с грудью, они часто прорывают

ряды врагов». Недостатки клибанариев во многом были связаны с техническими причинами: отсутствие стремян затрудняло использование копейных таранных ударов, применявшихся при конной атаке на пеший строй; производство доспехов было весьма трудоёмким и дорогостоящим занятием, поэтому не позволяло увеличить численность клибанариев. Помимо этого сказывалась и неотработанность тактики. Так, например, в битве у Мильвийского моста, когда Максенций бросил в бой свою тяжёлую конницу, пехотинцы Константина просто расступились перед ней и, заманив всадников в середину строя, забили их дубинами. Другим недостатком клибанариев была их трусость в бою, из-за которой римская пехота оказывалась на грани разгрома. Так, например, было в битве под Аргенторатом (Стразбургом), когда после бегства катафрактов пехота осталась один на один с превосходящими по численности германцами, но не растерялась и одержала победу. Аналогичная ситуация была в битве при Адрианополе в 378 г., когда пехота римлян после бегства конницы была окружена и уничтожена. После Адрианополя римляне активно использовали конных федератов – гуннских конных лучников и готских конных копейщиков.

После падения Западной Римской империи и Великого переселения народов, в эпоху Раннего Средневековья, катафрактарии не исчезли, а продолжали существовать в лице византийской и арабской тяжелой конницы, которые являлись прямыми наследницами парфяно-сарматских катафрактариев. Но в евразийских степях, бескрайние просторы которых выводили на первый план скорость и маневренность, началась новая военная реформа кавалерии, приведшая к исчезновению катафрактариев (VI в.). Кочевники, за счет широкого применения технических новшеств – стремян и жестких седел, кольчуги вместо панциря и сабли вместо меча – значительно усовершенствовали и облегчили снаряжение всадника, позволив ему эффективнее управлять лошадью и увереннее чувствовать в

ближнем бою. За счет этого появился новый вид кавалерии, представлявший собой нечто среднее между тяжелой и легкой кавалерией предшествующего времени. Получив новое мощное оружие, кочевники (авары, арабы, венгры) обрушили неиссякаемый поток своих нашествий на Западную Европу. Это давление стимулировало тенденцию развития тяжелой кавалерии в среде европейских народов, которая привела к появлению воина нового типа – рыцаря, ставшего символом средневековой Европы. По мнению С.П. Толстова, средневековый рыцарь являлся отдаленным потомком античного катафрактария, но, в отличие от него, был более специализированным воином. Таким образом, «античность выдумала кентавра, раннее средневековье сделало его господином Европы».

В заключение отметим, что катафрактарная революция стала ярким порождением многовековой борьбы между римлянами с одной стороны и парфянами, персами, сарматами и аланами с другой. Это не просто продукт длительной борьбы сверхдержав Античного мира, это продукт длительного контакта представителей Западной и Восточной цивилизаций в военной сфере. Катафрактарная кавалерия родилась у сарматов в столкновении с эллинистической фалангой, а у парфян – с римским легионом. Постепенно, усовершенствовав свою тактику, парфянские и сарматские катафрактарии стали давать римским легионерам суровый отпор. Сасанидские персы еще дальше продвинулись в деле их усовершенствования, превратив катафрактарную конницу в регулярное войско, которое представляло серьезную угрозу для римского воинства. В итоге, этот процесс обнажил недостатки военной системы римлян и вынудил их создать собственную катафрактарную кавалерию. После римлян это достижение позаимствовали германцы, активно контактировавшие с сарматами. Сначала тяжелая кавалерия появилась у готов и вандалов, а потом и у других народностей. В долгом

противоборстве с римскими легионами германская конница значительно усовершенствовалась, став полноценной тяжелой кавалерией, на базе которой появилось рыцарское воинство. Другими словами, достижения катафрактарной революции составили задел для появления рыцарской кавалерии.

Заключение

Истоки восточной политики Рима были обусловлены стечением внутренних и внешних факторов. Подготовительным этапом к ее началу были Македонские и Сирийские войны: первые позволили Риму подчинить своему влиянию Грецию, на базе которой был создан стратегический плацдарм для продвижения в Малую Азию, а вторые – освободить политическое пространство Ближнего Востока от Селевкидской державы-конкурента, являвшейся сильнейшим государством Восточного Средиземноморья.

Вскоре политический вакуум Ближнего Востока стали быстро заполнять восточные державы новой волны – Понтийская, Армянская и Парфянская. При этом экспансия Понтийского царства, нагнетаемая Митридатом VI Евпатором, столкнулась с римскими великодержавными интересами в Греции и привела к Митридатовым войнам. Последние явились стартовым началом восточной политики Рима, т.к. именно они привели к непосредственному продвижению римлян на Ближний Восток и ярко продемонстрировали их имперские амбиции в данном регионе. Митридатовы войны вылились в крупномасштабный конфликт, в который были втянуты практически все государства и народы Ближнего Востока. Наращивание военных действий привело римлян в Закавказье, где местные государства от Черного до Каспийского моря – Колхида, Иберия, Армения и Кавказская Албания, – были превращены в вассалов Рима, став безопасной внешней окраиной его зоны влияния. Именно в это время римляне в лице Гнея Помпея предприняли попытку подчинения своей власти практически всего северо-восточного Средиземноморья и Закавказья.

Другой стороной Митридатовых войн, ставшей одним из факторов усиления римской экспансии на Восток, были средиземноморские пираты. Их действия ясно показали, как сильно Рим зависит от морских

коммуникаций и какую огромную роль играли морские поставки в удовлетворении его жизненных потребностей. Их нарушение автоматически вело к ухудшению жизни римского общества, обострению внутренних гражданских противоречий и другим социально-экономическим потрясениям. Для обеспечения безопасности жизненно важных морских коммуникаций римлянам необходимо было контролировать все Средиземное море и закрепиться на всей линии его побережья, другими словами – превратить его во внутреннее море. Это обстоятельство стало мощным фактором стимуляции экспансионистской политики Рима на Восток. В процессе ее реализации, римляне после победы над пиратами и Митридатом окончательно превратили Средиземное море в Римское.

Начало римской восточной политики, как и ее последующее многовековое продолжение, было масштабным, тяжелым и напряженным. Здесь проявилась одна из основных черт как внешнего, так и внутреннего политического процесса на Ближнем Востоке, которая актуальна и на сегодняшний день: все страны этого региона органично и тесно взаимосвязаны друг с другом в географических, политических, экономических, этнических и культурных плоскостях, поэтому если в одной стране начнется какой-либо процесс, он обязательно притянет к себе, как магнит, внимание соседних государств и небольшая политическая проблема обязательно разрастется как снежный ком. То же самое касается и Закавказья, которое постоянно затягивают в свое лоно имперские игры на Ближнем Востоке, превращая его из географической окраины в эпицентр ожесточенной политической борьбы. Поэтому в разрешении любого дела на Ближнем Востоке огромную роль играла и продолжает играть дипломатия и коалиционная политика.

Со времен Митридатовых войн внешняя политика Рима на Ближнем Востоке постоянно наращивала свои обороты. С одной стороны одной из

главных причин этого ускорения, было автоматическое вмешательство Рима в ходе своей восточной экспансии в клубок острых межгосударственных и межэтнических противоречий ближневосточного региона, а с другой – столкновение Римской державы, расширявшейся на Восток, с Парфянским Ираном, который расширялся на Запад. Оба государства представляли собой сверхдержавы соответственно Западного и Восточного миров с огромным военно-политическим потенциалом, который необходимо было реализовывать в силу инерции имперского процесса. В итоге произошоло столкновение двух мощных держав, а Ближний Восток превратился в арену длительного и тяжелого противоборства.

Основным театром этой борьбы стало Закавказье, а точнее Армения, располагавшаяся на пограничном стыке двух империй. Желая иметь между собой буферную зону, Рим и Парфия сохранили Армении формальную независимость в качестве вассала. Далее конфликты начинались по одинаковому сценарию: державы вмешивались во внутреннюю жизнь страны, желая возвести на армянский престол своего ставленника; из-за этого начинался конфликт, перераставший в открытую войну; на территорию Армении с запада вторгались римляне, а с востока парфяне (затем сасаниды), превращая ее в театр военных действий. Постепенно поле боя разрасталось, как снежный ком, затягивая в свое лоно Мидию, Месопотамию, Сирию и Каппадокию. Так повторялось на протяжении как минимум четырех веков. При этом Колхида, Иверия (Иберия) и Кавказская Албания, находясь на окраине пограничного стыка сверхдержав, избежали участи Армении. Они не превратились в поле сражений, но стали полигоном дипломатических и коалиционных маневров Ирана и Рима, т.к. стабильность в этих краях гарантировала безопасность тыла и флангов имперских армий.

В общем, римско-иранская борьба шла с переменным успехом, но римлянам не удалось окончательно сокрушить эту страну и закрепиться на ее территории, как и Ирану не удалось достичь аналогичных успехов. Максимальные успехи ограничивались только глубокими вторжениями во вражескую территорию и временным подчинением пограничных территорий, о чем ярко свидетельствуют блестящие походы императора Траяна и Каракаллы. Наиболее критической фазы римско-парфянское противоборство достигало в моменты внутренних междоусобиц в Риме или Иране, чем незамедлительно пользовалась одна из сторон. Таким образом, Парфянский, а затем Сасанидский Иран, будучи на фазе подъема своего могущества, стал главной силой, сдерживающей на протяжении столетий проникновение Рима, а вместе с ним и всей Греко-Римской цивилизации, в глубины Азии. Из-за него римлянам не удалось повторить грандиозный Восточный поход Александра Македонского, ибо в его времена Персия находилась в фазе упадка и сильного ослабления, чем удачно воспользовался великий воитель Греции.

В этих условиях, когда Закавказье превратилось в арену постоянных и ожесточенных столкновений Рима и Ирана, Северный Кавказ с его колоссальным воинственным потенциалом не мог оставаться в стороне. Нужно было только открыть шлюзы и выпустить свирепое аланское воинство на просторы Ближнего Востока, что и было сделано иберийскими (картлийскими) царями, выпустившими алан на международную арену через Дарьяльское ущелье. Таким образом, был запущен «маховик» аланских набегов, опустошавших Армению, Мидию, Месопотамию и Каппадокию. Для алан Закавказье превратилось в надежный плацдарм для вторжений в богатые страны Передней Азии, сулившие огромную добычу. Со временем аланы затянули в свои походы все северокавказские народы (зихов – предков черкесов, дурдзуков – предков вайнахов, леков – предков дагестанцев), что превратило их набеги в настоящие нашествия. Аланы

стали новым серьезным участником имперских игр на Ближнем Востоке, нередко угрожавшим мировым державам.

В процессе наращивания римско-парфянского противостояния, а вместе с ним и внешней политики Рима на Ближнем Востоке, особую стратегическую роль приобрела Каппадокия. Римляне, создав на ее территории Кавказский лимес и разместив несколько легионов, превратили эту провинцию в главный военный плацдарм против Ирана. Кавказский лимес представлял собой вытянутую с юга на север кордонную линию крепостей от Мелитены до Питиунта и подразделялся на два территориально-функциональных участка – Каппадокийский и Понтийский. Каппадокийский (южный) участок предназначался для защиты одноименной провинции, а также всего северо-восточного пограничного сектора Римской империи. Его значимость постоянно возрастала в связи с усложнением обстановки в Армении, которой часто приходилось балансировать между Римом и Парфией, и усиливающимися аланскими набегами с Северного Кавказа. Понтийский (северный) участок представлял собой линию римских военных укреплений вдоль восточного Причерноморья, предназначенную для обеспечения контроля над Колхидой, ставшей закавказской римской провинцией Лазика, защиты северо-восточных границ империи от угрозы аланских нашествий, а также для запечатывания единственного морского окошка Закавказья и превращения Черного моря во внутреннее Римское море. Другими словами, Понтийская линия стала символом римского присутствия в Закавказье. Гарнизон Кавказского лимеса, а точнее его Каппадокийского участка постоянно наращивался и достигал нескольких легионов, чего не было ни в одной другой восточной провинции. Его ключевые узлы – Мелитена и Сатала – превратились в места базирования трех легионов: XII Громоносного, XVI Флавиева и XV Аполлонова. Во время военных действий они, вместе с другими легионами из внутренних римских

провинций, активно участвовали в наступательных операциях на территории Армении, Месопотамии, Парфии, Сирии и Иудеи, а в мирное время – охраняли северо-восточные границы Римской империи. Таким образом, Кавказский лимес превратился в опору римского присутствия в Малой Азии и Закавказье, а также в стратегический плацдарм внешней политики Рима на Ближнем Востоке.

На Ближнем Востоке и Кавказе Азиатская цивилизация преградила дальнейшее продвижение Римской державы на Восток, поэтому эти регионы превратились в перманентную фронтовую линию, а Восточные войны Рима (римско-парфянские, римско-сасанидские, римско-сарматские) вылились в грандиозное столкновение двух совершенно разных военных систем – западной и восточной, в ходе которого каждая проявила свои преимущества и недостатки.

С одной стороны выступили римляне, несшие стяг Западной цивилизации. Но сначала военное могущество последней держалось на плечах греческих фалангитов, которые под руководством Александра Македонского принесли свои ценности и культуру в Азиатский мир Ближнего Востока. Римские легионеры стали олицетворением могущества Западного мира несколько позднее и повторно принесли ценности греко-римской культуры на Ближний Восток. Римляне продолжили процесс развития основ военного дела, заложенных еще греками и македонцами, и вывели его на качественно новый уровень. В итоге была создана новая военная система, отражавшая особенности Западной цивилизации и ставшая на протяжении столетий ее верным мечом и щитом. Ее основными чертами были: регулярный и профессиональный характер вооруженных сил, главенство тяжелой пехоты, приоритет ближнего боя над дистанционным, глубокая воинская специализация, многочисленные рода и виды войск, преобладание коллективных действий над индивидуальными, высокий уровень дисциплины и единоначалия,

стандартизация вооружения и широкое применение боевого строя, наличие системы воинского обучения и подготовки. Легион, за счет расчлененного и трехлинейного строя, обладал куда большей мощью в отличие от неуклюжей греческой фаланги: он был значительно подвижнее, мог маневрировать на поле боя и действовать на пересеченной местности. Ударная мощь легиона была многократно выше, чем у фаланги: фаланга могла наносить только один сильный удар, после чего она расстраивалась и была недееспособна, а легион – как минимум три удара с возрастающей мощью. Все это дополнительно усиливалось благодаря римской системе воинского обучения, которая была более совершенной, чем спартанская. В итоге, все эти факторы позволили Риму, как фундаменту Западной цивилизации, стать властелином Античного мира и распространить греко-римский образ жизни на все Средиземноморье.

С другой стороны выступили парфяне, персы, сарматы и аланы, представлявшие собой мощнейшее воинство всей Азии. Их военная система носила другие черты: иррегулярный характер вооруженных сил, главенство кавалерии над пехотой, приоритет дистанционного боя над ближним, универсальный функциональный характер конницы, слабое деление армии на рода и виды войск, преобладание индивидуальных действий над коллективными, низкий уровень дисциплины и единоначалия, отсутствие унифицированного вооружения и слабое применение боевого строя.

Таким образом, произошло столкновение двух совершенно разных военных систем – западной и восточной, поэтому противоборство парфян, сарматов и алан с Римом было чрезвычайно напряженным, кровопролитным и затяжным. В этом противостоянии обнажились недостатки военной системы парфян, вызванные иррегулярным характером их армии. Парфяне пытались их устранить, но не успели этого сделать. За них это сделали Сасаниды создавшие регулярную армию,

позволившую придать борьбе с Римом новый импульс и на равных сражаться с его легионами. Скорее всего, здесь присутствовало римское влияние: Сасаниды прекрасно осознали, что главное преимущество римлян заключается в регулярной основе их вооруженных сил, а недостатки военной системы парфян вызваны ее отсутствием. Поэтому одним из главных стимулов появления регулярной сасанидской армии является римский опыт.

В горниле этого многовекового межцивилизационного конфликта родилась катафрактарная революция, изменившая облик сначала восточного, а затем и западного воинства. Катафрактарная революция это не просто продукт длительной борьбы сверхдержав Античного мира, это продукт длительного контакта представителей западной и восточной цивилизаций в военной сфере. Катафрактарная кавалерия родилась у сарматов в столкновении с эллинистической фалангой, а у парфян – с римским легионом. Постепенно, усовершенствовав свою тактику, парфянские и сарматские катафрактарии стали давать римским легионерам суровый отпор. Сасанидские персы еще дальше продвинулись в деле их усовершенствования, превратив катафрактарную конницу в регулярное войско, ставшее серьезной угрозой для римского воинства. В итоге, это привело к обнажению недостатков военной системы римлян и вынудило их обзавестить собственными катафратариями. После римлян это достижение позаимствовали германцы, активно контактировавшие с сарматами. Сначала тяжелая кавалерия появилась у готов и вандалов, а потом и у других народностей. В долгом противоборстве с римскими легионами германская конница значительно усовершенствовалась, став полноценной тяжелой кавалерией, на базе которой появилось рыцарское воинство. Другими словами, катафрактарная революция явилась формой проявления межцивилизационного контакта и взаимообогащения сторон в

военной сфере, в ходе которого произошло перевоплощение античного воинства и зарождение основ средневекового рыцарства.

Это обстоятельство Восточных римских войн четко демонстрирует тот факт, что Ближний Восток и Кавказ являются межцивилизационным фронтиром – линией, где происходит активное соприкосновение и контакт Западной (Европейской) и Восточной (Азиатской) цивилизаций, в ходе которого рождается новый синкретический «продукт», вобравший в себя наилучшие достижения двух совершенно разных пространств. В военной сфере этим «продуктом» стала катафрактарная революция, изменившая облик азиатского (парфянского, персидского, сарматского), а затем римского воинства и способствовавшая формированию европейского рыцарства. Но это было только в военной сфере, тогда как фронтир параллельно присутствовал в политической, экономической, социальной и культурной сферах, также порождая новые синкретические категории. Данная тема представляет большой научно-исследовательский интерес, а самое главное она актуальна в современных условиях мировой глобализации, поэтому требует отдельного глубокого исследования.

Не менее интересные выводы на базе данной работы можно сделать и в отношении кавказского региона. Восточная политика Рима и западная политика Ирана превратили Кавказ в геополитической центр Ближнего Востока, хотя географически он был расположен на его окраине. Но специфика ландшафта в виде Большого Кавказского хребта обусловила разделение функциональных ролей: Закавказье (Южный Кавказ) превратилось в поле боя и полигон для больших политических маневров сверхдержав, а Северный Кавказ – в активного участника этих игр, угрожавшего сверхдержавам.

Многовековое римско-иранское противостояние имело глубокие исторические последствия для государств и народов Закавказья. Так, Армения, расположенная прямо на стыке Римской империи и Парфянского

царства, превратилась в главную арену борьбы, одновременно выступая полигоном политических игр сверхдержав с царским престолом и театром военных действий. Вследствие этого, Армения, недавно бывшая Великой, из-за хронических вторжений римлян, парфян, персов-сасанидов и алан превратилась в разоренную страну с призрачной царской властью. В таких критических условиях суверенная национальная армянская государственность не могла развиваться, поэтому, в конце концов, она погибла под натиском внешних завоевателей. Тогда как армянский народ смог выжить. Мало того, пройдя через это горнило, он выработал эффективный стереотип этнического поведения, который в будущем неоднократно помогал ему выживать и осваиваться в любых условиях. Интересным образом по этому поводу выразился А. Епифанцев: «Стереотипами армянского поведения являются – любовь к семье, к работе и к церкви – вот армянское триединство: три фактора, которые спасли нацию от уничтожения. В то же самое время фактор государственного поведения у армян развит слабо, т.к. на протяжении около 600 лет армянская нация не имела государственности, и сейчас современный армянин не особо ощущает своей принадлежности к Республике Армения либо к какому-то государству вообще – при необходимости он довольно спокойно меняет страну и место жительства. Он, скорее, ассоциирует себя с некоей условной, исторической Арменией, выразителем ценностей которой он себя считает».

Иберия (Иверия), благодаря своему геополитическому расположению, пошла по другому пути. Хоть эта страна и находилась рядом с Арменией, она располагалась не на прямом стыке Римской и Парфянской держав, а на его окраине. Поэтому Иберия не превратилась в поле боя и получила благоприятные условия для развития своей государственности. Другой выгодной стороной географии Иберии являлось близкое расположение Дарьяльского ущелья, позволявшего

картлийским царям использовать колоссальный воинственный потенциал народов Северного Кавказа. Искусно направляя набеги алан на Армению, Парфию и римские провинции, или просто манипулируя угрозой их вторжения в ходе дипломатических игр, иберийские правители успешно решали внешнеполитические проблемы своего государства. В итоге, картлийские цари сконструировали высокоэффективное средство внешнеполитической борьбы, представлявшее собой органичное сочетание искусной игры на противоречиях сверхдержав (Рима и Ирана) и угрозы аланских набегов, которое позволило им не только сохранить суверенную государственность Иберии, но и усилить ее мощь. Таким образом, у иберов, в отличие от армян, выработался эффективный стереотип не этнического, а государственного поведения. Кстати, современные потомки иберов – грузины, весьма успешно пользуются этим наследием предков, что свидетельствует о его высокой эффективности и жизнеспособности.

Список источников и литературы

1. Абегян М. История древнеармянской литературы. – Ер., 1948.
2. Аврелий Виктор. О Цезарях // http://ancientrome.ru/antlitr/aur-vict/caesar-f.htm
3. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. / Сост., введ. и ком. В.К. Гарданова. – Нальчик, 1974.
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003.
5. Альфан Луи. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. – М.-СПб., 2006.
6. Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.
7. Аполлодор. Полиоркетика (искусство осады городов) // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.
8. Аппиан Александрийский. Римская история // http://ancientrome.ru/antlitr/appian/index.htm
9. Аппиан. Митридатовы войны // http://www.vehi.net/istoriya/rim/appian/ mitridat.html
10. Арриан Флавий. Диспозиция против аланов // http://xlegio.ru/sources/ektaxis-kata-alanon/ektaxis-kata-alanon.html
11. Арский Ф.Н. Страбон. – М., 1974.
12. Бахрах Б.С. Аланы на Западе. – М., 1993.
13. Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Вып.9. – Азов, 1990.
14. Белоусов С.В. Военное искусство германских народов IV-VI вв. н.э.: Дисс… канд. ист. наук. – М., 1995.

15. Берлизов Н.Е. Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах. – Вып.3. – 1997.

16. Берлизов Н.Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Междунар. конф. «Проблемы истории и культуры сарматов». Тезисы докладов. – Волгоград, 1994.

17. Бикерман Э. Государство Селевкидов. – М., 1985.

18. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: Учебник для старших классов средней школы. – М., 2005.

19. Богомолов В.А. Армия древнего Рима // http://xlegio.ru/ancient-armies/military-organization-tactics-equipment/army-of-ancient-rome/

20. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – М., 1983.

21. Ванеев З.Н. Исторические известия об аланах-осах // Избранные работы по истории осетинского народа. – Цхинвали, 1989.

22. Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т.1. – Мн., 2002.

23. Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т.2. – Мн., 2002.

24. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Избранные сочинения в II томах. Т.1. – Ростов-на-Дону, 1995.

25. Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи (окончание). Рим и раннее христианство. Избранные сочинения в II томах. Т.2. – Ростов-на-Дону, 1995.

26. Габелко Л. История Вифинского царства. – СПб., 2005.

27. Габриелян Р.А. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). – Ереван, 1989.

28. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения // http://ancientrome.ru/antlitr/sallustius/index.htm

29. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей // http://ancientrome.ru/antlitr/svetoni/index.htm

30. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. IV. – Тифлис, 1884.

31. Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Gerodian/index.php

32. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. – М., 2001.

33. Голубцова Е.С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I-III вв. – М., 1962;

34. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М., 2007.

35. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М., 2007.

36. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. – М., 2007.

37. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2005.

38. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории. – Владикавказ, 2001.

39. Даньшин Г. Последний поход Митридата // http://sochived.info/posledniy-pohod-mitridata/

40. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. т.I. – СПб., 1996.

41. Денисон Дж. История конницы. – М., 2001.

42. Джонс Т. Варвары. – М., 2007.

43. Дмитриев В.А. Аммиан Марцеллин и персы (восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н.э.). Дисс… канд. ист. наук. – Великий Новгород, 2003.

44. Дмитриев В.А. Состав персидской армии IV в. н.э. в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Метаморфозы истории. Альманах. – Вып. 3. – Псков, 2003.

45. Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // http://ancientrome.ru/publik/dreyer/dreyer01-f.htm

46. Дэйви М. Эволюция войн. – М., 2009.

47. Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн. В 4 т. – СПб., 1997.

48. Евтропий. Бревиарий от основания Города // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Evtr/index.php

49. Епифанцев А. Будет ли новая русско-грузинская война? – М., 2010.

50. Зверев Я.И. Вторая Македонская война: битва при Киноскефалах // http://xlegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/

51. Зелинский Ф.Ф. Римская империя. – М., 2000.

52. Зелинский Ф.Ф. Римская республика. – М., 2002.

53. Ибатуллин Р.У. Из истории персидской кампании Юлиана (рейд Себастиана и Прокопия) // http://xlegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/

54. Иосиф Флавий. Иудейская война // http://ancientrome.ru/antlitr/flavius/index.htm

55. Исаенко А.В. Сармато-аланы в Британии // Научная мысль Кавказа. – №1. – Ростов-на-Дону, 1995.

56. Каминский В.Н Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. – Краснодар, 1993.

57. Кантор Г. Армия Византии // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

58. Кантор Г. Военное искусство Древнего Рима // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

59. Кантор Г. Военное искусство Древней Греции // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

60. Канья Р. Legio (Легион) // http://www.xlegio.ru/ancient-armies/military-organization-tactics-equipment/legion/

61. Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. – СПб., 1993.

62. Климов О. Пергамское царство. – СПб., 2010.

63. Ковалев С.И. История Рима. – СПб., 2003.

64. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. – М., 1984.

65. Комнина Анна. Алексиада // http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Anna_Komnina/text1.phtml?id=8206

66. Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. – М., 2000.

67. Константин Багрянородный. Об управлении империей // http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/index.phtml?id=6412

68. Королев К. Между Македонией и Римом // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

69. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992.

70. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. В 2 т. – СПб., 1992-1993.

71. Левкинадзе В.А. Понтийский лимес // Вестник древней истории. – Вып. 2. – М., 1969.

72. Лысенко Н.Н. Аланский поход Нерона // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 5. – Саратов, 2002.

73. Маврикий. Тактика и стратегия // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

74. Мальком К. Парфяне. Последователи пророка Зороастры. – М., 2004.

75. Марцеллин Аммиан. Римская история // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Marcell/index.php

76. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль (Полного свода источников) Ибн-ал-Асира. – Баку, 1940.

77. Махлаюк А.В. Римские войны. Под знаком Марса. – М., 2005.

78. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959.

79. Меринг Ф. История войн и военного искусства // http://militera.lib.ru/h/mehring_f/index.html

80. Молев Е.Л. Властитель Понта. – Н.Новгород, 1995.

81. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа в Дагестане. – М., 1979.

82. Немировский А.И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. – Воронеж, 1985.

83. Нефёдкин А.К. Арриан: жизнь и творчество // Арриан. Тактическое искусство. – СПб., 2010.

84. Панченко Г.К. Клинок в бою. 5000 лет сражений. – М., 2010.

85. Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. – М., 2010.

86. Перевалов С.М. Военное дело у аланов II в. н.э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах. – Вып. 2. – Армавир-М., 1997.

87. Перевалов С.М. Военное дело у аланов II в. н.э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика»). // Историко-археологический альманах. – Вып. 3 – Армавир-М., 1997.

88. Перевалов С.М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // Историко-археологический альманах. – Вып.4. – Армавир-М., 1999.

89. Перевалов С.М. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра. – № 4. – Владикавказ, 2007.

90. Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. – М.-Л., 1956.

91. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л., 1941.

92. Плутарх. Сравнительные жизнеописания // http://ancientrome.ru/antlitr/plutarch/index.htm

93. Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий. — М., 1985.

94. Полибий. Всеобщая история // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Polib/index.php

95. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. // http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/P.phtml?id=2056

96. Разин Е.А. История военного искусства XXXI в. до н.э. – VI в. н.э. – СПб., 1999.

97. Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/ran/index.php

98. Риттерлинг Е. VI Железный легион // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Том VI. – Екатеринбург, 2007.

99. Робинсон Рассел. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. – М., 2006.

100. Рыжов К. Все монархи мира. Древняя Греция. Древний Рим. Византия. – М., 1999.

101. Сапрыкин С. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье – М., 1996.

102. Секст Юлий Фронтин. Стратегемы (военные хитрости) // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

103. Симокатта Феофилакт. История // http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokatta/pred1.phtml?id=3421

104. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов, 1990.

105. Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов, 1986.

106. Сланов А. Военное искусство алан в I – III вв. н.э. // http://www.darial-online.ru/2000_5/slanov.shtml

107. Страбон. География. – М., 1964.

108. Тараторин В.В. История боевого фехтования. – Мн., 1998.

109. Тараторин В.В. Конница на войне (история кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн). – Мн., 1999.

110. Тацит Корнелий. История // http://ancientrome.ru/antlitr/tacit/index.htm

111. Тацит Корнелий. Анналы // http://ancientrome.ru/antlitr/tacit/index.htm

112. Теодор Моммзен. История Рима. В 5 т. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Momm/index.php

113. Тит Ливий. История Рима от основания Города // http://ancientrome.ru/antlitr/livi/index.htm

114. Тогошвили Г.Д. Сослан-Давид. – Владикавказ, 1990.

115. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М., 2006.

116. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании X в. до н.э. – VII в. н.э. – М.-Л., 1959.

117. Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – М., 1953.

118. Туаллагов А.А. Влияние сармато-алан на военное дело в городах Северного Причерноморья. – Владикавказ, 1993.

119. Фёдорова Е.В. Императорский Рим в лицах. – М., 1979.

120. Феофан Исповедник. Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Feofan/pred2.phtml?id=9405

121. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // http://xlegio.ru/sources/vegetius/de-re-militari.html

122. Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // http://xlegio.ru/ancient-armies/military-organization-tactics-equipment/cataphractarii-role-in-art-of-war/

123. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971.

124. Хазанов А.М. Пешие и конные // http://xlegio.ru/ancient-armies/military-organization-tactics-equipment/infantry-and-cavalry/

125. Хлевов А.А. Морские войны Рима // http://www.sno.pro1.ru/lib/khlevov_morskie_vojny_rima/index.htm

126. Хоренаци Мовсес. История Армении в трех частях рассказанная Мовсесом Хоренаци по просьбе Сахака Багратуни // http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Horen/frametext21.htm

127. Шкрабо Д. Битва при Магнесии (190 г. до н.э.) // http://xlegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/

128. Шкрабо Д. Битва при Пидне 168 г. до н.э. // http://xlegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/

129. Шмалько А.В. «Пришел, увидел, победил» (Битва при Зеле 2 августа 47 г. до н.э.) // http://xlegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/

130. Шмалько А.В. Восточный поход Нерона // http://xlegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/

131. Энгельс Ф. Армия // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – т.14. – М., 1959.

132. Энгельс Ф. Военно-морской флот // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – т.14. – М., 1959.

133. Энгельс Ф. Кавалерия // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – т.14. – М., 1959.

134. Энгельс Ф. Лагерь // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – т.14. – М., 1959.

135. Энгельс Ф. Пехота // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – т.14. – М., 1959.

136. Эней Тактик. О перенесении осады // Военное искусство античности. – М.-СПб., 2003.

137. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». – М., 1964.

138. Яковлев В.В. История крепостей. – М.-СПб., 2000.

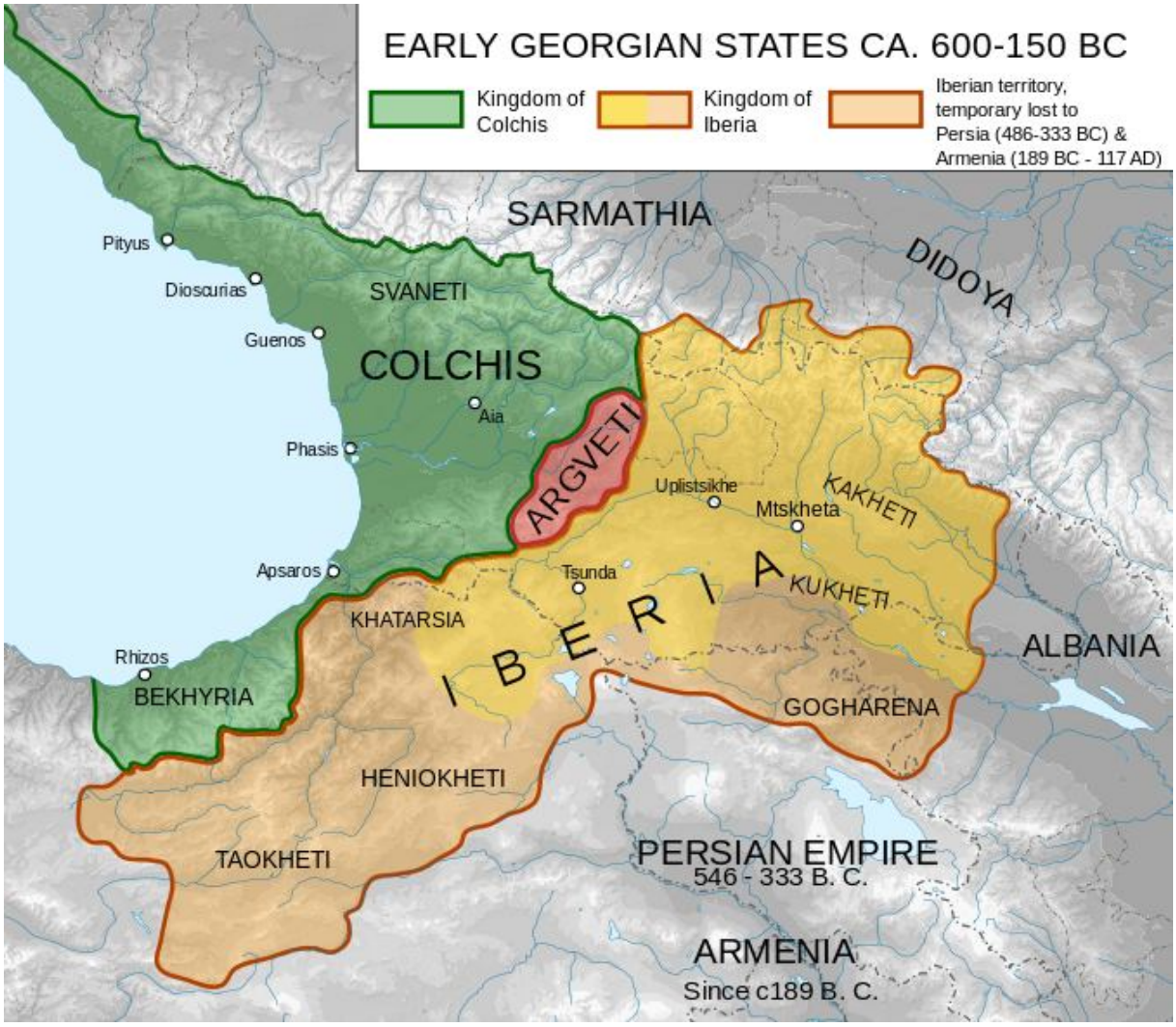
КАРТЫ

Понтийское царство

Закавказье и Ближний Восток в эпоху Античности

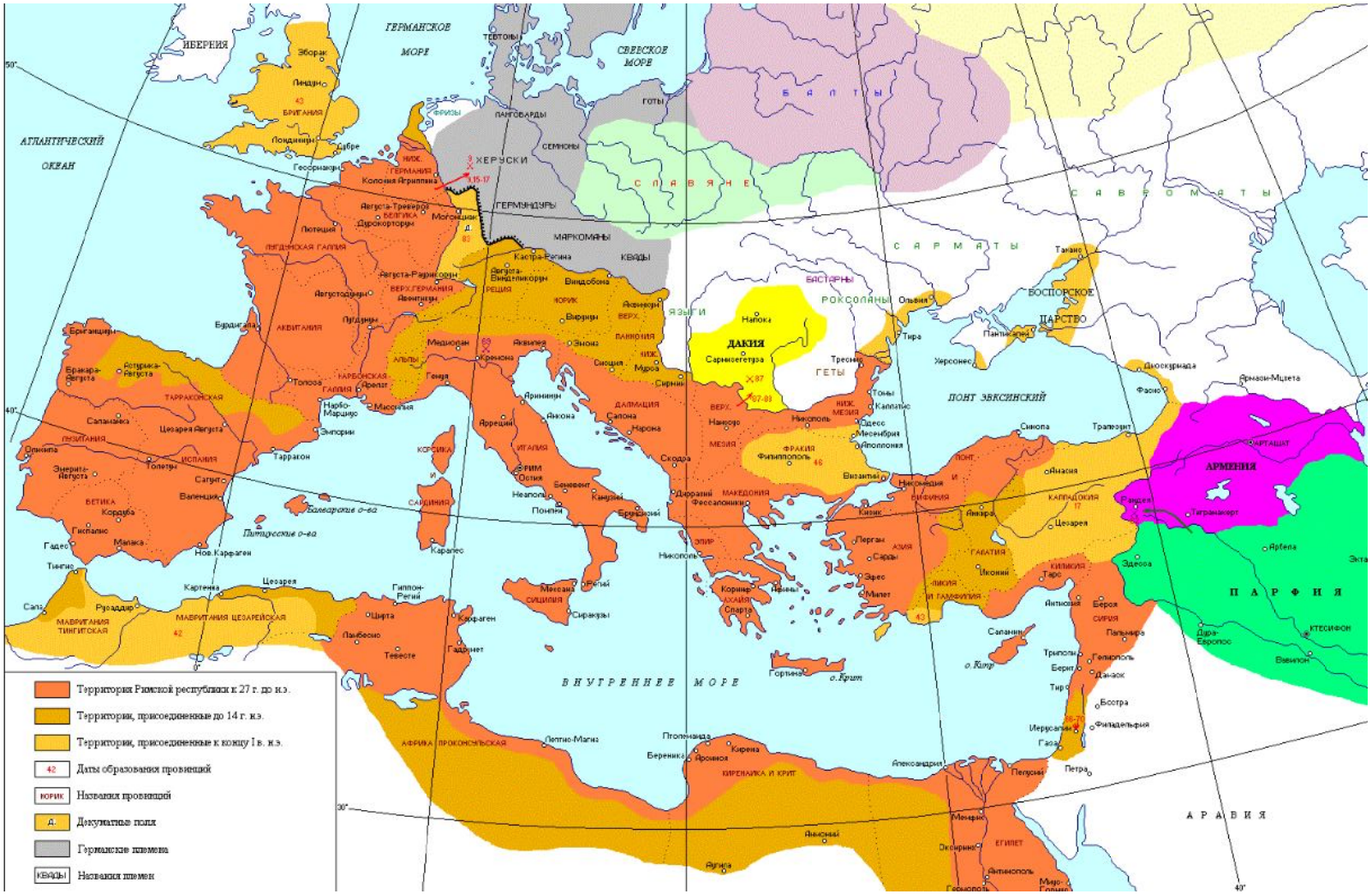
Античное Закавказье

Колхида и Иберия



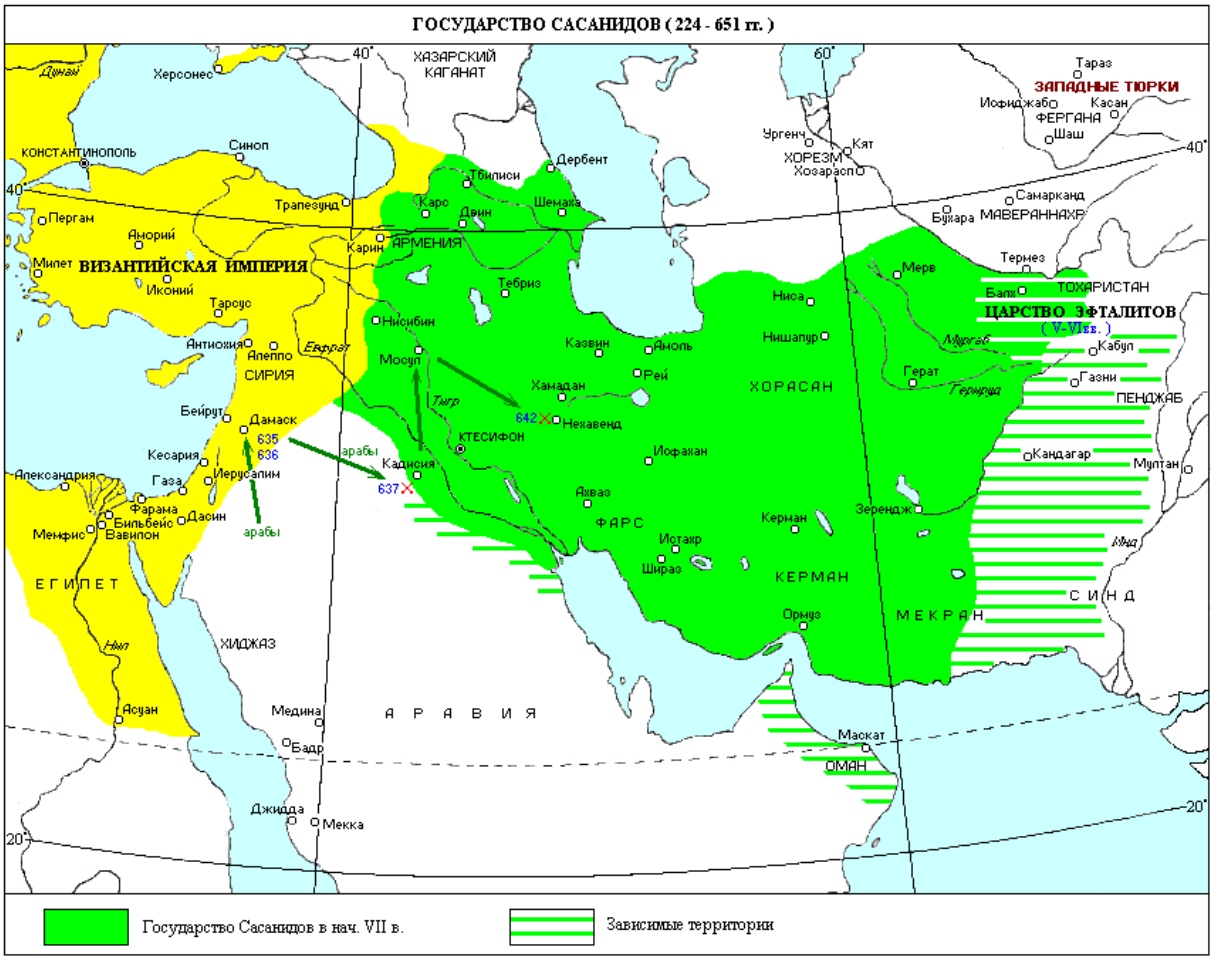
Освоение Римом Средиземноморского бассейна

Превращение Средизменого моря в Римское море



Парфянская царство

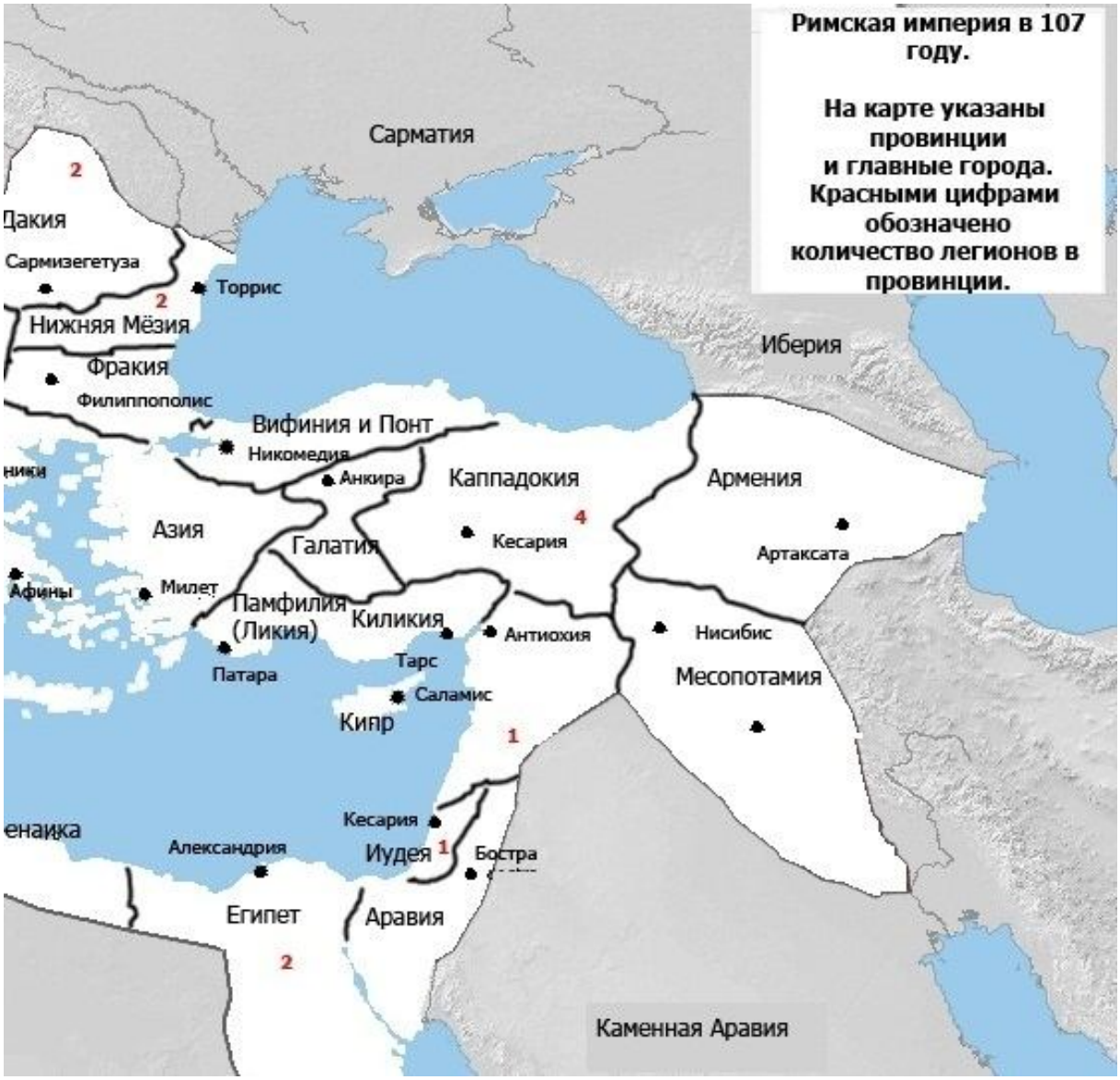
Сасанидский Иран



Восточные владения Римской империи

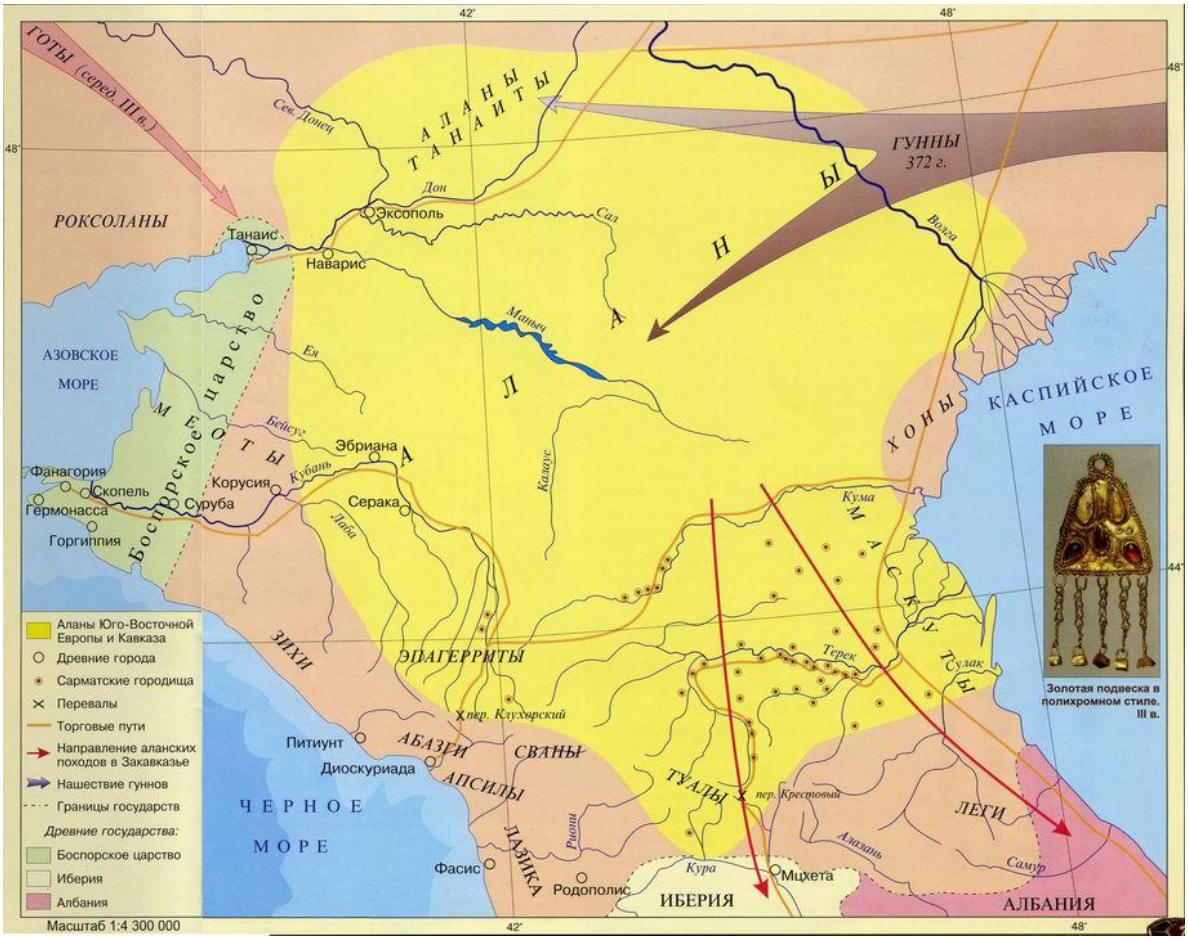
Колхида и опорные точки Понтийского лимеса

Восточные провинции Рима и их легионы



Места базирования римских легионов на Востоке

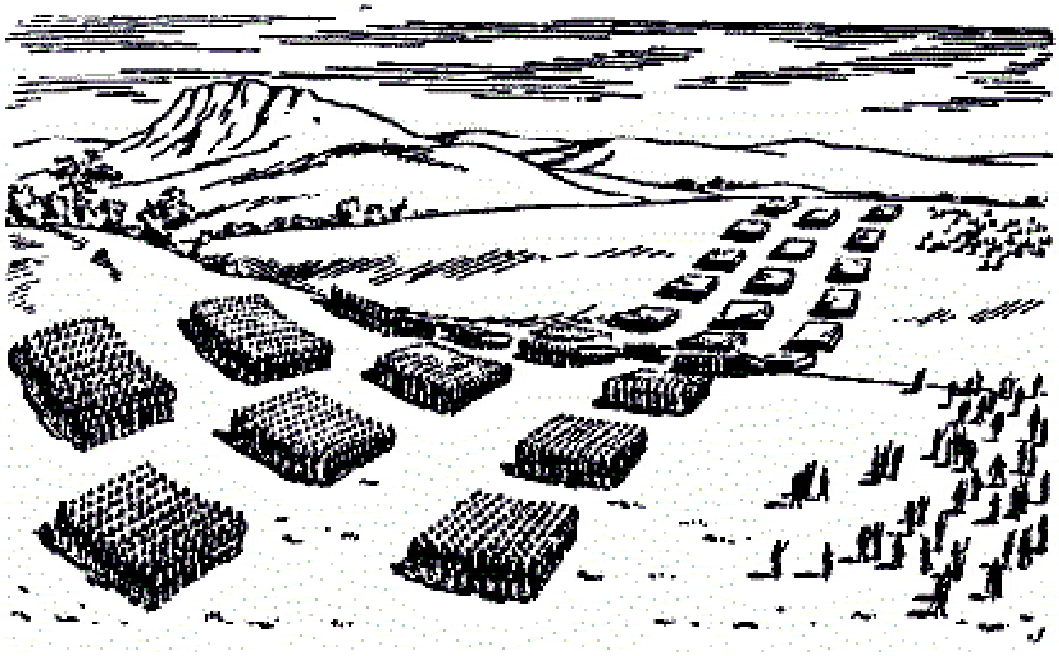
Северный Кавказ и аланы



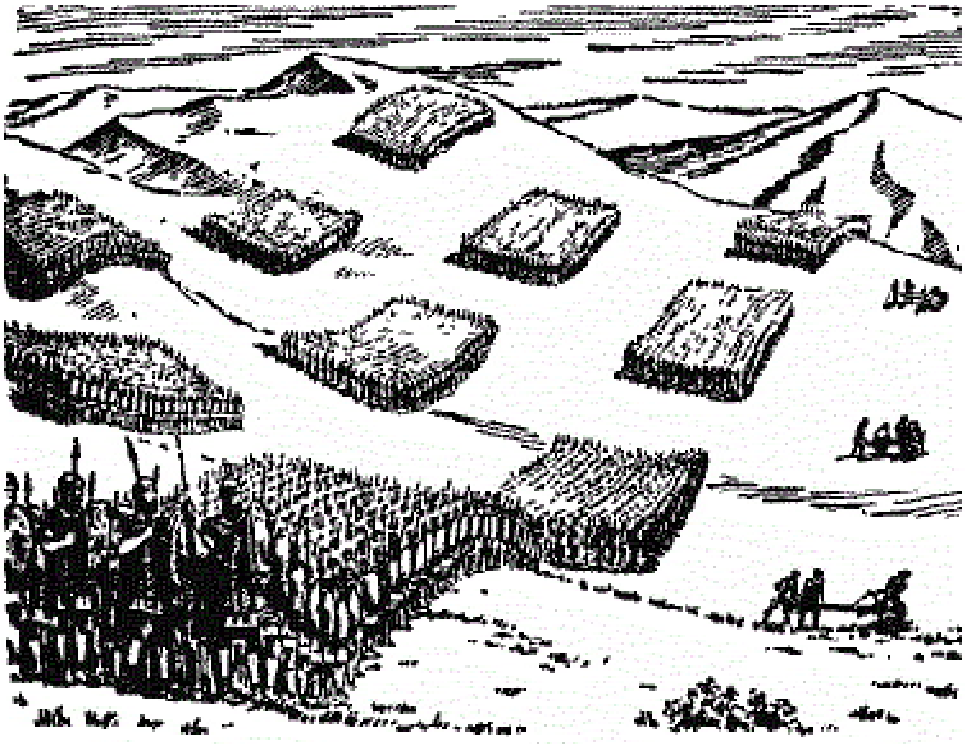
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Классический римский легионер

Приложение 2. Виды боевого строя легиона.



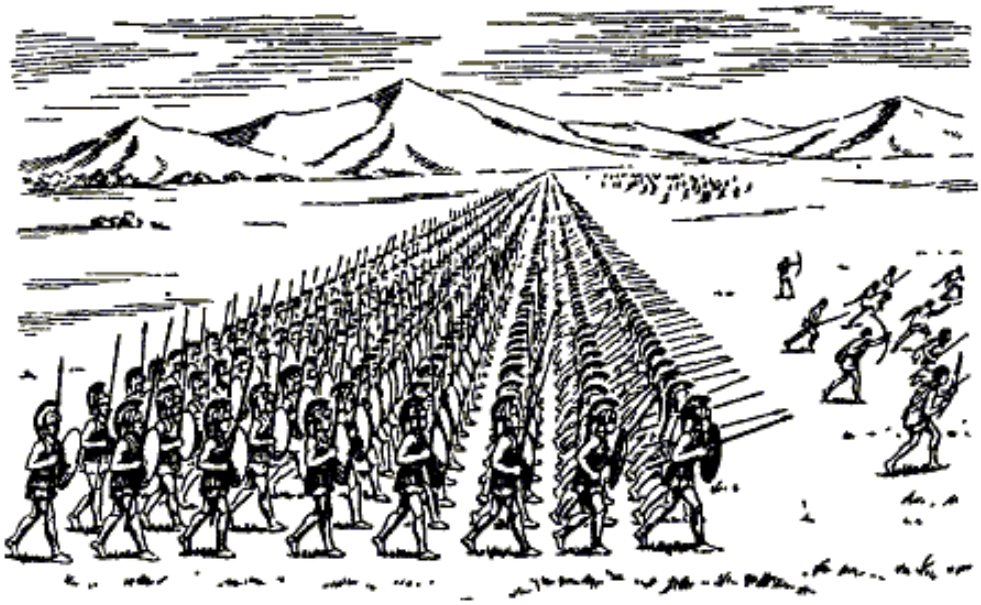
Манипулярный строй



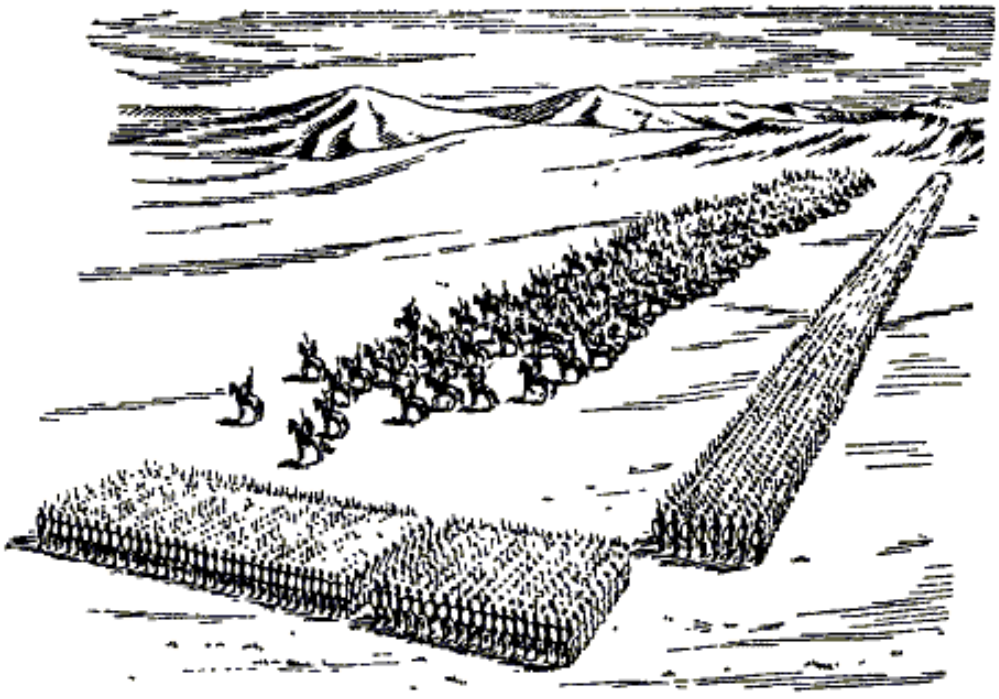
Когортный строй

Приложение 3.
Парфянские конные лучники

Приложение 4-1. Виды боевых порядков фаланги

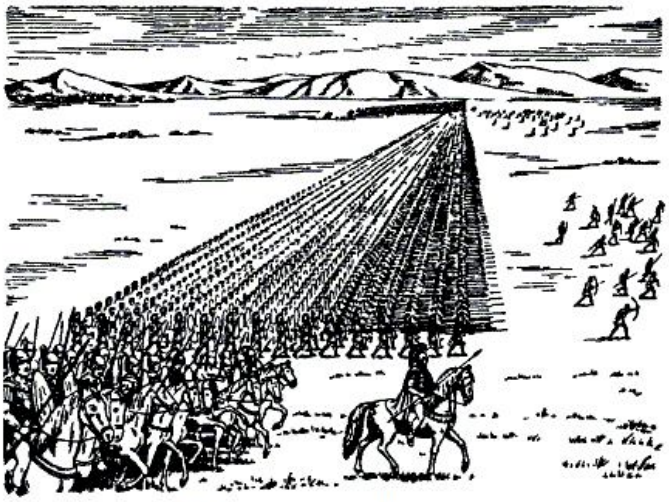


Афинская классическая фаланга

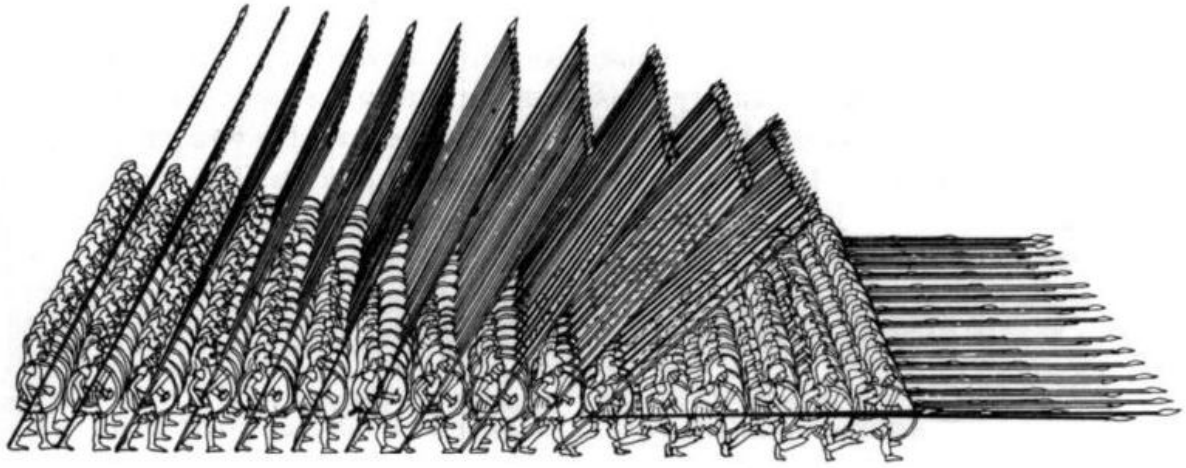


Фиванская фаланга (косой строй)

Приложение 4-2. Виды боевых порядков фаланги

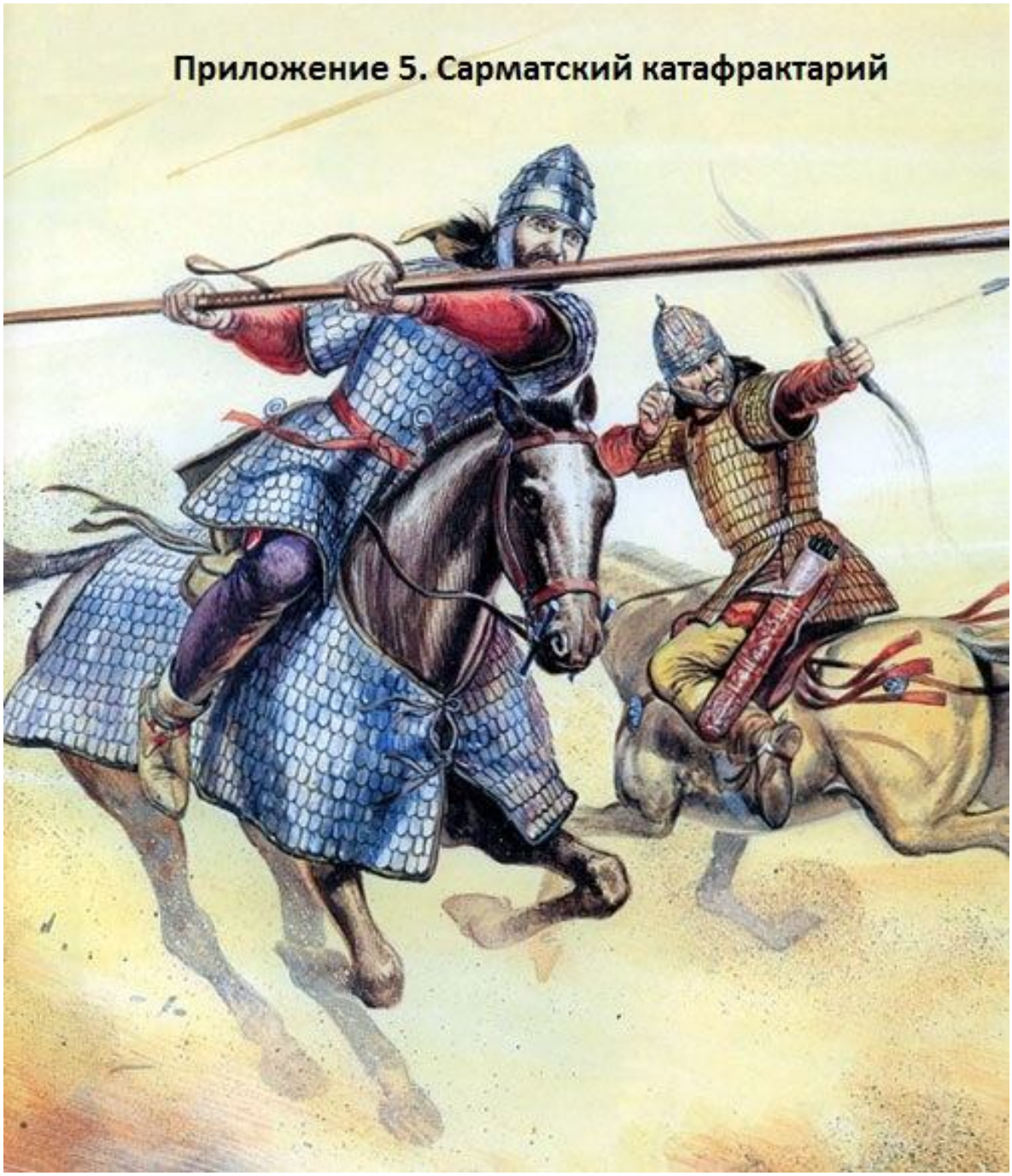


Македонская фаланга



Македонская фаланга

Приложение 5. Сарматский катафрактарий



Приложение 6. Парфянские катафрактарии

Приложение 7. Сасанидский клибанарий

Приложение 8. Атакующий строй катафрактариев

Атака катафрактариев фалангой

Битва при Каррах - атака катафрактов

Приложение 9. Битва при Каррах - катафракты против легионеров

Приложение 10. Римские клибанарии

Для заметок

Остахов А.А., Ильюшин Ю.В.

КАВКАЗ В ЭПИЦЕНТРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РИМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (I В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.)

Подписано в печать 23.07.2012. Формат 60 х 84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Тираж 500 экз. Заказ №7369

Отпечатано с готового оригинала-макета, представленного автором
в типографии ФГБОУ ВПО «Пятигорского государственного
гуманитарно-технологического университета»
Отдел оперативной полиграфии
357500, Ставропольский край, г. Пятигорск,
ул. Октябрьская / пр.40 лет Октября, 38/90.
тел. (8793) 39-04-89